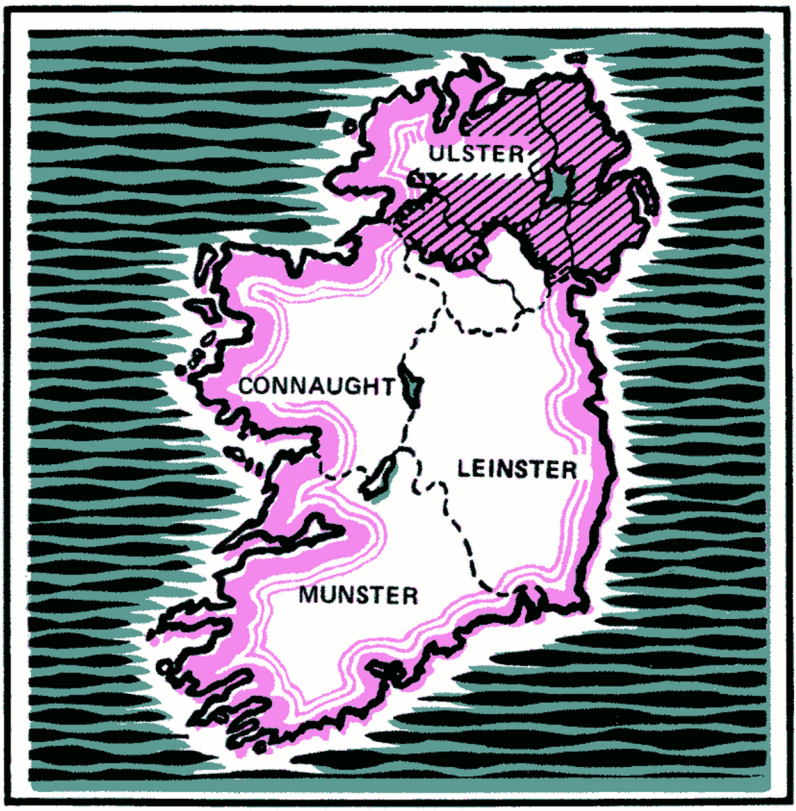
Е.Ю.ПОЛЯКОВА

ОЛЬСТЕР: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страны и народы»

Е. Ю. ПОЛЯКОВА

ОЛЬСТЕР: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

П 54 Полякова Е. Ю. Ольстер: истоки трагедии.— М.: Наука, 1982.— 164 с.— (Страны и народы).

В книге рассказывается об исторических корнях ольстерской трагедии начиная с XVII в., со времен Английской буржуазной революции. «Ольстерский вопрос» рассматривается в неразрывной связи с кризисом Британской империи. Автор показывает, что под религиозной оболочкой движения скрываются серьезные социально-экономические и общественно-политические причины.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

© Издательство «Наука», 1982 г.

П $\frac{0504000000-066}{054(02)-82}$ 36—82.НП

ВВЕДЕНИЕ

История всякого народа поучительна. В этом отношении история Ирландии не составляет исключения. Она таит в себе много бурных, романтических и вместе с тем трагических страниц. В то же время на карте мира найдется немного стран, где прошлое так тесно смыкается с настоящим.

«Юнайтед Кингдом» — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Это название знает сегодня каждый. Однако далеко не каждый когда-либо задумывался о его происхождении. Почему именно Северная Ирландия, которую чаще называют просто Ольстером *, занимающая часть территории соседнего с Великобританией острова, входит в состав Соединенного Королевства? Какова историческая судьба этой части небольшого острова, к которой почти 15 лет приковано внимание мировой общественности?

Сегодня над Ольстером реет британский флаг, символизируя отличие этого района от республиканской Ирландии, занимающей основную часть острова. Согласно закону о флагах и эмблемах, действующему в Северной Ирландии, на ее территории запрещено вывешивать трехцветный флаг Ирландской Республики.

Обособленность Ольстера от остальной Ирландии существовала не всегда. Она явилась продуктом специфических исторических обстоятельств. Это особенно важно помнить в наше время, когда второй десяток лет не за-

* Понятия Ольстер и Северная Ирландия не идентичны. Ольстер — одна из четырех провинций (Ольстер, Лейнстер, Манстер, Коннот), расположенная на северо-востоке Ирландии. После раздела Ирландии в 1921 г. бо́льшая часть Ольстера, состоящая из шести графств, вошла в состав Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Три остальных ольстерских графства стали частью ирландского доминиона. Северной Ирландией называют те шесть ольстерских графств, которые составляют часть Соединенного Королевства.

тихает борьба угнетенного населения Северной Ирландии за гражданские права — против репрессивного законодательства, против политической, религиозной, расовой дискриминации, когда число погибших за это время составило не одну тысячу.

События в Северной Ирландии переросли в острейший социально-политический кризис, вновь обострившийся хроническую «ирландскую болезнь» британского империализма. Как отмечал Л. И. Брежнев, «английский империализм уже много лет ведет жестокую войну против народа Северной Ирландии, поднявшегося на борьбу за свои права» [1].

Понять существо современного североирландского кризиса невозможно без обращения к историческим особенностям развития «Зеленого острова» *. Сегодняшний Ольстер — наследие колониализма, наследие раскола Ирландии и ее народа, уходящее своими корнями к далекой эпохе английского завоевания. Уже тогда, на рубеже XVI—XVII вв. разыгрались первые акты ольстерской трагедии, возникло понятие «ольстерская проблема» — отчуждение северо-восточной провинции Ольстер от остальной Ирландии, начало превращения ее в главную опору английского господства в стране.

В течение нескольких веков ирландский народ вел самоотверженную, непрекращающуюся борьбу за национальное освобождение. История Ирландии конца XVIII—XIX в. отмечена важными этапами освободительного движения. Восстание под руководством «Объединенных ирландцев» 1798 г.; борьба за рипиль (отмену англо-ирландской унии и равноправие католиков), принесшая акт об эмансипации католиков 1829 г.; революционные события 1848 г.; восстание фениев 1867 г.; борьба крестьян за землю и образование общеирландской земельной лиги и, наконец, требование гомруля (самоопределения) — таковы основные вехи освободительной борьбы ирландского народа к началу XX в. Уолф Тон и Роберт Эммет, Джон Митчел и Джеймс Лалор, Чарльз Парнелл и Майкл Девитт и, конечно, Падраик Пирс и Джеймс Коннолли — эту плеяду блестящих имен, навсегда оставшихся в памяти ирландцев борцами за национальное и социальное освобождение, подарило прошедшее столетие.

* «Зеленым» или «изумрудным» островом часто называют Ирландию за ее пышную растительность, круглый год щедро покрывающую остров.

С начала XX в. открылся новый этап в ирландском освободительном движении. Именно тогда антагонизм между угнетенным ирландским народом и британским империализмом достиг кульминации, именно тогда начали складываться предпосылки антиимпериалистической революции, которая грянула после первой мировой войны. Развернувшаяся в стране в 1919—1923 гг. национально-освободительная революция завершилась преобразованием бывшей британской колонии в доминион — под названием Ирландское свободное государство. Тогда же усилиями английского империализма, стремившегося любыми путями, хотя бы частично, сохранить свои позиции в Ирландии, страна была расколота: промышленный протестантский Север и аграрный католический Юг были искусственно противопоставлены друг другу. На севере страны, согласно англо-ирландскому договору 1921 г., возникла юнионистская самоуправляющаяся провинция Северная Ирландия, вошедшая в состав Соединенного Королевства. Ирландскому национально-освободительному движению был нанесен чувствительный удар. Антиимпериалистическая революция ирландского народа осталась незавершенной: не было достигнуто единство страны, не произошло ее подлинного — политического и экономического — освобождения от иностранного ига. Именно в сохраняющемся расколе Ирландии и ее народа кроется основная причина современного конфликта. Движение за гражданские права в Северной Ирландии объективно направлено на завершение ирландской национально-освободительной революции — на ликвидацию раскола страны и создание единой и независимой Ирландской республики.

Не приходится удивляться, что вокруг событий, связанных как с проблемой Ольстера, так и с разделом Ирландии, ведется острая идейно-политическая борьба. Эта борьба, естественно, находит свое отражение в историографии, ставшей полем многочисленных научных дискуссий.

В Англии и в Ирландии интерес к указанным сюжетам, обусловленный не столько академическими, сколько политическими соображениями, особенно усилился в последние годы. События в Северной Ирландии конца 60—70-х годов с новой остротой поставили вопрос: в чем же существо ольстерской проблемы, каковы ее истоки? Буржуазная историография не в состоянии справиться с этой задачей. Попытки ряда английских и североирландских бур-

жуазных историков свести нынешний ольстерский кризис к традиционному религиозному конфликту все меньше удовлетворяют широкую общественность. Острота современных ольстерских событий делает все более очевидным тот факт, что религиозные противоречия являются лишь внешним выражением глубокого социально-экономического конфликта североирландского общества, пронизывающего всю историю «Зеленого острова». Поэтому усилилось стремление связать современный ольстерский кризис с событиями прошлых лет и столетий, иными словами, рассмотреть ольстерскую проблему в ее историческом развитии. Представители официальной английской и североирландской науки вопреки исторической реальности вплоть до 1968 г., как правило, утверждали, что с подписанием англо-ирландского договора 1921 г. ольстерский, как и ирландский, вопрос сошел с британской политической сцены.

Ограниченность методологии, в частности отрицание идей исторической закономерности, недооценка социально-экономических факторов общественного развития, а также тенденциозность подхода не позволяют буржуазным ученым увидеть связь между современными событиями в Северной Ирландии и разделом страны. В противоположность им представители прогрессивной историографии, в первую очередь историки-марксисты, видят в современном ольстерском кризисе неизбежное следствие британской политики раскола Ирландии.

В настоящей работе делается попытка показать, опираясь на достижения советской и зарубежной прогрессивной историографии, основные этапы исторического развития Ольстера с начала английской колонизации в XVII в. до раздела Ирландии, проследить основные пути развития Северной Ирландии после раздела, выявив характерные особенности, связанные с ее неоколониалистской эксплуатацией, которые сделали неизбежным возникновение нового кризиса. Политика английских правящих кругов, направленная на раскол ирландского народа, рассматривается в неразрывной связи с историей национально-освободительного движения в Ирландии. Именно в развитии с начала XIX в. национально-освободительной антиимпериалистической борьбы народа «мятежного острова» за свою независимость кроется главная причина сговора британской правящей верхушки с ольстерской реакцией, направленного на подрыв ирландского единства.

Глава 1

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Начало колонизации Ольстера

Понятие «ольстерская колония», а вместе с ним и «ольстерская проблема» зародились в XVII в. и непосредственно связаны с английской колонизацией Ирландии. Впервые английские рыцари появились на ирландской земле в XII в., высадившись на востоке страны, в провинции Лейнстер под предводительством Генриха Плантагенета. Так началась затянувшаяся почти на восемь веков колонизация Ирландии, встретившая, однако, упорное, непрекращающееся сопротивление свободолюбивого ирландского народа. В течение нескольких столетий английским феодалам удалось завоевать лишь незначительную территорию на востоке острова. К началу XVII в. Ольстер был наиболее отсталой ирландской провинцией. На его территории проживали племена кельтов, называвших себя гэлами и оказавших упорное сопротивление английскому завоеванию. В отличие от остальной Ирландии, где развивались торговые порты Дублин, Корк, Голуэй, в Ольстере почти не было городов. Его население занималось скотоводством, а территория принадлежала клановым вождям, из которых наиболее влиятельными были О'Нейл и О'Доннелл, графы Тайрона и Тирконнелла. Именно под их руководством в правление Елизаветы (1558—1603), последней представительницы династии Тюдоров, в Ольстере развернулось мощное антианглийское восстание, которое переросло в длившуюся девять лет национальную войну. Потерпев в 1603 г. поражение, О'Нейл и О'Доннелл покинули Ирландию.

Победа над ольстерскими вождями открыла новые возможности колонизации Ольстера. Английский абсолютизм решил окончательно уничтожить очаг наиболее упорного сопротивления в Ольстере, который должен был стать оплотом британского господства на острове. Коренное население было уничтожено, изгнано или продано в рабство. Новый этап колонизации Ольстера характеризовало стремление полностью изменить состав ольстерского населения путем сгона с земли коренных ирландцев и привлечения колонистов всех классов из Англии и Шотландии. Главнокомандующий английскими войсками в Ирландии Ма-

унтджой указывал: «Поскольку ирландцы упорствовали в своем папском суеверии, представлялось целесообразным особо позаботиться как о заселении этих новых колоний такими людьми, которые менее всего поддавались бы варварским обычаям и папскому суеверию ирландцев, так и о том, чтобы уберечь их от смешения с другим населением» [1]. Земли бежавших графов на территории графств Арма, Каван, Колрейн, Донегол, Фермана, Тайрон были конфискованы и переданы новым поселенцам. Лондонскому муниципалитету было предоставлено право колонизации графства Колрейн, для чего была создана специальная Ирландская компания. Напоминанием об этом служит название Лондондерри, которое получил расположенный на территории графства город Дерри, а позже и все графство. Однако сами ирландцы отвергают это название, предпочитая ему доколониальное Дерри.

В разработанный Лондоном план колонизации Ольстера не вошли восточные графства Антрим и Даун, поскольку они не были собственностью бежавших клановых вождей. Однако именно этим территориям, расположенным в непосредственной близости от шотландских берегов, предстояло стать прибежищем первых колонистов, массами устремившихся в Ольстер из равнинной Шотландии. Этому способствовал ряд обстоятельств, в первую очередь экономического характера: массовые огораживания в Англии и Шотландии и сгон арендаторов с земли, которую они надеялись обрести по ту сторону пролива Св. Георга. Эта эмиграция поощрялась английским королем Яковом I, происходившим из шотландской династии Стюартов.

Среди первых шотландских колонистов Ольстера попадались люди с весьма сомнительной репутацией: стремившиеся уйти от правосудия преступники, авантюристы, искатели легких способов обогащения. Махинации, обман, подкуп, шантаж — всем этим не пренебрегали ради приобретения огромных участков земли. Так, некие Хью Монтгомери и Джеймс Гамильтон, шотландские приближенные короля, пользуясь своей осведомленностью (один из них еще при Елизавете был тайным королевским агентом в Ирландии), узнали о каком-то владельце 10 тыс. акров земли, заключенном в тюрьму. Пользуясь близостью к королю, предприимчивые деятели добились освобождения узника в обмен на бо́льшую часть его поместья.

Новая мощная волна эмиграции из Шотландии была вызвана религиозными гонениями на шотландских пресвитериан * в связи с попыткой английских королей Якова I и его сына Карла I Стюартов приблизить шотландскую церковь к англиканской, подчинив ее тем самым королевской власти. Спасаясь от преследований, ревностные пресвитериане стали массами прибывать в Ольстер. Они принесли в Ольстер характерный для шотландских пресвитериан уклад жизни, когда главным его мерилом и существом внутреннего мира человека становится религиозность, или, говоря словами К. Маркса, «рабство по убеждению» [2]. Религиозный фанатизм и суровые пуританские нравы, строжайшая церковная дисциплина, детально контролирующая личную жизнь, преклонение перед духовной властью пресвитеров-старейшин и синодов сочетались с политическим консерватизмом и верой в божественную справедливость социальных различий. Порабощение женщины проявлялось в ее традиционном подчинении патриархальным семейным отношениям: женщины не имели права собственности, для них и в Шотландии, и в Ольстере школы и университеты были недоступны. Черты жестокости и аскетизма, свойственные шотландским пресвитерианам, культивировались в условиях жизни ольстерских колонистов, существующих в постоянном страхе перед справедливым гневом угнетенного католического населения, стремившегося вернуть свои законные владения. С начала заселения Ольстера англичанами и шотландцами колонизаторский элемент оказался связанным с протестантизмом, а католицизм превратился в религию угнетенных и преследуемых **. Именно тогда были заложены основы влияния католицизма в Ирландии, а католическая церковь начала приобретать нерастраченный и поныне политический капитал. Протестантская община в Ирландии не была однородной: среди ее представителей

---

* Пресвитериане (от греческого presbyteros — старейшина) — название, утвердившееся за приверженцами кальвинистской церкви в Шотландии и в Англии. Пресвитерианская церковь как разновидность протестантизма была основана Джоном Ноксом в Шотландии в середине XVI в. Главную роль в церковном управлении играли пресвитеры-старейшины.

** Англиканская реформация церкви XVI в. встретила решительное сопротивление в Ирландии, большинство населения которой осталось католическим. В стране появились две церкви: официальная англиканская и гонимая английскими властями католическая.

выделялись последователи шотландских пресвитериан и приверженцы епископальной англиканской церкви, Church of Ireland *.

Таким образом, с самого начала колонизации национальные, политические и религиозные различия в Ольстере совпали с социальными. Ключевые позиции в экономической и политической жизни заняли английские и шотландские дворяне-землевладельцы, а также купцы. Их опору составляли остальные колонисты.

Новым этапом закабаления Ирландии явился период Английской буржуазной революции, когда были заложены основы колониального режима, просуществовавшего несколько столетий. Революция в Англии началась открытием 3 ноября 1640 г. Долгого парламента, а уже через год (с осени 1641 г.) в Ирландии вспыхнуло восстание против английского господства. Борьба продолжалась десять лет. Одним из центров восстания стал Ольстер, который почти полностью был занят повстанцами. В 1649 г. «усмирять» Ирландию прибыл Кромвель. Его путь был отмечен кровавым террором, символом которого стала резня в городах Дрогеде и Уэксфорде. Так, в Дрогеде был истреблен не только гарнизон, но и гражданское население, включая священнослужителей. Опустошение целых местностей, массовое истребление населения, продажа его в рабство — все это вместе с эпидемиями и потерями от участия в военных действиях сократило численность коренного ирландского населения на 0,5 млн. человек. Время кромвелевских войн Ф. Энгельс называл «самым мрачным периодом во всей истории Ирландии» [3].

Экспедиция Кромвеля носила колониальный характер. Она была направлена на укрепление пошатнувшихся позиций Англии в Ирландии и дальнейшее порабощение ирландского народа. Знаменитые кромвелевские акты «об устроении Ирландии» 1652 и 1653 гг. санкционировали конфискацию земли у всех, кто имел какое-либо отношение к восстанию. Уцелевшие после гонений, но лишенные своих владений ирландцы под страхом смерти переселялись на запад, в пустынную и неплодородную провинцию Коннот, где было создано ирландское поселение, которое его жители не могли самовольно покидать. В то

---

* До 1869 г. являлась государственной религией Ирландии. После восстания фениев правительство Гладстона провело закон, ликвидировавший привилегии англиканской церкви.

время родилась и горькая пословица: «Убирайся в ад или в Коннот!», красноречиво свидетельствующая о том, что значило для ирландцев подобное переселение. Конфискованные земли раздавались офицерам и солдатам кромвелевской армии, а также прибывшим вместе с ними предпринимателям. Основатель ирландской аристократической семьи Лэнсдаунов сэр Уильям Петти в 1652 г. высадился в Ирландии с капиталом в 500 ф. ст. Скромный врач кромвелевской армии добился затем должности одного из уполномоченных суда по делам об ирландских поместьях и генерального инспектора Ирландии. К концу жизни Уильям Петти владел всеми землями графства Керри и получал ежегодную ренту в 18 тыс. ф. ст.

Кромвелевское устроение Ирландии привело к новому распределению ирландских земель. В результате смены земельных собственников в Ирландии возникло крупное английское протестантское землевладение. Коренное население постепенно возвращалось из изгнания, чтобы на своих старых землях стать бесправными арендаторами новых хозяев. В свою очередь, терпимость английских лендлордов к ирландским арендаторам и батракам объяснялась нехваткой рабочих рук, необходимых для обработки захваченных земель.

Ольстер не являлся исключением из правил кромвелевского «устроения» Ирландии. Более того, изгнание местного католического населения проходило там более активно в результате действий протестантских колонистов, занимавших земли экспроприированных католиков. Однако последние, несмотря на преследования, возвращались на свою исконную территорию. Поскольку среди колонистов было много фермеров и протестантский Ольстер не нуждался в рабочих руках католических арендаторов, возвращавшееся население находило прибежище в лесах и на холмистых склонах со скудной почвой. По образному выражению Джеймса Коннолли, «в Ольстере кельт вернулся на свои древние клановые земли, но лишь на холмы и каменистые уступы, откуда мог затуманенными от слез глазами смотреть вниз на плодородные равнины своих отцов, занять которые вновь он уже не мог надеяться даже из милости» [4].

Деятельность Кромвеля в Ирландии отличалась воинствующим антикатолицизмом, фанатическим преследованием католической религии. Он, в частности, указывал: «Если под свободой совести подразумевается свобода от-

правления мессы, то этому не бывать там, куда распространяется власть английского парламента»[5]. Политика Кромвеля способствовала укреплению в Ирландии протестантского господства, но именно в Ольстере оно приобрело специфические черты, связанные с особенностью колонизации провинции. Протестантское верховенство, называемое специальным термином «Protestant Ascendancy», в Ольстере опиралось на мощный отряд протестантов-колонистов. Протестантов Ольстера сплачивало чувство господства над местным католическим населением и страх перед его справедливым гневом. Представление о превосходстве над католиками укреплялось с помощью протестантской (как англиканской, так и пресвитерианской) церкви, санкционировавшей колониальный грабеж. С годами развивалось своеобразное чувство ольстерского протестантского патриотизма. Потомки английских и шотландских колонистов переставали считать себя шотландцами и англичанами. Своей родиной они считали Ольстер, чьи земли «законно», с королевской санкции получили их предки, здесь жившие и похороненные. И эти земли ольстерцы-протестанты были готовы с оружием в руках защищать от ольстерцев-католиков, потомков коренного населения.

Ольстерский протестантский патриотизм отчетливо проявился в период «якобитских» войн 1689—1691 гг. Вступление на английский престол в 1685 г. короля Якова II, убежденного католика, грозило покончить с привилегиями протестантов в Ирландии. На пост ирландского генерал-губернатора был назначен католик Ричард Талбот, граф Тирконнеллский. Настроения протестантов нашли выражение в песне «Лиллибулеро»:

Ты слышал ли, брат, королевский указ?
Лиллибулеро, баллен а-ла!
Новый наместник будет у нас.
Лиллибулеро, лиллибулеро.
Боже великий, да это ж Талбот!
Лиллибулеро, баллен а-ла.
Нас он за глотку живо возьмет.
Лиллибулеро, баллен а-ла.

Новый наместник стал вытеснять протестантов с ответственных постов и заменять их католиками, которых он также вербовал в армию.

Когда в результате так называемой «славной революции» 1688 г. Яков II был свергнут своим зятем-протестантом, голландским принцем Вильгельмом Оранским, протестантское население Ольстера немедленно признало нового короля и отказалось подчиняться генерал-губернатору Талботу. Однако Яков считал католическую Ирландию своим оплотом в борьбе за престол. Он прибыл туда в марте 1689 г. и организовал католическую армию. Ольстерские протестанты стали готовить организованное сопротивление Якову. Жители были вооружены, создана армия и специальный комитет по руководству восстанием. Центрами протестантского сопротивления стали переполненные беженцами со всего Ольстера города Эннискиллен и Дерри, жители которых закрыли городские ворота перед армией Якова II. После неудачных попыток склонить Дерри к сдаче Яков начал длившуюся 105 дней осаду города. Оборона Дерри в дальнейшем стала одним из самых значительных событий в протестантской истории Ольстера. Будучи не в состоянии разрушить толстые городские стены, армия Якова II окружила город и перерезала реку Фойл, по которой шло снабжение Дерри. Ограниченные запасы продовольствия в городе, где скопились десятки тысяч человек, скоро кончились. Начался мор. Голодающие жители истребляли всю имеющуюся живность. Как записал в дневнике один из руководителей обороны Дерри, пресвитер Джордж Уокер, в ход за весьма дорогую плату шли собаки, лошади, кошки, крысы; маленький мышонок стоил 6 пенсов [6]. Победа Якова казалась предрешенной, но 30 июня 1689 г. флот Вильгельма Оранского по реке Фойл прорвался в Дерри и поддержал силы осажденных. Армии Якова пришлось отступить. Ольстер был открыт для высадки войск Вильгельма Оранского.

Решающая встреча двух армий произошла 12 июля 1690 г. на реке Бойн, где превосходящие силы Вильгельма Оранского, состоящие из английских, французских, голландских и датских наемников, одержали победу над католической армией Якова II. «Славная революция», которую в Англии любят называть бескровной, не была таковой для Ольстера. На его полях, в сражении на реке Бойн произошла главная битва, решившая судьбу английского трона. Последний представитель шотландской династии Стюартов бежал во Францию.

Неудачная блокада Дерри войсками Якова II и победа

на Бойне стали символом протестантской твердости духа. Победы протестантского оружия сознательно используются для разжигания религиозной вражды. Почти 300 лет день 12 июля (годовщина битвы на Бойне) ежегодно отмечается шумными протестантскими парадами, которые нередко «по традиции» заканчиваются избиением католиков. Центральной фигурой всех преданий является Вильгельм Оранский, король-освободитель, принесший в Ольстер свободу от папского суеверия и «гэльского варварства». Ольстерские протестанты почитают его как святого, превознося «славную блаженную и вечную память короля Вильгельма III, который избавил нас от воров и воровства, от рабов и рабства, от плутов и плутовства, от пап и папства, от нищенских медяков и деревянных башмаков!» (из протестантского тоста) [7].

Победа Вильгельма Оранского закрепила господство протестантов в Ирландии. Власть католической церкви и джентри *, которые пережили елизаветинское завоевание и кромвелевские походы, была окончательно уничтожена. Коренная ирландская аристократия была почти полностью экспроприирована вследствие новых крупных земельных конфискаций, составивших около 1 млн. акров земли. В целом в начале XVIII в. католики в Ирландии сохранили только 14%, а в Ольстере и того меньше — 5% земельной собственности.

Господствующее положение протестантов закреплялось серией так называемых карательных законов против католиков, фактически отстранявших последних от многих видов хозяйственной деятельности и лишавших их политических и гражданских прав. Гонениям подверглась и католическая церковь, поскольку государственной религией был объявлен протестантизм. Все население было обязано платить налог (десятину) в пользу протестантской церкви.

Карательные законы, проводимые под флагом религиозной борьбы с иноверцами-католиками за «чистоту» англиканской веры, на деле являлись лишь средством насаждения режима колониального угнетения и были продиктованы далекими от религии социально-экономическими и политическими соображениями правящих кругов. По-

---

* Джентри — название среднего и мелкого дворянства в Англии XVI—XVII вв.

этому не случайно это законодательство использовали не только против ирландских католиков, но и против ирландцев, принявших англиканство. В целом карательные законы стали средством ограбления ирландских народных масс, их окончательного порабощения английскими лендлордами.

С конца XVII в. преследованиям стали подвергаться и протестантские диссентеры *, в первую очередь пресвитериане. В основном это были выходцы из Шотландии, которые благодаря своей многочисленности, влиятельной церковной организации, а также экономическому преуспеванию могли стать угрозой господству англиканской церкви и ее приверженцев в Ирландии. Среди пресвитериан не было крупных землевладельцев, их влияние определялось многочисленностью среднего класса — зажиточных фермеров и торговцев, сосредоточенных в одной провинции — Ольстере. Они преобладали в основных городах Ольстера — Белфасте и Лондондерри. Серией законов начала XVIII в. пресвитериане были отстранены от участия в общественно-политической жизни. Введение оскорбительной присяги закрывало путь ко всем должностям в суде, армии, флоте, таможне и муниципалитете для тех. кто не признавал догм англиканской церкви. Пресвитерианам запрещалось иметь свои школы, венчаться у своих священников, брак между пресвитерианами и представителями англиканской церкви считался незаконным; пресвитерианские священники не могли собирать паству и проводить службу, ибо за это подвергались тюремному заключению. Спасаясь от преследований, значительное число ольстерских пресвитериан в XVIII в. эмигрировало в Америку.

В конце XVII и особенно в XVIII в. Ольстер сделал заметные успехи в экономическом развитии. Значительных размеров достигла внешняя торговля не только с Англией и Шотландией, но и с Францией, Испанией, Голландией, североамериканскими колониями. Перевозки осуществлялись как на английских и шотландских, так и на ирландских судах. Основу экспорта составляла сельскохозяйственная продукция, в первую очередь животноводческая, тогда как мануфактурные изделия были представлены незначительно. Крупнейшим покупателем была

* Диссентеры (от англ. dissent — отступать) — в Англии одно из названий отступающих от официально принятого вероисповедания, в данном случае англиканского.

Франция, на рынки которой уходило три четверти экспортируемого масла, половина мяса, треть зерна. Импорт был представлен углем и тканями из Великобритании, в том числе полотном из Шотландии, вином, коньяком, парусиной и бумагой из Франции, вином и фруктами из Испании, специями из Голландии. В Ольстер поступал также лес из Балтийских стран и табак из североамериканских колоний [8]. Значение торговли в жизни Ольстера нашло отражение даже в учебной литературе того времени: в школьных учебниках по математике приведены задачи, в которых вычислялась прибыль от заморской торговли с Ямайкой, Вирджинией, Испанией.

Английские запретительные пошлины, установленные на ирландские товары, имели губительные последствия для зачатков ирландской промышленности. В частности, запрет на ввоз в Англию и английские колонии ирландских шерстяных тканей и стеклянных изделий привел к уничтожению этих отраслей производства. В то же время в Ольстере развивалось полотняное и хлопчатобумажное производство, наряду с рассеянной мануфактурой возникали первые фабрики с применением машин, росла канатная, пивоваренная промышленность, строились торговые суда. На экономическом развитии Ольстера благоприятно сказались специфические отношения, получившие распространение между собственниками земли и ее арендаторами — «ольстерский обычай». Это был именно обычай, не получивший законодательного закрепления, но повсеместно распространенный в провинции. «Ольстерский обычай», или «ольстерское право», содержал ряд пунктов, из которых основными были следующие:

1) умеренность арендной платы (улучшения, произведенные в хозяйстве арендатором, не учитывались при определении ренты);

2) гарантированность аренды (лендлорд не мог прекратить аренду, пока арендатор платил за землю);

3) продажа фермерского права — права аренды (если арендатор хотел отказаться от аренды, ему предоставлялась возможность с согласия хозяина получить от покупателя компенсацию за затраты на улучшение хозяйства).

Все три пункта «ольстерского права», тесно связанные между собой, в конечном итоге ограждали фермера от произвольного изгнания, которому подвергались арендаторы в других частях Ирландии, даже при исправном платеже за аренду. Перспектива получения вознаграждения

за сделанные затраты поощряла фермеров, создавала возможность накопления капитала и способствовала интенсификации сельского хозяйства. «Ольстерское право» явилось компромиссом между землевладельцем и арендатором. Лендлорды шли на него по ряду причин. Соблюдение «ольстерского обычая» обеспечивало эффективное ведение сельского хозяйства, правильное поступление арендной платы, а также сглаживало социальные конфликты в деревне. Распространение этого обычая в Ольстере имело определенные исторические причины и было связано главным образом с наличием в Ольстере контингента состоятельных людей, способных вкладывать капиталы в сельское хозяйство и приобретать фермерское право. Это находилось в прямой связи с характером ольстерского фермерства. Фермерами в Ольстере являлись в большинстве своем потомки англо-шотландских колонистов. В их среде преобладал протестантский элемент, обеспечивающий его носителям определенные привилегии. Показательно, что в остальной части Ирландии «ольстерский обычай» был распространен мало и, как правило, в тех областях, где среди фермеров преобладали потомки колонистов.

«Ольстерский обычай» способствовал накоплению денежных средств в провинции, уменьшению зависимости населения от земли как источника существования, лучшему положению сельскохозяйственных жителей, чем на юге и западе страны. Однако не следует полагать, будто за счет «ольстерского обычая» полностью устранялись классовые конфликты в деревне. Лендлорды часто нарушали условия аренды, требуя повышения арендной платы. В результате фермеры и их семьи оказывались выброшенными на улицу. Особенно массовый сгон арендаторов с земли осуществил в 70-х годах XVIII в. лорд Донегол, барон Белфаста, владевший огромными поместьями в графстве Антрим. В результате его «чистки» страну покинуло около 30 тыс. фермеров-протестантов. Оставшиеся в Ольстере вступали в тайные общества «Дубовые парни», «Стальные сердца» и т. п. для борьбы против лендлордов. В целом аграрные выступления в Ольстере XVIII в. достигли значительной остроты.

Центром экономической жизни Ольстера являлся Белфаст. Основанный в самом начале XVII в. на месте средневекового англо-норманнского поселения в устье реки Лаган, Белфаст к концу столетия стал четвертым по ве-

личине портом Ирландии, насчитывавшим около 20 тыс. жителей. Возникший как рынок сбыта сельскохозяйственной, а затем и кустарной текстильной продукции, Белфаст с началом промышленной революции превратился в центр капиталистического развития Ольстера. Помимо текстильной промышленности, представленной полотняными и хлопчатобумажными фабриками, начало развиваться инженерное производство и судостроение. В 1791 г. некий Ритчи, прибывший вместе с помощниками из Шотландии, организовал строительство первой судоверфи. Несколько ранее был основан первый белфастский банк. С середины XVIII в. Белфаст становится не только экономической, но и политической и культурной столицей Ольстера. Пресвитериане, составлявшие большинство его населения, обучались в университетах Шотландии, тесно связанных с европейской общественной мыслью. Возвращаясь в Ольстер, они привозили с собой передовые идеи того времени. Группа пресвитерианских министров создала «Белфастское общество», члены которого занимались толкованием и переосмыслением Библии. Некоторые из них внесли вклад в развитие идей о природе власти, ставших философской основой американской революции. В целях развития образования были созданы Белфастская академия, Общество распространения знаний, библиотека, типография. В городе существовал театр, процветала книжная торговля, издавалась газета. Интеллектуальная атмосфера Белфаста подготовила почву для формирования радикальных идей и требований, которые выдвигала ирландская буржуазия в последние десятилетия XVIII столетия.

Несмотря на относительное преуспевание Ольстера по сравнению с остальной Ирландией, его экономика также страдала от введенных метрополией ограничений на экспорт скота, продовольственных товаров, шерстяных изделий в Англию и другие страны Европы и Америки, от навигационных актов, тормозивших развитие местного торгового флота. Интересы растущей протестантской буржуазии Севера вступали в противоречие с дискриминационной политикой английского правительства. В то же время ее политические позиции были непрочными. В тот период буржуазия обладала недостаточным представительством в дублинском парламенте, который к тому же находился под контролем Вестминстера. Выступление протестантской буржуазии против экономического и поли-

тического угнетения приняло форму движения волонтеров, выдвинувших требования свободы торговли, парламентской реформы и парламентской независимости, а также отмены карательных законов против католиков. «В начале своего формирования (1779—1783) волонтеры — вооруженный протестантизм Ирландии — охватывают все энергичные элементы всех классов: знати, дворян, купцов, крестьян-арендаторов, работников. Первая их цель — освобождение от торговых и промышленных оков... Затем национальная независимость. Затем реформа парламента и эмансипация католиков как одно из условий национального возрождения» — так характеризовал К. Маркс начальный этап движения волонтеров[9]. Распространенное по всей стране движение волонтеров было особенно сильно на Севере. Выступления волонтеров подготовили почву для мощного демократического движения за национальное самоопределение, свободное экономическое развитие и политическое равенство, развернувшегося в Ирландии в последние десятилетия XVIII в. под влиянием американской и французской революций. Победа американских колоний в борьбе за независимость, взятие Бастилии нашли живой отклик у населения Ирландии, всколыхнули чувства национального самосознания и единства. События Великой французской революции широко освещались в газетах Белфаста, а 14 июля 1791 г. там прошла демонстрация, отметившая вторую годовщину взятия Бастилии. В тот же день была принята «Декларация волонтеров и всех жителей города и окрестностей Белфаста по поводу Французской революции». В ней говорилось: «Мы собрались сегодня отметить годовщину Французской революции... Если нас спросят, что значит для нас Французская революция, мы ответим — многое. Многое как для людей. Это благо для человеческой природы, что там, где стояла Бастилия, теперь растет трава. Мы радуемся событию, которое означает уничтожение гражданского и религиозного рабства, мы радуемся, когда видим, что это уродливое здание злоупотреблений, скрепленное только привычкой и воздвигнутое на невежестве поверженного народа, разрушено до самого основания и заменено принципом свободы для всех и общего блага... Продолжай же свое дело, великий и мужественный народ, осуществляй на практике возвышенную философию своих законодательных принципов ... не путем завоевания, а силой разума заменяй и освобождай мир — мир, взоры которого прико-

ваны к тебе ... ты поистине являешься надеждой всего мира» [10].

В октябре 1791 г. в Белфасте было создано революционно-демократическое общество, получившее характерное название «Объединенные ирландцы». Вскоре его отделения распространились по всей стране. Хотя основу общества составляла протестантская буржуазия, в нем участвовали и католики, а также представители городских низов и крестьянства. Основателем общества и его идеологом стал молодой адвокат-протестант из Дублина Теобальд Уолф Тон (1763—1798), известный своими выступлениями против карательных законов. Пламенный революционер и патриот Уолф Тон призывал католиков и протестантов покончить с религиозной враждой, объединиться против общего врага, поднять восстание с целью создания независимой демократической Ирландской республики. Демократическая политическая программа общества объективно носила антифеодальный и антиколониальный характер, была направлена против английского лендлордизма.

Оценивая значение деятельности общества «Объединенные ирландцы» для развития ирландского освободительного движения, К. Маркс писал: «В октябре 1791 г. в Белфасте он (Тон.— *Е. П.*) основал первое общество „Объединенных ирландцев". С этого момента движение волонтеров переходит в движение „Объединенных ирландцев". Вопрос о католиках стал вопросом об ирландском народе. Вопрос заключался уже не в том, чтобы отменить правовые ограничения для католиков высшего и среднего классов, а чтобы освободить ирландских крестьян, в подавляющей своей части католиков. Вопрос стал социальным по содержанию, принял французские политические принципы по форме, оставаясь по-прежнему национальным» [11]. «Объединенные ирландцы» провозгласили принципы национального суверенитета и гражданского равенства. Они призывали ирландский народ к сплочению и единству, чтобы с гордостью произносить общее имя — ирландец. В издаваемой в Белфасте радикальной газете «Северная звезда» культивировались ирландские национальные традиции: древний фольклор, поэзия. В 1792 г. в Белфасте был организован фестиваль национальной музыки. «Северная звезда» писала о единой ирландской нации, безразличной к религиозным разногласиям. В целом в эти годы были созданы условия для складывания ир-

ландской нации. Однако этот процесс был насильственно прерван. Активный процесс формирования ирландской нации вновь возобновился лишь через 100 лет, в конце XIX — начале XX в.

Однако именно единства ирландского народа больше всего боялись английские правящие круги, господство которых в Ирландии зиждилось на традиционной политике «разделяй и властвуй». Уже в 1791 г. британский министр иностранных дел лорд Гренвиль писал генерал-губернатору Ирландии графу Уэстморленду: «Охваченный глубоким беспокойством, я прошу принять эффективные меры для предотвращения намечающегося союза между католиками и диссентерами. Мои предсказания могут и не сбыться, но, право, я имею основания предвидеть самое худшее в случае осуществления подобного союза» [12]. Это высказывание — классическое выражение курса на разобщение ирландцев в интересах английских правящих кругов. И эффективные меры были приняты. В 1795 г. в графстве Арма была создана фермерская протестантская организация «Оранжевые ребята», преобразованная впоследствии в «Орден оранжистов». Она, как и подобные ей группы, боролась против католиков-арендаторов, шантажом и насилием добиваясь их выселения. В период мощных аграрных выступлений, а также роста и усиления «Объединенных ирландцев», стремившихся вовлечь в движение не только городские, но и сельские католические массы, именно организация оранжистов была использована правительством для противодействия демократическому движению, для разжигания религиозной вражды. Генерал Нокс из Данганнона сообщал наместнику Лондона в Ольстере генералу Лейку: «Я принял меры... к тому, чтобы усилить враждебность между оранжистами и „Объединенными ирландцами". От этой враждебности зависит безопасность центральных графств Севера» [13]. Под этим высказыванием почти двухсотлетней давности могли бы подписаться руководящие английские буржуазные политики второй половины XX в. Поощряя оранжистов, генерал Лейк лично принимал их парады.

Уолф Тон и другие руководители «Объединенных ирландцев» готовились к вооруженной борьбе за провозглашение Ирландской республики. Планы готовящегося восстания они связывали с помощью революционной Франции. И хотя все попытки высадки французских войск в Ольстере потерпели неудачу, сам факт напугал прави-

тельство, перешедшее к открытым репрессиям. Было объявлено военное положение, генерал Лейк получил неограниченные полномочия. Была разгромлена типография газеты «Северная звезда», изъято оружие у основной массы населения. В марте 1798 г., основываясь на информации осведомителей, проникших в центральные организации «Объединенных ирландцев», правительство арестовало большинство руководителей общества. Был схвачен и после тяжелого ранения скончался в тюрьме военный руководитель готовящегося восстания лорд Эдвард Фицджеральд. Однако восстание все-таки началось. В мае-июне 1798 г. в Аптриме и Дауне на севере, в Уэксфорде на юге в течение нескольких недель существовала Ирландская республика. Но действия повстанцев не были скоординированы, их выступления не совпадали по времени. После ряда ожесточенных и кровопролитных сражений восстание было подавлено. Осенью прибыла запоздалая помощь от французов. На одном из французских кораблей находился У. Тон. После неравного боя с превосходящими силами англичан французская эскадра потерпела поражение, а У. Тон был схвачен и приговорен к смертной казни через повешение. Тон просил заменить виселицу расстрелом. Получив отказ, он, чтобы избежать позорной казни, перерезал себе горло. Этими драматическими событиями завершилась еще одна страница ирландской истории. Страна вступала в новое столетие.

«Английский гарнизон»

С конца XVIII в. начался новый этап английской политики в Ирландии. Правящие круги Великобритании, напуганные восстанием 1798 г., решили лишить Ирландию государственной независимости. «Уния — единственное средство предотвратить превращение Ирландии в сильную страну»,— писал в 1799 г. помощник английского государственного секретаря по ирландским делам Кук премьеру Англии У. Питту-младшему [14]. 2 августа 1800 г. в последний раз собрался ирландский парламент, а 1 января 1801 г. вступила в силу законодательная уния, присоединившая Ирландию к Англии в качестве провинции, о чем напоминал новый «Юнион Джек» *, развевавшийся

* «Юнион Джек» — государственный флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, учрежден в 1801 г., сочетание цветов и расположение полос на нем отра-

над Дублинским замком. Дублинский парламент был ликвидирован, и лишь 100 ирландским депутатам предстояло быть избранными в парламент Англии, где они могли составить незначительное меньшинство. Уния окончательно лишила Ирландию не только политической, но и экономической независимости. Отныне Ирландии отводилась роль «скотоводческого ранчо», монопольного рынка сбыта дешевых английских промышленных товаров. Последнее обстоятельство тяжело сказалось на развитии ирландской промышленности, в первую очередь ее главной отрасли — текстильной. Отмена протекционистских тарифов и введение свободной торговли к середине XIX в. практически свели на нет зачатки ирландского промышленного производства. «Английское правительство... сумело добиться Унии 1800 года, то есть уничтожения Ирландии как нации и ее превращения в деревенское захолустье Англии», — писал К. Маркс [15].

По-иному обстояло дело в Ольстере. Именно этой провинции, явившейся в конце XVIII столетия центром протестантского свободомыслия, надлежало теперь стать «английским гарнизоном» в покоренной стране. Противопоставляя Ольстер с его преобладающим протестантским населением католической Ирландии, британские политики стремились создать на севере прочный форпост для борьбы с национально-освободительным движением.

Современные английские и ирландские буржуазные историки вопреки историческим фактам отрицают, что экономический упадок Ирландии в XIX в. непосредственно связан с английской колониальной политикой. Экономическую отсталость Ирландии они относят за счет таких «естественных» причин, как технологические и организационные преимущества переживавшей промышленный переворот британской экономики. Более того, некоторые из них доходят до отрицания таких явных факторов, как решающая роль англо-ирландской унии в упадке ирландской экономики. В то же время причины бурного промышленного развития Ольстера в XIX в. остаются вне поля зрения буржуазных авторов. Такие объяснения, как особо выгодное географическое положение Ольстера и наличие там большого числа предприимчивых бизнесменов, являются лишь апологетикой британской колони-

---

жает особенности существовавших в то время флагов Англии, Шотландии и Ирландии, символизирует их союз.

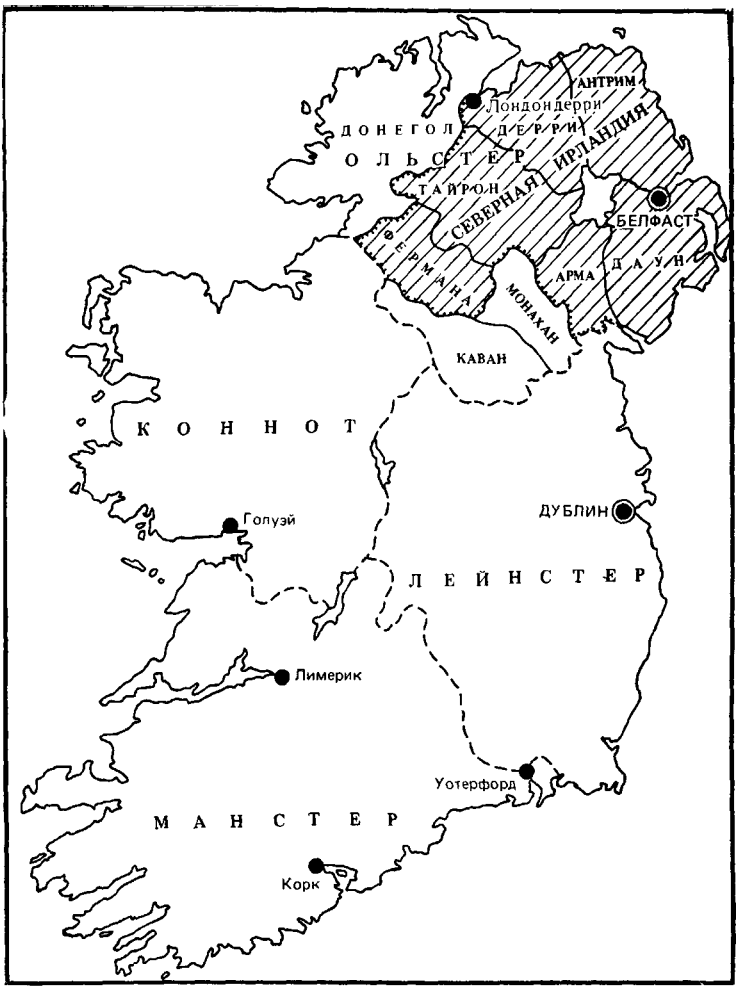
альной политики в Ирландии, суть которой заключалась в создании благоприятных условий для экономического развития Ольстера в ущерб остальной части страны.

Ольстер стал единственной провинцией Ирландии, которой уния принесла экономический подъем. В первые десятилетия XIX в. здесь начался промышленный переворот, охвативший в первую очередь полотняную промышленность. Введение машинного производства в Ольстере было связано с деятельностью представителей английских и шотландских семей — Гримшоу, Уоллесов, Ритчи, Пимов, Ричардсонов, поддерживавших тесные контакты с метрополией. Еще в конце XVIII в. в Лисберне (недалеко от Белфаста) появился богатый шотландский купец Джон Барбур, открывший несколько полотняных мануфактур. В 1840 г. его сын Уильям внедрил у себя на предприятиях прядильные машины, что дало резкий толчок расширению производства. Барбуровский концерн «Лайнен тред К°», обладавший к концу XIX в. капиталом в 3,3 млн. ф. ст., стал первым в Ирландии монополистическим объединением. Финансировалась фирма двумя шотландскими и ольстерскими банками, ее главная контора была расположена в Глазго. Развитие машинного производства способствовало бурному росту полотняной промышленности в Ольстере. К началу 60-х годов в ней завершился промышленный переворот. Это позволило ольстерскому льняному производству выстоять в борьбе с конкуренцией англо-шотландских фабричных районов. В 1840 г. в Белфасте было 18 полотняных фабрик, а в 1861 г. на 32 фабриках города работало 34 тыс. рабочих. Из них 70% составляли женщины[16]. Мужское население обслуживало преимущественно судостроение и связанные с ним отрасли промышленности. Предпринимателей, стремившихся открыть в Ольстере очередную фабрику, не могло не привлекать то обстоятельство, что женский труд оплачивался дешевле, чем мужской. К. Маркс указывал, что «льнообрабатывающая промышленность (в Ирландии.— *Е. П.*) требует сравнительно мало взрослых рабочих мужчин...»[17]. Полотняная промышленность Ольстера была сосредоточена в семи крупнейших фирмах. Кроме упоминавшегося концерна Барбура, ведущую роль играли такие известные фирмы, как «Брукфилд лайнен К°» с капиталом в 600 тыс. ф. ст., «Ричардсон, санз энд оуден» (капитал 456 800 ф. ст.), «Йорк стрит флэкс Спиннинг К°» (650 тыс. ф. ст.), а также менее крупные объединения

Фултонов, Кэмпбеллов, Лидделлов, Фрэзеров. Все они финансировались ольстерскими, а также английскими и шотландскими банками.

Помимо производства льняного полотна и изделий из него, текстильная промышленность Ольстера была представлена хлопчатобумажной и шерстяной отраслями, которые, однако, не получили широкого распространения. В непосредственной связи с текстильной промышленностью развивалось швейное производство, центром которого являлся Лондондерри, второй после Белфаста по величине и значению город Северной Ирландии. Самой крупной являлась фирма «Уэлч, Маргестоу энд К°».

Наряду с полотняной промышленностью ведущей отраслью экономики Ольстера являлось судостроение. Деревянные суда строились в Белфасте еще в XVIII в., а первый ирландский пароход из металла «Принцесса Каледонии» был создан в 1838 г. Бурное развитие ольстерского судостроения началось в 50-е годы XIX в. и связано с именем прибывшего из Глазго молодого шотландского инженера Эдварда Харланда, который вместе с предпринимателем из Ливерпуля Дж. Вольфом в 1858 г. приобрел небольшую судостроительную фирму в Белфасте. Так была основана ставшая вскоре всемирно известной судоверфь «Харланд энд Вольф», одна из крупнейших компаний не только в Ольстере и на Британских островах, но и во всем мире. Если поначалу на судоверфи было занято 500 рабочих, прибывших преимущественно из шотландских центров судостроения, то к концу XIX в. фирма использовала 9 тыс. человек. Основанная с помощью шотландских и английских капиталов, фирма работала по заказам английских компаний, обслуживала английский рынок, поставляя суда для английского пароходства, и имела крупные отделения не только в Белфасте, но и в Ливерпуле, Глазго, Саутгэмптоне. Она специализировалась на строительстве судов водоизмещением свыше 10 тыс. тонн и являлась одним из поставщиков лайнеров трансокеанских линий и кораблей королевского военно-морского флота. Со стапелей судоверфей, принадлежавших этой фирме, сошли такие океанские лайнеры, как «Титаник», «Олимпик», «Келтик», «Океаник» и ряд других. К началу XX в. «Харланд энд Вольф» построила 40 океанских лайнеров (все остальные судоверфи мира, вместе взятые,— 60).



Ирландия

Вторая по значению белфастская судостроительная фирма «Уоркмен энд Кларк» была основана в 1879 г. и также являлась одной из крупнейших в мире. Суда, построенные на верфях компании «Уоркмен энд Кларк», обслуживали пароходства всего мира. Помимо английских, суда этой знаменитой фирмы фрахтовали пароходные компании Южной Америки, Индии, Китая и т. д.

Кроме этих двух компаний, существовали и другие судостроительные и судоремонтные фирмы в Белфасте и Лондондерри. Контролировалось ольстерское судостроение группой английских банков, среди которых особую роль играл «Мидлэнд бэнк». Ряд мелких фирм Дублина и Корка ни по своим размерам, ни по количеству и значимости выпускаемой продукции не могли идти ни в какое сравнение с мощной судостроительной индустрией Ольстера.

Кроме основных отраслей, поглощавших более половины населения, занятого в промышленности вообще, существовали и другие виды промышленности, из которых наиболее важным являлось машиностроение. Сосредоточение этого производства преимущественно в Белфасте было связано с тем, что машиностроение Ольстера развивалось в первую очередь как отрасль, обслуживающая судостроительную и полотняную промышленность. В связи с этим наряду с металлообработкой наибольшее распространение получило производство паровых двигателей и текстильное машиностроение. Машиностроительная промышленность Ольстера производила также сельскохозяйственные орудия и железнодорожное оборудование. По сравнению с гигантами полотняной и судостроительной индустрии Ольстера машиностроительные фирмы были весьма скромных размеров, со средним капиталом в 100 тыс. ф. ст. С ольстерским судостроением было связано белфастское канатное производство, поставляющее часть своей продукции на ольстерские судоверфи. Крупнейшей фирмой являлась «Белфаст роуп уорк К°», созданная в 1876 г. с капиталом в 500 тыс. ф. ст. В число директоров входили известные белфастские судовладельцы У. Фаррелл и Дж. Галлахер.

Белфастское табачное производство было представлено филиалом крупнейшей англо-ирландской «Империал тобакко К°» с капиталом в 18 млн. ф. ст., финансируемой Английским банком. Эта фирма, помимо главной конторы в Бристоле, имела отделения в Бирмингеме, Глазго, Лидсе, Ливерпуле и Белфасте. В Белфасте находился табачный концерн, контролируемый семейной группой Галлахеров, а также табачная фирма «Мюррей, санз энд К°».

Ольстерское винокурение было представлено несколькими довольно крупными фирмами, производившими виски, со средним капиталом 150 тыс. ф. ст. Известны ком-

пании, контролируемые семейными группами Митчеллов, Янгов.

Таким образом, капиталистический уклад в ольстерской промышленности был представлен не только ирландским, но и английским и шотландским предпринимательством. Во главе ольстерских фирм стояли, как мы видим, представители крупного англо-шотландского или тесно с ним связанного бизнеса, интересы которых лежали вне Ирландии. Получая кредиты и сырье (в первую очередь уголь и железо) из метрополии, они свою продукцию ориентировали на внешние рынки. По существу, Ольстер являлся английским промышленным районом. В частности, крупнейшая отрасль промышленности Ольстера, судостроение, явилась плотью от плоти англо-шотландского судостроения, своими успехами она во многом была обязана близостью к крупнейшим портам — Ливерпулю и Глазго. Основатели фирмы «Харланд энд Вольф», ставшей впоследствии символом ольстерского судостроения, были представителями потока колонистов, хлынувшего в Ольстер в XIX в. По этому поводу один из английских авторов справедливо подметил: «Белфаст импортировал таланты как сырье. Харланд прибыл из Глазго, Вольф — из Ливерпуля, как бы утверждая уже существующие связи и подчеркивая тот факт, что во многих отношениях промышленное развитие Белфаста было неразрывной частью куда более значительного экономического комплекса, простиравшегося от Ланкашира до Лэнаркшира» [18].

Центром индустриальной жизни Ольстера являлся Белфаст, где была сосредоточена основная часть промышленных предприятий. Развитие и расцвет Белфаста в XIX в., превращение его в современный высокоиндустриальный город с лесом фабричных труб и огромным портом наглядно отразили перемены в ольстерской жизни, происшедшие после заключения унии. К 1835 г. Белфаст занимал первое место среди ирландских портов по торговому обороту, а в середине XIX в. его называли «ирландским Ливерпулем». По величине Белфаст стал самым крупным городом Ольстера и вторым в Ирландии (после Дублина). Его население, насчитывающее к периоду унии 20 тыс. жителей, к 1861 г. увеличилось в 6 раз.

Однако, являясь индустриальной столицей Севера, Белфаст не стал экономическим центром всей Ирландии, как не был с ней достаточно связан и весь ольстерский

промышленный комплекс. Еще в 30-х годах XIX в. английский наблюдатель отмечал: «Достаточно бросить взгляд на Белфаст и его окрестности, чтобы убедиться, что город и прилегающие к нему районы резко отличаются от остальной Ирландии»[19]. Многочисленные экономические нити привязывали Ольстер к соседнему острову— Великобритании, делая его, по существу, составной частью английской экономики. Эта главная отличительная особенность экономики Ольстера была определена «с помощью» английских колонизаторов в XIX в. С этого времени ольстерская промышленность развивалась в непосредственной связи и при непосредственном участии английских и шотландских предпринимателей, которых Ольстер манил наличием дешевой и обильной рабочей силы, а также незначительной конкуренцией. Вместе с предпринимателями прибывали инженеры, техники, тысячи опытных рабочих, привлеченные обещанием более высоких заработков.

Однако если массу колонистов Ольстер привлекал своими экономическими условиями, то английские правящие круги, поощряя и направляя поток англичан и шотландцев на север Ирландии, преследовали далеко идущие политические цели. Ими двигало стремление экономически закрепить превращение Ольстера в оплот своего господства на «Зеленом острове».

В начале XIX в. происходит переход протестантской буржуазии Севера на позиции протестантского консерватизма и имперского патриотизма. Выступавшая в конце XVIII в. за экономическую и политическую независимость Ирландии ольстерская буржуазия, упоенная экономическими успехами, начинает все более активно оказывать поддержку унии. Однако уния рассматривалась не только как основа экономического процветания провинции. Ольстерские протестанты видели в ней основу сохранения протестантского верховенства, ибо уния не принесла равноправия католикам, а, напротив, утвердила господство в Ирландии епископальной церкви.

В 20-е годы XIX в. возникло движение за предоставление католикам равных политических прав («эмансипация католиков»). Его возглавила Католическая ассоциация, которой руководил помещик и адвокат Даниэл О'Коннел. Широкая поддержка народных масс обеспечила успех движения, и в 1829 г. билль об эмансипации католиков был принят английским парламентом. И хотя

ирландские католики по-прежнему были лишены возможности занимать высшие государственные посты, они получили ряд политических прав, в том числе право быть избранными в парламент. Это был определенный успех национального движения.

Борьбу католиков за эмансипацию протестанты рассматривали как угрозу своему верховенству и барьером против этой угрозы считали сохранение унии, обеспечивавшей им поддержку правящего класса Англии. Эта тенденция проявилась в событиях 30—40-х годов, показавших, что семена раскола, занесенные на ирландскую почву английскими колонизаторами, дали первые всходы. Напуганная законом об эмансипации, а также перспективой роста демократического движения, требовавшего отмены унии (рипиля), протестантская буржуазия Севера активно выступила против этого предложения. Обращаясь к О'Коннелу, протестантский проповедник Генри Кук, известный своими консервативными воззрениями, заявил: «Мы будем защищать унию так же, как наши свободы и процветание нашей страны. Если бы вам удалось добиться рипиля, это означало бы конец нашим свободам... Взгляните на Белфаст... До унии это была деревня; теперь он — на уровне лучших городов мира. Растут новые улицы, со всех сторон поднимаются гигантские мануфактуры... И все это благодаря унии и чувству свободы, рожденному протестантизмом... Взгляните на Белфаст и станьте рипилером — если сможете» [20].

Призыв к защите унии не остался без ответа. Митинги О'Коннела в Белфасте в защиту рипиля были сорваны. В то же время была составлена петиция королеве, в которой наряду с надеждой на сохранение унии предлагалось в случае ее отмены создать в Ирландии два государства, сделав Белфаст столицей Севера. Так ольстерскими протестантами впервые была сформулирована идея раздела Ирландии.

Следует заметить, что в самом Белфасте к середине XIX в. произошли существенные перемены. Промышленный переворот изменил облик города. Белфаст стал грязным и перенаселенным, приобретя те отталкивающие черты, которые проявились в эпоху промышленной революции и были присущи ему вплоть до последних лет. Рабочее население проживало в городских трущобах, в домах с земляными полами и без канализации. Река часто служила одновременно местом сброса мусора и

источником воды. Санитарный контроль отсутствовал. В домах содержали скот и птицу. Следствием антисанитарных условий являлись частые эпидемии, по которым Белфаст стоял на втором месте после Дублина. Особенно свирепствовали тиф и холера, уносившие сотни и тысячи жизней. В 50-е годы в Белфасте смертность держалась на очень высоком уровне, средняя продолжительность жизни была крайне невелика, а половине населения города не было и 20 лет.

Индустриализация изменила социальный облик города. Бурно растущая промышленность Белфаста привлекала сюда население со всей Ирландии, большую часть которого составляли католики. В результате если в начале века католики составляли лишь одну десятую населения Белфаста, то уже к 1835 г.— одну треть, занимая при этом самую низкую ступень социальной лестницы. (Эта пропорция сохранилась до начала нашего века и даже после раздела Ирландии.) Приток населения в Белфаст из сельских районов особенно усилился в конце 40-х годов, когда из-за неурожая картофеля страшный голод обрушился на Ирландию. За несколько лет население страны уменьшилось на 2 млн. человек (включая умерших и эмигрировавших). Растущая численность католического населения Белфаста воспринималась протестантами как угроза подрыва их благосостояния. Этот факт усиленно использовался для разжигания религиозной вражды. Надо заметить, что жизненный уровень трудящихся масс Ольстера был выше, чем в целом по стране. Однако нищий католик, находящийся на грани голодной смерти и готовый наниматься на любую работу за самую низкую заработную плату, был в глазах протестанта конкурентом и смертельным врагом. В то же время возможность удерживать соседа-католика в унизительном и тяжелом положении создавала у рабочего-протестанта чувство принадлежности к протестантской верхушке. Это чувство старательно насаждалось и использовалось правящими кругами для создания массовой базы протестантской реакции.

Консолидации протестантизма способствовала позиция диссентеров-пресвитериан, многочисленной религиозной общины Ольстера, сосредоточенной преимущественно в районе Белфаста. Подвергаемые гонениям, правда в значительно меньшей степени, чем католики, со стороны господствующей епископальной церкви пресвитериане еще

в конце XVIII в. олицетворяли традиции ольстерского либерализма. Многие из них участвовали в движении «Объединенных ирландцев», поддерживали требования эмансипации католиков, выступали против церковной десятины в пользу англиканской церкви. Напуганные возможностью сплочения пресвитериан и католиков, протестантские священники предупреждали лондонское правительство, что этот союз «будет означать конец английского господства в Ирландии» [21]. Во избежание этого английские власти стремились склонить пресвитериан на сторону епископальной церкви, сделать их орудием своей политики. С этой целью была использована борьба между двумя группировками белфастских пресвитериан, разгоревшаяся в 20-е годы XIX в. Хотя спор внешне носил теологический характер, это была борьба между старой, либеральной традицией, которую представляла группа во главе с Генри Монтгомери, и новой, консервативной, олицетворявшейся в лице Генри Кука. Оба они были пресвитерианскими священниками. Монтгомери происходил из семьи волонтеров, два его брата участвовали в движении «Объединенных ирландцев». Сам он отстаивал равноправие католиков и даже выступал в поддержку эмансипации в католическом соборе Белфаста. Генри Кук — потомок кальвиниста, участвовавшего в обороне Дерри в 1689 г., по своим политическим убеждениям был консерватором и нетерпимо относился к любым уступкам как католикам, так и либералам в самой пресвитерианской церкви. Реакционная позиция Кука обеспечила ему поддержку властей и сделала возможным союз с господствующей церковью. В 1829 г. Монтгомери основал сепаратную Несогласную пресвитерианскую церковь, а Кук выдвинул идею сотрудничества пресвитериан с епископами, что означало союз с реакционной ольстерской и английской буржуазно-дворянской верхушкой, направленный против национально-освободительной и классовой борьбы. С этого времени ольстерские пресвитериане быстро переходят на позиции консерватизма, а Белфаст, за свои либеральные традиции когда-то гордо прозванный «Афинами севера», становится центром религиозной нетерпимости и сектантской вражды.

Важнейшей опорой реакции являлся оранжистский орден. Возникший как секретное религиозное общество, ратовавшее за гражданскую и религиозную свободу, орден превратился под покровительством английских и

ирландских правящих кругов в мощную политическую организацию, выступающую за сохранение унии. После некоторого упадка в начале XIX в. он довольно быстро стал массовой организацией и распространил свое влияние не только в Ольстере и Ирландии, но и в Шотландии и Англии. Только в одном Белфасте в 1851 г. насчитывалось 35 отделений ордена (лож), в которых состояло 1335 человек. Хотя основную массу оранжистов составляли ослепленные религиозным фанатизмом протестантские рабочие, фермеры, мелкая буржуазия, орден имел и весьма влиятельных покровителей. Во главе оранжистских лож стояли и стоят (ибо орден существует и процветает и поныне) представители крупной буржуазии, земельная аристократия, политические деятели. В 20-е годы XIX в. великим магистром ордена был герцог Кэмберленд, брат английского короля. Тесную связь с орденом поддерживали английские консерваторы. За покровительство оранжистам премьера Англии Р. Пиля окрестили «оранжевым Пилем». Оранжисты разжигали религиозную вражду, ловко используя ее для консолидации протестантских рядов. Они усиленно насаждали среди массы протестантов представления о преследованиях, якобы ожидающих их в случае образования независимой католической Ирландии, об угрозе не только собственности, но и жизни протестантов. Для подкрепления демагогических оранжистских лозунгов умело приспосабливалась история. Колонизация Ольстера протестантскими поселенцами, победа Вильгельма Оранского на реке Бойн, мужество и стойкость защитников Дерри считались главными вехами ирландской истории. Дважды в год (12 июля и 14 августа) шумные оранжистские парады воскрешали в умах протестантов память о «славных» победах «протестантского героя» короля Вильгельма Оранского над войсками католика Якова II Стюарта, о «великой» миссии протестантизма в борьбе с «варварством католиков». Многотысячные толпы вооруженных оранжистов с эмблемами и оранжевыми лентами проходили по католическим кварталам ольстерских городов, демонстрируя свою силу и провоцируя кровопролитные столкновения. Расчет на психологию протестанта срабатывал безошибочно. В течение нескольких поколений у представителей протестантской церкви воспитывалась ненависть к своим согражданам-католикам. Забывая о классовых противоречиях, в оранжистские ложи стекались представители самых различ-

ных социальных групп, от сельских батраков и городских рабочих до крупных бизнесменов и лендлордов, чтобы вместе с «братьями по религии» любыми средствами противостоять общему врагу — католику. Недаром от каждого члена оранжистского ордена требовалось: «...любить, поддерживать, защищать протестантскую религию... проповедовать ее доктрины и принципы, всемерно противостоять ошибочным тенденциям римско-католической церкви... и расширению ее могущества и власти» [22].

Протестантские проповедники, включая священников-пресвитериан Генри Кука и его последователей вроде Хью Ханны, насаждали среди населения идеи религиозной ненависти. Они избрали новую форму агитации — уличные проповеди, на которые собирались огромные массы людей. Результатом подобных сборищ, где фанатичные ораторы кричали о запятнанных в крови протестантов папистах, пугая присутствующих ужасами папских казематов, были кровавые побоища.

С 30-х годов XIX в. неотъемлемой частью жизни Белфаста становятся религиозные столкновения, принимающие по большей части форму католических погромов. 1834, 1857, 1864, 1872, 1886, 1898 — годы, когда вспышки религиозной вражды были особенно значительны. Уже тогда в Белфасте складывались районы, в которых жители селились по религиозной принадлежности. По традиции католики проживали в западной части Белфаста, в районах Фоллс и Ардойн. Оплотом протестантов стал район Шенкилл. Именно эти районы и становились, как правило, ареной религиозных столкновений, которые очень скоро превратились в обычное явление. С годами продолжительность столкновений росла, число жертв увеличивалось. Единичные разрушения жилищ и убийства, возникающие после очередных оранжистских парадов, перерастали в недельную войну, прекращаемую с помощью артиллерии, полицейских и солдат. В 1872 г. неделю продолжалось так называемое «кирпичное сражение», принесшее много убитых и раненых.

Католиков громили рядовые оранжисты. Но за внешне стихийными взрывами религиозной вражды стояли оранжисты высокого ранга, оранжисты-консерваторы, члены английского парламента. Они выражали интересы правящих кругов Англии, стремившихся к созданию в Ольстере «английского гарнизона» — оплота реакции в

борьбе с развивающимся национально-освободительным движением.

Скованный цепями унии, ирландский народ не желал мириться со своим унижением. Каждое поколение ирландцев рождало новых борцов за свободу и независимость «зеленого острова».

В 40-е годы XIX в. развернулась деятельность революционных демократов — Дж. Лалора, Дж. Митчела, Д. Рейли и др. Они выступали за независимую Ирландскую республику, предоставление земли крестьянам, решение «рабочего вопроса». Их программа была наиболее передовой для ирландского национально-освободительного движения первой половины XIX в. В конце 1846 г. была создана Ирландская конфедерация, в которую вошли мелкая буржуазия, интеллигенция, рабочие, часть средних помещиков. Ее отделения распространялись по всей стране. Программа конфедерации была умеренной и призывала добиваться законодательной независимости путем сотрудничества классов. Однако левое крыло конфедератов, связанное с чартистами, под влиянием революции 1848 г. во Франции взяло курс на вооруженное восстание. Но британское правительство сумело нанести первый удар. Арест Джона Митчела и других руководителей обезглавил восстание. Было приостановлено действие «Хабеас корпус акта», в Дублин введены дополнительные английские войска, начались массовые аресты. Разрозненные, стихийные выступления были подавлены. И все же Ирландия не осталась в стороне от революционных событий 1848 г. в Европе. Их наследниками стали представители нового поколения ирландских революционеров — фениев, появившихся на политической сцене в конце 50-х годов. Движение фениев, организационно оформленное в «Ирландское революционное братство», было неоднородным по социальному составу. Оно опиралось на мелкобуржуазные слои города и деревни, на рабочих и батраков. Однако идеал, за который боролись фении,— полное освобождение Ирландии от иностранного господства — отвечал интересам наиболее прогрессивных слоев ирландского общества.

Мощные организации фениев существовали не только в Ирландии, но и в США среди ирландских эмигрантов, помогавших революционерам на родине денежными средствами и оружием. В Ирландии фении создали нелегальные заговорщические организации, которые в условиях

тщательной конспирации занимались подготовкой вооруженного восстания. В 1863 г. в Дублине стала выходить газета «Ирландский народ», на страницах которой нашли отражение программные установки фениев. Газета просуществовала неполных два года. Она завоевала популярность в стране, тираж разрастался, и это не на шутку тревожило английское правительство. В сентябре 1865 г. полиции с помощью провокаторов удалось организовать налет на редакцию. Газета была разгромлена, в результате массовых арестов в тюрьме оказались руководители «Ирландского революционного братства». Оставшиеся на свободе фении в марте 1867 г. попытались поднять восстание, однако оно было неудачным, так как движение к этому времени было обезглавлено и расколото. Восстание свелось к отдельным разрозненным выступлениям, быстро подавленным полицией и войсками. Арестованных повстанцев ждала жестокая расправа. Часть из них была приговорена к смертной казни и каторге, остальные — к тюремному заключению.

Суровые приговоры всколыхнули общественность. Не только в Ирландии, но и в Англии началась кампания за амнистию ирландских революционеров. Созывались митинги, собирались денежные средства, прогрессивная печать разоблачала тяжелые условия, в которых содержались заключенные, выступала с требованием их освобождения. Кампания за амнистию ирландских фениев приобрела особый размах благодаря деятельности руководимого К. Марксом Генерального Совета Первого Интернационала. Международное Товарищество Рабочих призвало английский и международный пролетариат к интернациональной солидарности с борющейся Ирландией. В своих выступлениях по ирландскому вопросу в демократической печати К. Маркс обосновал позицию Генерального Совета, разоблачил колонизаторскую сущность и классовые корни английской политики в Ирландии, раскрыл революционный характер движения фениев. К. Маркс сформулировал программу английского рабочего движения в ирландском вопросе, выдвинув требование предоставления Ирландии независимости. Позиция К. Маркса имела первостепенное значение в условиях, когда среди реформистских лидеров английского рабочего класса были распространены шовинистические предрассудки, отрицание национальных ирландских требований. Деятельность Первого Интернационала включала органи-

зацию дискуссий, демонстраций в поддержку ирландского национально-освободительного движения, она способствовала вовлечению в движение широких масс общественности, выступления которых приобрели такую силу, что отмахнуться от них правительство либералов не могло. В 1871 г. многие заключенные получили амнистию, но возродиться к активной деятельности движение фениев было уже не способно. И тем не менее оно оставило глубокий след в ирландском национально-освободительном движении. Фении направили освободительную борьбу ирландского народа по революционному пути, возродили требование создания независимой Ирландской республики, создали боевую революционную организацию, готовую действовать в нелегальных условиях. Движение фениев подготовило новый этап национально-освободительной борьбы. На смену заговорщической тактике пришло широкое движение масс.

Глава 2

ОПЛОТ АНГЛИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

В конце XIX — начале XX в. в колониальной Ирландии складывались предпосылки национально-освободительной, антиимпериалистической революции. Ее основными задачами были создание национального ирландского государства, способного обеспечить условия для свободного экономического и политического развития страны, и решение аграрного вопроса.

Однако складывание условий для подъема антиимпериалистической борьбы в Ирландии происходило неравномерно. В Ольстере в силу особенностей его экономического и социально-политического развития в начале нашего века не сложились необходимые объективные и субъективные предпосылки для успешного развертывания национально-освободительной революции.

Экономический придаток метрополии

Зависимость от британской экономики, пагубно отразившаяся на развитии Ирландии в целом, имела отрицательные последствия и для экономической структуры самого Ольстера. Она привела к тому, что Ольстер был лишен возможности развиваться в соответствии с потребностями

ирландской экономики и превратился в придаток британского хозяйственного комплекса.

Несмотря на свое привилегированное положение в системе ирландской экономики, Ольстер являлся английской колонией. Экономическое развитие Ольстера носило в целом колониальный характер, что выражалось в полной экономической зависимости Ольстера от метрополии и в его уродливой однобокой специализации. По существу, в Ольстере были развиты лишь две-три отрасли промышленности, но даже они (имеется в виду в первую очередь полотняное производство и судостроение) почти полностью зависели от привозного сырья.

Типично колониальной «болезнью» Ольстера являлась неразработанность даже тех скромных природных ресурсов, которые там имелись *. Отсутствие в Ольстере сырьевой базы для промышленности усугублялось колониальной политикой британского империализма в отношении природных ресурсов Ирландии в целом. Английские колонизаторы тормозили развитие в стране горнодобывающей промышленности. В отличие от свободно развивающихся стран железнодорожное строительство в Ирландии не привело к разработке местных природных ресурсов. Железо, уголь, оборудование ввозилось из Англии, что дополнительно стимулировало экономику метрополии. Применительно к Ольстеру подобная политика имела еще один аспект: она способствовала усилению разрыва между экономикой Ольстера и остальной Ирландией.

Имеющиеся залежи железа и угля разрабатывались недостаточно. В Ольстере для разработки антримских железорудных месторождений с 1872 г. существовала «Антрим айрон оа К°». Однако ее размеры были весьма невелики (капитал 75 тыс. ф. ст.). С конца столетия добыча ирландского угля уменьшилась на 38% и в 1918 г. составляла 92 001 т. (Согласно данным специальной комиссии, созданной в 1919—1923 гг. для изучения ирландских природных ресурсов, добыча угля в Ирландии могла составить 800 тыс. т в год, т. е. увеличиться более чем в 8 раз[1].) Та незначительная разработка полезных ископаемых, которая велась в стране, производилась английскими фирмами. Вследствие этого даже то сырье, которое в ограниченных количествах добывалось в Ирландии, не

* Хотя минеральные ресурсы Северо-Востока Ирландии незначительны, там все же встречаются залежи угля (Тайрон, район озера Лох Ней), железа, месторождения бокситов (Антрим).

поступало на внутренний рынок, а экспортировалось в Великобританию. Примером может служить разработка залежей бокситов в графстве Антрим (Ольстер), производившаяся фирмой «Бритиш алюминиум К°». После первичной обработки сырье направляли в Шотландию для производства конечного продукта. Аналогичным образом обстояло дело и с другими полезными ископаемыми. А между тем одна из ведущих отраслей ольстерской промышленности — судостроение работало полностью на привозном сырье. При этом если лес белфастские судостроители импортировали из балтийских стран, то уголь, железо, сталь шли исключительно из Великобритании. О размерах подобного импорта дают представление следующие цифры: в 1912 г. только через Белфастский порт из Англии в Ольстер было ввезено 1,2 млн. т угля [2].

Не лучше обстояло дело с сырьем для полотняной промышленности, значение которой для экономики Ольстера трудно переоценить. Лишь четверть необходимого льна выращивалась в Ирландии, хотя там имелись все условия для расширения посевов этой цепной культуры. Бóльшая часть ирландского льна выращивалась в Ольстере, в графствах Даун, Антрим, Лондондерри, Арма, где эта культура была хорошо известна. Разобщенность экономики Ирландии явилась причиной того, что на Юге лен производился в незначительном количестве. Данные на 1916 г. показывают, что 80% выращиваемого в Ирландии льна приходилось на Ольстер. В целом же небольшое количество производства льна в Ирландии было связано с конкуренцией дешевого импортного льна, на который ориентировались ольстерские промышленники. Перед первой мировой войной Ирландия ввозила более 40 тыс. т льна. Соотношение импортного и произведенного в Ирландии льна на протяжении ряда лет сохранялось в пропорции 4 : 1 [3].

Главными импортерами сырья для ольстерской полотняной промышленности в довоенный период являлись Бельгия, Голландия, Россия [4].

Полностью зависела от импорта сырья и табачная промышленность. Табак впервые в Европе был выращен именно в Ирландии, в графстве Корк. Однако в 1830 г. британское правительство законом запретило разведение в Ирландии этой культуры. Этот запрет длился до 1907 г. хотя табак мог прекрасно расти во всех частях Ирландии.

Ольстер являлся по существу британским индустриаль-

ным центром. Ориентируясь на импортное сырье для своей промышленности, ольстерские предприниматели находили рынки сбыта вне Ирландии. Бо́льшая часть ольстерской продукции шла на экспорт. Мы уже писали о том, что судостроение Ольстера работало в основном на английские пароходные компании. Ольстерская полотняная промышленность тоже обслуживала преимущественно внешние рынки. Так, если перед войной торговля льняным полотном давала ежегодно 15 млн. ф. ст. дохода, на долю внешней торговли приходилось около двух третей этого количества [5].

Практически лишь за одним исключением — его составляли белфастские полотняные изделия, большое количество которых направлялось в Америку и в британские колонии,— ольстерский, так же как и ирландский, экспорт в целом шел исключительно на английский рынок. Великобритания занимала главенствующую роль в ирландской внешней торговле. Ее доля составляла в 1919 г. 83,4% всего ирландского импорта и 88,9% ирландского экспорта. Соответственно в этом году участие всех других стран (вместе взятых) во внешней торговле Ирландии определялось по импорту в 16,6%, экспорту — 11,1% [6].

Колониальную зависимость ольстерской экономики от Великобритании характеризует и система транспорта. С самого начала железнодорожного строительства в Ольстере (30-е годы XIX в.) оно развивалось под британским контролем, с помощью британской казны и в соответствии с британскими интересами. Особенностью ольстерских, как и вообще ирландских, железных дорог явились чрезвычайно высокие тарифы внутренних перевозок (значительно более высокие, чем в Англии). В результате развитие железнодорожного сообщения во второй половине XIX в. не способствовало налаживанию внутриирландских связей, созданию внутреннего рынка, а привело к противоположному результату — ориентации на метрополию.

Аналогичной была роль пароходного сообщения между Ольстером и Великобританией. Ольстерское пароходство было представлено тремя крупными судоходными фирмами: «Айриш шипоунерс К°», «Ольстер стимшип К°», «Белфаст стимшип К°». Основанные во второй половине XIX в., обладающие каждая капиталом в среднем 200—400 тыс. ф. ст., эти фирмы обслуживали в первую очередь

трассы между ольстерскими и английскими портами, тем самым облегчая колониальные связи с метрополией. Помимо этого, суда ольстерских судоходных компаний соединяли Белфаст с Балтимором, Нью-Орлеаном, Монреалем, Квебеком, а также балтийскими портами. В начале XX в. в ольстерском пароходстве все более заметную роль стал играть английский капитал, а после первой мировой войны большинство судоходных компаний было поглощено крупнейшей британской фирмой «Бритиш энд айриш стим пэкет К°» с капиталом в 1 млн. ф. ст.

Особо следует сказать об ольстерских банках, являвшихся могущественным оплотом британского империализма как в Ольстере, так и в Ирландии в целом. В Ольстере существовало три банка, крупнейшим из которых являлся основанный в 1836 г. Ольстерский банк с капиталом в 3 млн. ф. ст.

Директорами банков были «капитаны» ольстерской индустрии (Бристоу, Тернеры, Фергюсоны, Ноксы), крупные англо-ирландские промышленники, а значительное число вкладчиков — английские и шотландские дельцы и магнаты, определявшие политику банков. Банки Ольстера имели свои отделения во всех провинциях, причем число их продолжало расти в предвоенные годы. Из 238 филиалов Ольстерского банка, например, в 1919 г. 105, т. е. чуть меньше половины, было расположено вне Ольстера [7]. Крупные кредиты, которые предоставляли банки ольстерским фирмам, в очень большой степени были возможны благодаря вкладам, которые делались на Юге.

Однако, аккумулируя капиталы всей страны, ольстерские банки не возвращали их Ирландии в виде капиталовложений в ее экономику. Значительная часть капиталов уплывала в Англию. В Ирландии же финансировались такие наиболее «надежные» отрасли, как судостроение и полотняная промышленность.

Колониальное положение Ольстера в системе британской экономики имело отрицательные последствия для трудящихся масс. Хотя Ольстер находился в привилегированном положении по сравнению с остальной Ирландией, уровень жизни его населения был значительно ниже, чем в Англии. В частности, более низкой была заработная плата. Если принять среднюю заработную плату квалифицированных и неквалифицированных рабочих в Лондоне за 100 (1905 г.), то заработок квалифициро-

ванного рабочего-строителя в Белфасте был равен 88, неквалифицированного — 60, в Дублине соответственно 84 и 68. В машиностроении цифры по Белфасту соответственно равны 94 и 69, по Дублину — 88 и 67 [8]. Бросается в глаза разрыв в заработной плате между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, наиболее разительный в Белфасте. В Белфасте высококвалифицированные рабочие (строители, металлисты, машиностроители) зарабатывали около 40 шиллингов в неделю, в то время как труд работниц полотняных фабрик оплачивался по нищенским расценкам. Применение в полотняной промышленности женского и детского труда позволяло предпринимателям снижать заработную плату до минимума (фабричные работницы получали от 9 до 15 шиллингов в неделю, дети — около 5 шиллингов). По эксплуатации женского и детского труда Белфаст не имел себе равных в Ирландии. Наиболее варварские формы она приобрела в полотняной промышленности. Потогонная система труда, антисанитарные условия на фабриках, постоянное недоедание были причиной туберкулеза, весьма распространенного в рабочих кварталах Белфаста, и особенно в тех из них, где жили текстильщики. По заболеваемости туберкулезом Белфаст был первым среди всех ирландских городов, а по детской смертности вышел на первое место в Великобритании (по данным на 1905 г., детская смертность составляла 136 человек на 1000 родившихся) [9]. Выдающийся ирландский революционер Джеймс Коннолли так характеризовал капиталистическую эксплуатацию трудящихся в Ольстере: «В этих промышленных районах Севера Ирландии народ живет под тяжким гнетом капитализма. Здесь, правда, отсутствует та грязная и апатичная нищета, которая существует в некоторых других районах, но зато здесь старых и молодых гнетет тяжкий труд — труд, на который ребенка обрекают тогда, когда тело его и ум еще незрелы и неразвиты, и этот труд продолжается до тех пор, пока труженик, превратившийся в развалину, не будет преждевременно опущен в могилу. В этой части Ирландии ребенок стареет прежде, чем узнает, что значит быть молодым» [10].

Значительное место в экономике Ольстера занимало сельское хозяйство. Промышленность была сосредоточена в нескольких городах и примыкающих к ним районах. Остальная территория провинции представляла собой аграрную область, где проживала бо́льшая часть ольстер-

ского населения [11]. Согласно переписи 1881 г., 67,7% населения Ольстера было занято в сельском хозяйстве [12]. Уже упоминалось, что в Ольстере для фермеров сложились более благоприятные производственные отношения, чем в остальной Ирландии. Если в целом в ирландской деревне накопление капитала происходило в мизерных масштабах, то в Ольстере этот процесс развивался значительно быстрее.

Со времен колонизации Ольстер являлся страной крупного помещичьего землевладения. В середине XIX в. в нем насчитывалось свыше 300 поместий более 2 тыс. акров каждое (четверть их по величине превышала 10 тыс. акров). Были, конечно, и некие земельные левиафаны, чьи владения превышали размером и эту цифру. Если размерами земельной собственности ольстерский лендлордизм не являл собой исключения в Ирландии, то он выделялся спецификой отношений, сложившихся между собственниками земли и ее арендаторами. Речь идет об уже упоминавшемся «ольстерском праве».

Однако в условиях сельскохозяйственной депрессии, развернувшейся в последней трети XIX в., лендлорды все чаще нарушали правила, установленные «ольстерским правом», что особенно сказывалось на повышении арендной платы. Будучи не в состоянии выплатить ренту, многие арендаторы оказывались перед угрозой выселения. В Ольстере ширилось движение за сокращение ренты и свободный выкуп земли.

В последней трети XIX в. в Ирландии началась эпоха аграрных реформ, растянувшихся на несколько десятилетий. Серия законов, проводившихся с 1870 по 1896 г. различными кабинетами как либералов, так и тори, не внесла существенных изменений в систему землевладения Ольстера. Перераспределение земельной собственности в ольстерской деревне фактически датируется 1903 г., когда в результате закона Виндэма 63 тыс. ольстерских арендаторов превратились в земельных собственников (в три раза больше, чем за все предшествующие годы после начала аграрных реформ).

Акт Виндэма явился поворотным пунктом в разделе больших поместий, положив тем самым начало существенному изменению структуры сельскохозяйственного общества на Севере. К 1916 г. 70% североирландских имений насчитывали земельную площадь от 5 до 100 акров [13].

В результате серии земельных актов к началу первой мировой войны бо́льшая часть североирландских фермеров получила в собственность обрабатываемую ими землю. Согласно данным на 1916 г., в шести ольстерских графствах из 128 350 частных владений 79 578 принадлежали фермерам, а 48 772 являлись арендуемыми [14].

Таким образом, в Ольстере мелкий фермер, возделывающий свой участок со своей семьей, иногда одним-двумя рабочими, стал наиболее типичной фигурой сельской местности, в то время как социальное значение старой земельной аристократии было сильно подорвано *.

Основу сельского хозяйства Ольстера, так же как и Ирландии в целом, составляло экстенсивное животноводство. Пастбища занимали две трети используемой сельскохозяйственной площади Ольстера. При этом следует отметить преобладание диких пастбищ и незначительное количество площади, занятой под сенокосными угодьями. Об экстенсивности ольстерского животноводства свидетельствует преобладание мясного скота над молочным (три четверти всего крупного и мелкого рогатого скота в шести ольстерских графствах [15]).

В Ольстере были развиты следующие типы сельскохозяйственной специализации: мясное животноводство (откорм и продажа телят в основном на английский рынок), молочное животноводство и земледелие (производство пшеницы, овса, ячменя, льна, фруктов). Ольстерские фермеры выращивали пшеницу, ячмень и прочие зерновые, а также такие высокотоварные культуры, как овощи, фрукты, лен, почти не производившиеся на Юге страны. Разведение высокотоварных культур позволяет судить о значительной интенсификации ольстерского земледелия.

Фермы с земельной площадью до 30 акров составляли более 70% ольстерских хозяйств (имеется в виду район

* Последние аграрные законодательные акты были изданы уже после раздела Ирландии: в 1923 г.— в Ирландском свободном государстве, в 1925 г.— в Северной Ирландии. Согласно североирландскому закону 1925 г. об обязательной продаже земли, оставшиеся арендные участки автоматически передавались в земельную комиссию, которая распределяла их в собственность арендаторов. В результате этого 38,5 тыс. арендаторов к 1937 г. смогли выкупить свои земли. Исследователи считают, что в Ольстере процесс перехода земельной собственности в руки мелких владельцев был в общих чертах завершен. Однако расплачиваться за эту землю ольстерский фермер продолжает до сих пор.

шести графств). В свою очередь, это составляло менее половины посевных площадей и чуть более 30% используемой сельскохозяйственной земли. В то же время 16% хозяйств в размере от 30 до 100 акров сосредоточили около 50% как посевной, так и всей сельскохозяйственной площади Ольстера и приблизительно 30% крупного и мелкого рогатого скота. Именно эти среднего размера фермы с довольно интенсивным смешанным хозяйством являлись основой сельскохозяйственного производства. Фермы размером от 100 до 500 акров и более крупные латифундии, составляя менее 10%, не играли значительной роли в ольстерском сельском хозяйстве [16].

Данные о технической оснащенности ольстерского сельского хозяйства свидетельствуют о том, что для Ольстера, как и для остальной Ирландии, была характерна отсталость в применении сельскохозяйственной техники.

Сведения о применении наемного труда в ольстерском сельском хозяйстве и о его соотношении с трудом семейным (данные на 1912 г.) позволяют сделать вывод о том, что семейный труд продолжал в этот период играть ведущую роль в сельскохозяйственном производстве. Вместе с тем доля наемного труда была уже значительной. Фермеры и члены их семей составляли порядка 70% всех занятых в сельском хозяйстве, постоянные наемные рабочие — 16%, сезонные — 13% [17]. Семейный труд преобладал в хозяйстве средних ферм (размером до 100 акров). Применение наемного труда возрастало прямо пропорционально размеру фермы. Данные о соотношении семейного и наемного труда говорят о большей интенсификации ольстерских хозяйств в сравнении с остальными ирландскими. Так, если на фермах размером до 15 акров в Ольстере применение семейного труда было равно 69%, в остальной Ирландии оно составляло 89% [18]. Особенность ольстерской экономики заключалась в том, что наличие в Ольстере развитой промышленности могло обеспечить рынок для сельскохозяйственной продукции. Однако колониальный характер ольстерской экономики привел к уродливым последствиям и в этой сфере хозяйства. Практически лишь лен да ячмень шли на внутренний рынок, создавая сырьевую базу для полотняной и пивоваренной промышленности. Специфика ирландского скотоводства (и Ольстер здесь не являлся исключением) состояла в вывозе в Англию живого, неоткормленного

скота (три четверти производимого в Ирландии)[19]. Вывоз продукции в необработанном виде препятствовал установлению необходимой органической связи между сельским хозяйством и промышленностью. В Ольстере, например, число беконных фабрик было невелико. Как продукт местной переработки в крупных масштабах развивалось лишь маслоделие, связанное с деятельностью сельскохозяйственных кооперативов.

Ольстерское сельское хозяйство замыкалось на английский рынок и не было связано с остальной частью страны. Об этом свидетельствует, в частности, следующее. Распространенной сельскохозяйственной культурой в Ирландии являлся картофель, служивший основным продуктом питания большинства населения. Ольстер же, где произрастало около трети всего ирландского картофеля, экспортировал эту культуру, несмотря на значительный спрос на внутреннем рынке.

Эксплуатация Ирландии английскими колонизаторами привела к тому, что сельскохозяйственная страна * вынуждена была ввозить продукты сельского хозяйства, ибо была не в состоянии прокормить свое население. Закупки сельскохозяйственной продукции составляли большую часть ирландского импорта (не считая импорта из Великобритании), при этом основная доля приходилась на зерно, получаемое в значительном количестве из США. Ирландия вывозила отличный бекон, а взамен получала другой, низкого качества, экспортировала прекрасное масло, а ввозила маргарин. Из Ирландии уходили пароходы, груженные живым скотом, а взамен ирландцам привозили мороженое мясо.

Первая мировая война внесла некоторое оживление в ирландскую экономику. Ирландия стала основным поставщиком сельскохозяйственной продукции, в частности продуктов питания, в Англию. Это способствовало подъему сельского хозяйства Ирландии в целом. Война потребовала переориентации ирландского фермерства на производство необходимых продуктов питания, в частности злаков, результатом чего явилось резкое увеличение посевной площади в стране. Значительное влияние оказали принудительные правительственные меры. В начале 1917 г. был издан указ, обязывающий всех владель-

* Ирландия была крупнейшим поставщиком сельскохозяйственных продуктов в Великобританию, обеспечивая 16% ее сельскохозяйственного импорта и уступая лишь США.

цев земли в Ирландии увеличить распашку до заданного уровня (одна десятая всей площади владения). Фермерам были гарантированы твердые цены на зерно и картофель. В результате этих мер лишь за 1917 г. площадь, отведенная под посевы пшеницы, овса, картофеля, увеличилась на 600 тыс. акров, а всего за время войны площадь под пшеницей, в частности, выросла на 365% [20].

В ирландской промышленности «благоденствие» было кратковременным. Если в начале войны ирландская буржуазия рассчитывала укрепить свои позиции, то уже через полгода стало очевидно, что этим надеждам не суждено сбыться. После незначительного оживления, в особенности коснувшегося пивных и текстильных предприятий, на ирландскую промышленность обрушились все тяготы военного времени, обострившие противоречия с британским империализмом. К концу войны английское правительство практически контролировало ирландскую промышленность и транспорт. Контролю подвергались объем промышленной продукции и цены в ряде отраслей, капиталовложения, снабжение оборудованием и сырьем. Торможение экономического развития Ирландии в военное время явилось продолжением целенаправленной многовековой политики британских властей.

По-иному обстояло дело в Ольстере. Для ольстерской промышленности во время войны сложилась удачная конъюнктура. Заказы британского военного и военно-морского министерств оседали в Ольстере. Небывало возросшая потребность в морских кораблях обеспечила поток заказов для ольстерских судоверфей. В справке, составленной в адмиралтействе в 1919 г., говорилось: «Во время войны на севере Ирландии велись крупные работы по созданию новых судов, включающих легкие крейсеры, сторожевые и прочие виды кораблей» [21]. В 1918 г. фирма «Харланд энд Вольф» возглавляла список судостроителей мира, выпустив 15 кораблей общим водоизмещением 119 тыс. т. Характер выпускаемой в Белфасте продукции судостроения изменился за военное время. До войны судоверфи Белфаста специализировались на постройке больших пассажирских лайнеров. Когда же на второй год войны действия немецких подводных лодок стали особенно активны, была осознана неразумность той политики, которую иронически называли «политикой класть все яйца в одну корзину». После этого в Белфасте стали строить средние по размерам корабли. Кроме того, бел-

фастские судостроители предпочитали строить легкие крейсеры и избегали строительства тяжелых бронированных кораблей, которые было экономичнее строить на Клайде в Шотландии и в Англии на Тайне.

Изделия льняного производства нашли самое широкое применение в самолетостроении. До окончания войны ольстерская полотняная промышленность работала преимущественно по заказам правительства и поставляла полотно для авиации. Только министерство вооружений предоставило ирландским фирмам за время войны заказы на 11 380 468 ф. ст.[22], которые в основном выполняли предприятия белфастского района.

Однако даже в этих условиях одностороннее развитие ольстерской экономики, ее колониальный характер давали себя знать. Зависимость от импортного сырья, в частности ввозимого льна, отрицательно сказывалась на полотняной промышленности Ольстера. Используемый ольстерскими производителями импортный лен до войны поступал преимущественно из трех стран: России, Бельгии и Голландии. Собственно ирландское сырье, как уже указывалось, использовалось в незначительных количествах. С начала войны импорт льна из стран, бывших его основными поставщиками, резко сократился. Была сделана попытка компенсировать импорт льна поставками из Канады и Новой Зеландии, однако больших успехов это начинание не имело. Между тем нужды авиационной промышленности настоятельно требовали продукции белфастских полотняных фабрик, следствием чего явилась ориентация на местное ирландское сырье. Причем если раньше льноводческие районы находились преимущественно на Севере Ирландии, то во время войны эта культура широко распространилась на Юг страны. За время войны площадь посевов льна резко возросла в масштабе всей Ирландии, а соотношение между импортным и ирландским льном изменилось в пользу последнего. В 1918 г. количество выращенного в Ирландии льна примерно в 2,5 раза превышало количество ввезенного[23]. Однако увеличение производства ирландского льна не могло восполнить потерь от сокращения иностранных поставок и к 1918 г. общее количество льна в Ирландии резко сократилось. Естественным следствием острой нехватки сырья явилось сокращение объема продукции, выпускаемой ирландскими фабриками.

Сокращение объема производства в ольстерской полотняной промышленности вело к остановке предприятий, к безработице. Первые признаки неполной занятости рабочих данной отрасли промышленности появились уже в январе 1918 г., когда члены английской палаты общин указали на опасность сокращения занятости в прядильной и ткацкой отраслях льняного производства на Севере Ирландии, а в мае того же года ирландская рабочая газета писала, что 70% рабочих льняной промышленности были заняты неполностью [24].

В целом положение Ольстера в период первой мировой войны отличалось известной сложностью. Колониальный характер ольстерской экономики вызвал обострение противоречий с британским империализмом. В то же время Ольстер находился в привилегированном по сравнению с остальной Ирландией положении. Это оказало определенное влияние на дальнейшее развитие Ольстера, в частности, в отличие от Южной Ирландии там не сложились условия для роста антиимпериалистических настроений.

За войной последовал кратковременный послевоенный бум, продолжавшийся в Ольстере до середины 1920 г. Для изделий ольстерского полотняного производства сложилась удачная конъюнктура. В 1919 г. и в начале 1920 г. ольстерские льняные изделия пользовались широким спросом, и цены на них резко выросли. Торговля развивалась успешно. Основным потребителем ольстерских льняных изделий в первый послевоенный период продолжали оставаться США, потреблявшие в среднем до половины экспортируемой продукции. Спрос на ольстерские изделия из льняного полотна поддерживали Скандинавские страны, а также Голландия, Испания, Франция, где эти товары находили широкий рынок. Примечательно, что в послевоенный период спрос на ольстерские полотняные изделия нередко превышал предложение. Следствием этого явился рост цен на ольстерскую льняную продукцию. В среднем потребитель платил в 1919 г. на 60—70% дороже, чем в 1918 г. В начале 1920 г. из-за углубившейся разницы между спросом и предложением цены с января по середину марта выросли еще на 33,3% [25].

Кратковременный экономический подъем коснулся и судостроительной промышленности. В 1919 г. были зафиксированы рекордные в мировом масштабе цифры по су-

достроению. Однако если многие страны, особенно США, превзошли по количеству и тоннажу построенных судов свой довоенный уровень, то Соединенное Королевство не смогло даже восстановить его, хотя ушло вперед по сравнению с 1918 г. Оживление послевоенной торговли дало толчок ольстерскому судостроению. В числе судостроительных фирм, давших лучшие показатели по выпуску продукции по Великобритании и Ирландии, стояли две белфастские фирмы. Это были упоминавшиеся уже компании «Харланд энд Вольф» и «Уоркмен энд Кларк». В целом с ольстерских стапелей в 1919 г. сошло 38 судов общим водоизмещением 215 095 т, при этом на Белфаст приходилось 213 720 т [26].

Благоприятная экономическая конъюнктура продолжалась недолго. За кратковременным послевоенным бумом наступил тяжелый кризис. Он был отражением и локальным проявлением экономического кризиса, охватившего в 1920—1921 гг. основные капиталистические страны. В большинстве промышленных стран снижалось промышленное производство, росло число безработных. Значительно сократился объем международной торговли. Американский экспорт в 1921 г. по сравнению с 1920 г. сократился с 8 млрд. до 4,3 млрд. долларов, т. е. почти вдвое. Сумма английского экспорта снизилась на 47% [27]. В Ольстере в силу специфических особенностей его развития кризис носил особенно острый характер. Зависимость от английской экономики привела к тому, что (как уже указывалось) основные отрасли ольстерской промышленности могли существовать только за счет экспорта своей продукции и импорта необходимого сырья. Поэтому сокращение международной торговли, спад производства и рост безработицы в Англии, США и других странах, изменившие покупательную способность населения, больно ударили по Ольстеру. Оторванный от родной матери — Ирландии, Ольстер для Англии являлся пасынком. Трудности английской экономики сказывались там особенно резко. Окраина британской экономики, Ольстер рано ощутил на себе признаки хозяйственного застоя. Уже летом 1920 г. положение в льнообрабатывающей промышленности начало меняться.

Основной проблемой для льняной промышленности по-прежнему была острая нехватка сырья. Импорт продолжал оставаться на низком уровне, количество же местного сырья также уменьшилось по сравнению с 1918 г.

Площадь посевов льна сократилась на 33,3% [28]. В этом проявилось недовольство ирландского фермерства политикой правительства, взявшего на себя контроль за урожаем льна и установившего твердые рыночные цены. В то же время цены на импортный, а также английский лен, имеющий свободный рынок, резко подскочили. Протестуя против ограничений своей деятельности и требуя отмены правительственного контроля, фермеры отказывались снабжать ирландские рынки и прятали имеющиеся у них запасы. На крупнейшем рынке в Бэллимене (графство Антрим) лен в те времена являлся дефицитом.

К 1921 г. полотняная промышленность Ольстера находилась в катастрофическом положении. С одной стороны, сказывалось свертывание иностранных рынков вследствие начавшегося мирового кризиса, а также низкая покупательная способность английского и ирландского населения. С другой стороны, нежелание английского правительства наладить торговые отношения с Советской Россией лишали Ирландию крупнейшего сырьевого источника льна. Тем самым она теряла возможность сохранять производство в прежних границах за счет удешевления выпускаемой продукции.

Экономические изменения остро отразились на состоянии судоходства. Сокращение торговли заставляло простаивать суда. В Соединенном Королевстве общий тоннаж судов, осуществляющих различные перевозки, в 1921 г. составлял 62% по сравнению с 1913 г. [29] Результатом застоя ольстерской промышленности явилось сокращение торгового оборота Белфастского порта. Судовладельцы Белфаста распродавали пароходы, простаивавшие за неимением груза.

Тяжелую депрессию переживала и судостроительная промышленность Ольстера. Для Соединенного Королевства кризисным в судостроительной промышленности явился 1921 г. Хотя уменьшение тоннажа выпускаемых судов в Англии отмечается уже в последнем квартале 1920 г., в целом в Соединенном Королевстве в 1920 г. судостроительное производство продолжало расширяться и лишь 1921 год отмечен свертыванием судостроительной промышленности.

Характерными показателями резкого снижения судостроительного производства явились сокращение количества и тоннажа выпускаемых кораблей, а также совершенно ничтожный процент закладки новых судов. (В послед-

нем квартале 1921 г. в Соединенном Королевстве было заложено всего 19 судов в сравнении с 99 судами в первом квартале и 148 судами в последнем квартале 1920 г. [30])

Все вышесказанное можно с полным основанием отнести и к Ирландии, однако там кризисные явления в судостроении начались раньше и проявлялись острее, чем в других районах Соединенного Королевства. Уже в 1920 г. на фоне расширяющегося производства в Англии ирландские судоверфи дают резкое снижение выпуска продукции. В 1920 г. вся Ирландия дала 33 судна водоизмещением в 147 695 т, тогда как в 1919 г. из верфей одного Ольстера вышло 38 судов, водоизмещение которых составило 215 095 т [31].

В 1921 г. при наблюдающемся по всему Соединенному Королевству свертывании судостроительной промышленности сокращение производства в белфастских верфях было значительнее, чем в других районах [32].

Особенности кризиса в ольстерском судостроении, начавшегося уже в 1920 г., проявились острее, чем в Англии и Шотландии. В этом в значительной мере нашла отражение политика империалистической английской буржуазии, стремившейся оградить английскую промышленность от ударов надвигающегося кризиса за счет подвластной колониальной страны. Заказы размещались в метрополии, туда же направлялось сырье. Начавшийся в те годы упадок североирландской промышленности впоследствии не был преодолен. Став национальной окраиной Соединенного Королевства, провинция превратилась в британское захолустье, район экономического застоя и хронической нищеты.

Зависимость Ольстера, как и всей Ирландии, от экономики Великобритании нашла отражение и в сельском хозяйстве. Сравнение данных за январь 1921 г. и январь 1920 г. говорит о резком падении сельскохозяйственного экспорта из Ирландии: вывоз овса, картофеля и сена за год уменьшился соответственно на 78, 62 и 87% [33]. В наиболее трудном положении оказались такие отрасли сельского хозяйства, как производство молока, молочных продуктов, картофеля, домашней птицы, конкурирующие с этими же отраслями в Англии, находящимися на более высоком уровне капиталистического развития. Кроме того, в результате политики правящих кругов Англии в области сельского хозяйства на английском

рынке преобладали дешевые импортные товары, в частности из США и доминионов.

Неизбежным следствием экономического застоя явился рост безработицы. Резкое падение производства началось с июня 1920 г., а осенью многие предприятия Ольстера были уже закрыты или работали с перерывами в три-четыре недели. В 1921 г. текстильная промышленность северо-востока Ирландии в значительной степени бездействовала. В документах ирландской лейбористской партии указывалось, что «большинство текстильных фабрик закрыто с рождества» [34], а английский «Экономист» сообщал, что «история ирландского льняного производства не знала такой депрессии, как в 1921 г.» [35]. Одним из показателей упадка полотняной промышленности в Ирландии в 1921 г. явилось значительное сокращение экспорта изделий, который оценивался в 9 652 470 ф. ст. против 22 144 196 ф. ст. в 1920 г. [36] Укороченная рабочая неделя (многие фабрики работали по 20 часов) и полная безработица стали уделом многих тысяч ирландских прядильщиков и ткачей. В декабре 1920 г. в Белфасте около 30 тыс. рабочих были заняты неполностью, причем большинство из них представляли текстильную и связанную с ней швейную отрасли промышленности [37]. На белфастских судоверфях, например, каждый третий рабочий был безработным, а всего безработных судостроителей насчитывалось в 1922 г. около 10 тыс. [38] В кризисном 1921 г. министр труда только что образованного североирландского правительства Джон Миллер Эндрюс заявил, что в районе шести ольстерских графств насчитывалось 78 тыс. безработных при наличии 25 тыс. человек, занятых неполный рабочий день. При этом больше половины лиц, не имеющих работу, приходилось на Белфаст, где имелось 45 тыс. полностью и 12 тыс. частично безработных [39]. В январе 1922 г. в Ольстере было зарегистрировано 26,3% безработных от общего числа работающих по найму против 17,4% в Великобритании [40]. По количеству безработных Ольстер и через полвека продолжает стоять на первом месте в Соединенном Королевстве. В начале 1981 г. число безработных в Северной Ирландии составило 16,4% трудоспособного населения, что почти вдвое превысило данные по Соединенному Королевству (9,5%) [41].

Особенности экономического развития Ольстера, и в первую очередь его экономическую интеграцию в системе

британской хозяйственной структуры, следует рассматривать как одну из причин того, что в Ольстере так и не сложились предпосылки национально-освободительной антиимпериалистической революции. Особое по отношению к остальной Ирландии положение Ольстера в системе британского империализма, искусственный отрыв его экономики от остальной страны не способствовали на северо-востоке Ирландии развитию национально-буржуазного предпринимательства.

Если на Юге страны национально-буржуазное предпринимательство возникало помимо и вопреки британскому колониальному вмешательству и развивалось вразрез с ним, то в Ольстере британские капиталы встречались с широко открытыми объятиями представителями англо-ирландских протестантских династий, охотно укреплявшими связи с богатым соседом за счет своих соотечественников-южан. Противоречия с британским империализмом, которые не могли не возникнуть вследствие колониального характера ольстерской экономики, периодически затушевывались путем еще большего укрепления связи англо-ирландской верхушки с империей и подавления самых незначительных ростков национальной промышленности.

Связь ольстерской экономики с остальной Ирландией нельзя полностью сбрасывать со счетов. Хотя внутренний рынок играл второстепенную роль, все же он существовал. Крупная буржуазия Ольстера была заинтересована не в отрыве провинции от Ирландии, а в сохранении всей страны в ее прежнем колониальном положении, в частности сохранении привилегированного положения Белфаста внутри Ирландии. На это прямо указывал лидер ирландских националистов Дж. Редмонд, заявлявший, что в Белфасте нет купца, не связанного с Югом или с Западом Ирландии. В то же время для предпринимателей Ольстера был невыгоден любой разрыв с Великобританией, ибо они были куда более тесно, чем с Югом, связаны с английским рынком и рынками стран Британской империи. Экономические трудности 1920—1921 гг. использовались ольстерской буржуазией как аргумент в пользу укрепления хозяйственных связей с Англией. Парадоксальность этого обстоятельства не лишала его известной убедительности. Одной из причин, усугубивших экономические трудности Ольстера, была, как уже указывалось, односторонность его промышленного развития,

зависимость от внешнеторговых связей, хозяйственный отрыв от большей части острова. Однако было очевидно, что ослабление уже сложившихся хозяйственных связей с Англией в то время могло еще более ухудшить обстановку. Не последнюю роль в этом убеждении сыграл бойкот экономических отношений с Ольстером, санкционированный южноирландским правительством в сентябре 1919 г. Бойкоту подверглась вся торговля с Севером, а также ольстерские банки, банкноты и чеки которых на Юге были объявлены контрабандой. Эта мера способствовала усилению депрессии в ряде отраслей ольстерской промышленности и в значительной степени дезорганизовала деятельность банков. Кроме того, когда во время кризиса 1920—1921 гг. внешние рынки для ольстерской промышленности оказались во многом закрытыми, ирландские потребители, покупательная способность которых не могла, конечно, компенсировать потерю английского рынка, но могла его частично восполнить, оказались отрезанными от ольстерских товаров. Особенности экономического развития Ольстера, явившиеся следствием колонизаторской политики британского империализма и усугубленные трудностями экономического кризиса 1920—1921 гг., во многом предопределили позицию Ольстера в политических событиях 1918—1921 гг. Говоря об экономической истории Ольстера, нельзя также забывать о наличии там целого ряда факторов социально-политического, национального, религиозного характера, помешавших складыванию в этом районе революционной ситуации.

Юнионизм против гомруля

В ольстерской истории и в ольстерской жизни тесно переплелись этнический, религиозный, социальный и политический факторы. Порой они неотделимы друг от друга.

Социальная структура Ольстера в начале XX в. соответствовала особенностям его экономического развития. Хотя в городах проживало 38,5% ольстерских жителей, удельный вес промышленного населения был велик. Жители Ольстера составляли лишь 28% населения Ирландии, однако его промышленные рабочие насчитывали 42% рабочего класса страны [42], что свидетельствовало о концентрации промышленности в северо-восточной части острова.

В первое десятилетие XX в. в Ольстере, в отличие от остальной Ирландии, уже не только существовал оформившийся класс буржуазии, представленной большой и влиятельной группой крупных и средних капиталистических предпринимателей, а также мелкобуржуазной прослойкой, но и имелись налицо сложившиеся кадры промышленного пролетариата, более половины которого было сосредоточено в Белфасте.

В этническом отношении население Ольстера не было однородным. Большую часть его, примерно две трети, составляли потомки английских и шотландских колонистов. Они входили в своеобразную этническую группу, представители которой отличались своим англосаксонским происхождением от коренного ирландского населения Ольстера, составлявшего там меньшинство и происходившего от ирландских гэлов (кельтов).

Вопрос об этногенезе жителей Ольстера является чрезвычайно сложным. Он не может считаться решенным и до настоящего времени. Трудный и противоречивый процесс ольстерского этногенеза продолжается и поныне. Отсюда — возникновение многочисленных, порой взаимоисключающих друг друга мнений в историографии. Если же исходить из того, что уже очевидно и, видимо, бесспорно, то следует отметить следующее: 1) неоднородность населения Ольстера; 2) наличие отличительных признаков у части ольстерского населения — протестантов, потомков англо-шотландских колонистов; 3) существование многих признаков, сближающих ольстерских католиков с населением основной части Ирландии; 4) присутствие ряда черт, сближающих как католиков, так и протестантов Ольстера (единая территория, экономика).

Помимо территориально-хозяйственных, важнейшими показателями национально-этнических процессов являются языковые, культурные и психологические факторы. В Ольстере этнические контакты ирландцев с англичанами и шотландцами были затруднены различиями в социально-правовом положении, отношением местного населения к колонистам, как к захватчикам, различиями в языке, религии, культуре.

Представители англо-шотландской части населения Ольстера в то же время не считали себя ни шотландцами, ни англичанами, а именовались англо-ирландцами и шотландо-ирландцами или просто ольстерцами. За три столетия жизни в Ольстере они привыкли считать оль-

стерскую землю, отобранную их предками у ирландцев, своею собственностью и намерены были использовать любые средства для сохранения своего привилегированного положения на северо-востоке Ирландии.

Существо национальной проблемы в Ольстере сводилось не только и не столько к этническим особенностям части ольстерского населения, которые за длительный период колонизации Ольстера легко могли стереться и исчезнуть из памяти поколения XX в. Суть же заключалась в том, что национальный вопрос искусственно поддерживался и раздувался теми, кто был непосредственно в нем заинтересован как в самом Ольстере, так и за его пределами.

Эта задача во многом облегчалась религиозной разобщенностью жителей Ольстера, которая в общих чертах совпадала с их национальным размежеванием. К началу XX в. население Ольстера распределялось в основном между католической, англиканской и пресвитерианской церквами. При этом в силу ряда исторических причин соотношение между ними не было одинаковым по всей провинции, а значительно менялось в различных ольстерских графствах. Несмотря на то что в целом по Ольстеру католики составляли меньшинство населения (43,7%), в ряде графств, а именно в Донеголе, Каване, Монахане, а также в Тайроне и Фермане, они численно преобладали. Согласно переписи 1911 г., число католиков в этих ольстерских графствах колебалось от 55% (графство Тайрон) до 81% (графство Каван)[43]. Таким образом, протестантское население составляло большинство лишь в четырех из девяти ольстерских графств (это обстоятельство сыграло впоследствии решающую роль при разделе Ольстера). Но даже в этих четырех графствах (Антрим, Арма, Даун и Лондондерри) представители каждого из направлений протестантизма в отдельности составляли не более 20—30% и лишь вместе могли численно противостоять католикам, что и явилось основой их политического союза. Так, в графстве Арма насчитывалось 32,5% последователей епископальной церкви и 15% пресвитериан. Исключение составляло лишь графство Антрим, где проживало только пресвитериан 50%[44]. Что же касается районов, где преобладали католики, то число приверженцев протестантских церквей в отдельности там было невелико.

Таким образом, население так называемого «протестантского Ольстера», существование которого старались доказать апологеты английской политики, в религиозном вопросе отнюдь не являлось однородным. Религиозная вражда, раздирающая ольстерское общество со времен колонизации, в конце XIX — начале XX в. вспыхнула с новой силой. Религиозная рознь, которую часто называют наследственной, неизлечимой болезнью ирландского общества, на самом деле объясняется не столько религиозным фанатизмом ирландских католиков и протестантов, сколько той особой ролью, которая отводилась и отводится английскими политиками религиозным проблемам Северной Ирландии.

Религиозный вопрос играл и продолжает играть в Ольстере особую роль именно потому, что там религиозный водораздел совпадает с водоразделом социальным. Протестантская религия, будучи религией завоевателей, приобрела в Ольстере особые права. Приверженцы протестантской церкви занимали ключевые позиции в социально-экономической структуре ольстерского общества. Ольстерское предпринимательство находилось почти полностью в руках протестантов, фирмы которых господствовали в Белфасте. Протестанты составляли большинство среди ведущих представителей деловых кругов Ольстера — предпринимателей и крупных торговцев. Разительным было их господство в банковском деле: среди 5 банкиров Белфаста и 15 банкиров Ольстера не было ни одного католика; даже среди банковских служащих католики составляли всего лишь десятую часть [45].

Протестанты преобладали в среде инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих, прежде всего среди металлистов, печатников, столяров-отделочников, электриков, машино- и судостроителей. Среди рабочих этих высокооплачиваемых категорий католики были представлены очень незначительно. В то же время они составляли большинство среди рабочих неквалифицированных профессий, не требовавших длительного обучения и низкооплачиваемых, таких, как докеры, кузнецы, пекари, сапожники, подсобные рабочие на стройках, чернорабочие. Половина домашней прислуги Ольстера также принадлежала к католикам. Следует напомнить, что самый высокий в Ирландии разрыв между оплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих существовал в Белфасте. Если в машиностроительной промышленности

квалифицированный слесарь и механик (в большинстве — протестанты) получали 33—36 шиллингов в неделю, то простой рабочий (как правило, католик) — 16—18 шиллингов, чернорабочий (тоже, разумеется, католик) — 12—15 шиллингов [46].

В целом к ольстерскому рабочему-протестанту во многом относится данная В. И. Лениным характеристика особенностей рабочего угнетающей нации: известное соучастие в ограблении своей буржуазией трудящихся угнетенной нации, больший в сравнении с рабочими угнетенной нации процент «мастерков», рабочей аристократии; привилегированное в сравнении с рабочими угнетенной нации положение в целом ряде областей политической жизни; воспитанное школой и жизнью презрение и пренебрежение к рабочим угнетенной нации [47]. По замечанию лидера ольстерских католиков-националистов Дж. Девлина, католики в Белфасте были париями. Выступая в парламенте, он рассказывал, что с трудом удалось провести в Белфастский городской совет 8 католиков (из 70 членов), хотя католики составляли около четверти населения города. 23 раза за 50 лет мэром Дублина избирался протестант, но ни разу в Белфасте католик не занимал этого поста [48]. Согласно данным Дж. Девлина, в Белфастском городском совете состояло на работе 437 чиновников с общей зарплатой 68 723 ф. ст., из которых лишь 9 являлись католиками, получая в общей сложности 768 ф. ст. [49]

Протестантская религия, обеспечивая своим приверженцам, включая рабочий класс, целый ряд колониальных привилегий, делала их сторонниками сохранения статус-кво и приводила в лагерь противников каких-либо социально-политических изменений, связанных с угрозой как гомруля *, так и приближающейся национально-освободительной революции.

В последней трети XIX в. в Ирландии начался новый подъем национального движения, направленный на борьбу за решение аграрного и национального вопросов. В 1870 г. была создана Ирландская лига гомруля, члены которой стремились парламентским путем добиться предоставления Ирландии самоуправления. В 1877 г. во главе Лиги гомруля стал Чарльз Стюарт Парнелл, помещик-протестант, наследник свободолюбивых традиций своей

* Гомруль (англ. home-rule) — самоуправление.

семьи, сторонник независимости Ирландии. Новая партия выдвигала некоторые умеренные требования и по аграрному вопросу. Между тем в стране развертывалось широкое крестьянское движение. В 1879 г. была основана Ирландская национальная земельная лига, президентом которой стал Ч. Парнелл, а непосредственным организатором и идейным руководителем — Майкл Девитт, демократ, пламенный борец за независимую Ирландию. Программа земельной лиги включала требования прекращения выселений арендаторов, уменьшения арендной платы, фиксации сроков аренды, созыва автономного парламента и предоставления стране самоуправления. Деятельность земельной лиги, отделения которой быстро распространились по всей стране, способствовала мобилизации крестьян на борьбу с лендлордами. Под руководством местных отделений лиги проходили организованные крестьянские выступления против выселений, повышения арендной платы. Именно тогда стал широко применяться метод бойкота (по имени управляющего поместьем капитана Бойкотта, против которого он впервые был успешно испробован). В стране бушевала своего рода крестьянская война, она грозила перерасти в революцию.

Под давлением массового антиколониального и антифеодального движения ирландского народа, а также под влиянием выступлений английской общественности и позиции ирландской фракции в палате общин английские правящие круги пошли на уступки. Они начали проведение аграрной реформы, а в 1886 г. либеральное правительство Гладстона внесло в палату общин законопроект о гомруле, т. е. о предоставлении Ирландии ограниченной автономии в рамках Британской империи.

В политической жизни Ольстера существовало традиционное для английской политической системы партийное деление между консерваторами и либералами. Однако к концу XIX в. либеральная традиция постепенно утрачивала свое значение. Это было отчасти связано со сплочением пресвитериан, принадлежавших в основном к среднему классу и являющихся носителями ольстерского либерализма XVIII в., с представителями епископальной церкви, приведшим в дальнейшем к их политическому союзу в лагере тори. Уже во второй половине XIX в. ольстерские либералы стали отходить от своей основной идеи — требования независимой Ирландии — и воспринимали унию как основу «процветания» Ольстера. Ольстер-

сный либерал середины XIX в. с точностью копировал либерала английского. Об упадке ольстерского либерализма наиболее явно свидетельствовали выборы 1885 г., когда либералы потеряли в Ольстере все имевшиеся у них прежде девять мест. Окончательно повлияло на судьбу ольстерского либерализма внесение Гладстоном в парламент первого билля о гомруле в 1886 г.

Это повлекло за собой раскол в рядах либеральной партии в Ольстере и выделение из ее рядов значительного числа либералов-юнионистов, предводительствуемых Джозефом Чемберленом. Позднее они слились с новообразованной ольстерской юнионистской партией. Оставшиеся либералы, сторонники Гладстона, превратились в малозначащую группу, и хотя либеральная партия в Ольстере продолжала официально существовать, она как политическая сила потеряла свое значение. Попытка возрождения, выразившаяся после прихода в Англии к власти либералов в создании в 1906 г. ольстерской Либеральной ассоциации, явилась лебединой песней ольстерского либерализма. Практически применительно к концу XIX — началу XX в. можно говорить о кризисе в Ольстере двухпартийной системы английского образца и установлении там юнионистского господства.

Юнионистская партия была образована в Ольстере в 1885 г. Ее создание явилось следствием консолидации сил, сложившихся в Ольстере во время первого билля о гомруле для борьбы против национально-освободительного движения. Возникшая в тот период, когда существование законодательной унии между Великобританией и Ирландией оказалось под угрозой, юнионистская партия своей главной задачей считала сохранение этого неравноправного союза *.

Во главе юнионистской партии стояли представители земельной аристократии, крупной буржуазии и протестантского духовенства. Официально юнионистская партия являлась общеирландской и имела на Юге значительное количество последователей, однако центром ее идеологической и политической деятельности являлся Ольстер. При этом ольстерские юнионисты выступали за сохранение унии для всей Ирландии и не хотели отделять Ольстер. Лидером ирландских юнионистов в парла-

---

* Само название партии происходит от английского слова union (союз).

менте с 1910 г. стал Эдвард Карсон. С его именем более десяти лет были связаны наиболее драматические моменты борьбы против любых попыток предоставления Ирландии самоуправления. Известный дублинский адвокат и политический деятель, Карсон ни по происхождению, ни по роду занятий не был связан с Ольстером, и тем не менее именно он в течение многих лет был признанным лидером ольстерских юнионистов. Карсон имел адвокатскую практику в Дублине, представлял Дублинский университет в Вестминстере, а в 1900 г. стал главным прокурором Англии. «Только ради Ирландии я занимаюсь политикой»,— признавался он своему покровителю, известному английскому политическому деятелю Артуру Бальфуру [50]. Свою миссию он видел в борьбе за сохранение парламентской унии между Ирландией и Великобританией. Ради этого он, пришедший в политику как либерал, пожертвовал партией и в период первого билля о гомруле пошел за Дж. Чемберленом, присоединившись к либералам-юнионистам, отколовшимся от либеральной партии Гладстона. Преданность унии была, по словам Карсона, путеводной звездой в его политической карьере. На деле это означало смертельную ненависть к национально-освободительному движению, воплотившемуся в этот период в борьбу за гомруль. Фанатизм Карсона нашел отражение в шуточных стишках, распространенных в Белфасте в начале века:

У сэра Карсона был кот,
Который, сев на стул,
Кричал, взяв крысу в хищный рот:
„Мы умертвим Home-rule!“.

Сопротивление Ольстера рассматривалось юнионистами как Севера, так и Юга в качестве гарантии против введения гомруля. По уверению Карсона, в случае успешного противодействия Ольстера гомруль — мертв, ибо он невозможен в Ирландии «без Белфаста и прилегающего к нему района» [51]. Это убеждение лежало в основе деятельности ольстерских юнионистов.

Совпадение социально-экономического и политического водораздела с религиозным нашло отражение и в партийной структуре. Партийная система Ольстера использовала традиционный религиозный и национальный антагонизм, еще более усиливала религиозную вражду. Связь с религией характеризовала все ольстерские политичес-

кие и общественные институты, от школы и системы образования до высшей администрации. В то же время церковь в Ольстере осуществляла значительные политические функции. Особенно это относилось к протестантской церкви. Как писала видная ирландская общественная деятельница начала века Аугуста Грегори, «ирландская церковь (протестантская епископальная.— *Е. П.*) представляла собой не столько религиозное, сколько политическое учреждение» [52].

Протестантская церковь была тесно связана с юнионистской партией посредством оранжистского ордена. Эта полуполитическая, полурелигиозная организация стала опорой юнионистов в борьбе против ирландского национально-освободительного движения. Структура ордена, состоящая из разветвленной по всей стране, хорошо налаженной сети оранжистских лож, была использована организаторами юнионистской партии. Юнионистские политики становились членами оранжистских лож, а руководство последними проникало в аппарат партии. Оранжизм с его воинствующей идеологией антикатолицизма стал неотъемлемым элементом юнионизма. С момента образования партии оранжисты оказывали ей всяческую поддержку, выступая против попыток введения гомруля. Где бы ни начиналась демонстрация гомрулеров, контрдемонстрация оранжистов объявлялась в тот же день, в тот же час, в том же районе. Лишь с помощью полиции удавалось предотвратить столкновения. На первом же митинге оранжистов в защиту унии в 1886 г. присутствовало 20 тыс. человек. Был принят ряд резолюций, отвергающих ирландский парламент и призывающих в случае его введения к сопротивлению силой. Одна из резолюций предписывала оранжистам «предпринимать необходимые шаги для сохранения Унии» [53].

Руководители ольстерского юнионизма в своем сопротивлении национально-освободительному движению руководствовались прежде всего соображениями материального порядка, ибо процветание земельных магнатов, промышленников и протестантского духовенства в Ольстере опиралось на союз с Англией. Определяя политику ольстерских юнионистов, один из лидеров движения, сын миллионера, владельца винокуренных заводов в графстве Даун, капитан Джеймс Крейг, прямо указывал: «Мы всегда стремились к самым тесным связям с Великобританией и сохранению имперского гражданства не только

из соображений наличия общей расы, общего языка и чувства братства, но и исходя из материальной заинтересованности нашей страны и общего благополучия нашего народа. Мы считаем нашу судьбу неразрывно связанной с судьбой Великобритании. Эти связи я намерен сохранить»[54]. Ольстерские юнионисты были удовлетворены существующим статус-кво. Их устраивал тот факт, что они составляли единое целое с протестантским обществом Соединенного Королевства и получали от этого «имперские преимущества», обеспеченные колониальным грабежом остальной части ирландского населения. В глазах ольстерской буржуазии гомруль ассоциировался с введением в Ирландии протекционистских тарифов, что нанесло бы смертельный удар ее интересам. Променять участие в британской торговле на перспективу монополии во внутренней торговле в бедной, аграрной стране казалось ольстерскому бизнесмену сумасшествием. И всякая попытка силой навязать это участие встречала яростное сопротивление с его стороны. Это обстоятельство широко использовали лидеры ольстерского юнионизма. В своих многочисленных выступлениях они умело использовали традиции и настроения ольстерских протестантов, разжигая их ненависть к попыткам любого изменения социального порядка, грозившим хотя бы несколько урезать их колониальные привилегии. «Мы не позволим никому, никакой группе людей, именуют ли они себя парламентом или правительством, отнять то, что мы считаем существенным для поддержки наших прав и привилегий»,— заявил на одном из митингов Карсон[55].

Ольстерская буржуазия являлась незначительной группой населения. Несмотря на поддержку земельной аристократии и протестантского клира, она нуждалась в массовой опоре. Для этого ольстерские юнионистские лидеры обратились к городским рабочим и сельским фермерам. Протестантские фермеры поддерживали юнионистскую политику. Ольстерские протестанты-земледельцы находились в привилегированном положении по сравнению не только с массой крестьян-южан, но и с земледельцами-католиками Севера, которые составляли большую часть сельскохозяйственного населения Ольстера. Это обстоятельство делало фермеров-протестантов надежными сторонниками существующей власти. Подобно ольстерским буржуа, они опасались социально-экономических последствий гомруля.

Белфаст в начале XX в.

1/4 Е. Ю. Полякова

Политическая карикатура конца XIX в.:
«Британия на перепутье между либералом Гладстоном и консерватором Солсбери»

Парад оранжистов →

Демонстрация в католических кварталах Белфаста

VANE VALLEY

Английские войска (слева) в январе 1922 г. покидают Ирландию. Их сменяет ирландская воинская часть

Не последнюю роль играла и политика религиозного разобщения, проводимая юнионистами в деревне и тормозившая формирование классового сознания у сельскохозяйственных рабочих Ольстера. Ольстерские батраки «даже не думали о возможности объединения для достижения общих целей. Расовые, или, как их здесь называют, религиозные, различия держат их на расстоянии. Эти различия всегда раздувались и раздуваются предпринимателями-фермерами или управляющими, и обеспеченные классы процветают за счет этой розни. Крупные фермеры очень часто являются членами или сторонниками определенной организации (оранжистского ордена.— *Е. П.*). Причины подобной политики объясняются тем, что религиозная рознь позволяет платить низкую заработную плату и получать высокие прибыли»,— говорилось в анонимном социологическом очерке «Ирландский крестьянин» [56].

В силу отмеченных выше социально-политических особенностей Ольстера значительную поддержку лидеры ольстерского юнионизма сумели получить и в рядах городского пролетариата. Значительное число рабочих-протестантов вступало в юнионистскую партию, поддерживало ее политику. Даже в Белфасте, являвшемся средоточием ольстерского пролетариата, рабочий класс не смог противостоять натиску юнионистской реакции. Несмотря на тяжелый труд и жестокую эксплуатацию, рабочие-протестанты находились, как уже указывалось, в привилегированном положении по сравнению со своими католическими конкурентами. Скромная часть колониальной прибыли, достававшаяся им, надежно привязывала протестантских рабочих Ольстера к своим хозяевам. Большинство их стояло на позициях «классового мира» с единоверцами-предпринимателями. Создание значительного слоя рабочей аристократии (до 20 тыс. человек), состоявшего в основном из протестантов, облегчало задачи юнионистской пропаганды. Видный английский лейбористский деятель Макдональд отмечал: «Мы знаем Белфаст. Мы знаем, что религиозная вражда была на руку тем, кто выступал против рабочего движения в Белфасте. Мы знаем, что там нет недовольства, забастовок, тред-юнионов, там не ведется борьба за улучшение условий рабочего класса, но зато старая вражда между католиками и оранжистами вновь поднимается на щит теми, кто заинтересован в сохранении существующего порядка» [57].

Д. Коннолли, познакомившись с рабочим движением Белфаста, отмечал, что «Белфаст отличают искусное использование господствующим классом религиозных призывов, не эффективных в любом другом месте, но здесь еще способных ослабить рабочий класс и ограничить его действия» [58]. Наблюдения Коннолли могут быть с успехом отнесены ко всему Ольстеру, где господствующие классы всячески пытались противодействовать рабочему движению. Так, в противовес ольстерскому отделению молодой Независимой рабочей партии в 1893—1895 гг. была создана Белфастская протестантская ассоциация. Поставив во главе этой организации судостроительного рабочего Слоуна, демагогически выступавшего в защиту рабочих-протестантов, ольстерская буржуазия добилась их поддержки. А в 1914 г. после создания Д. Коннолли Ирландской лейбористской партии в противовес ей была организована Ольстерская юнионистская рабочая ассоциация, ставившая целью поддержку унии между Великобританией и Ирландией и принимавшая в свои члены только юнионистов. Ее президентом стал лидер североирландской реакции Э. Карсон. Число членов ассоциации достигало 30 тыс. человек (из них 15 тыс.— в Белфасте) [59]. Это была не столько рабочая, сколько юнионистская организация, которая на первое место ставила не классовые, а религиозные интересы. Так создавалась массовая база юнионистской партии, составившая оплот ольстерской реакции.

В силу указанных обстоятельств юнионистская партия была широко представлена в Ольстере и пользовалась там большим влиянием. Огромное значение имела поддержка, оказываемая ей со стороны английских консерваторов, составным отрядом которых идейно и организационно являлась ольстерская юнионистская партия. Будучи членами английской консервативной партии, ольстерские юнионисты составляли ее боевой отряд в Ирландии в борьбе за сохранение там старых колониальных порядков. Между английскими консерваторами и ольстерскими юнионистами существовала персональная связь, так называемая личная уния. Являясь активными деятелями английской консервативной партии, многие ольстерские юнионисты занимали почетное место в английском парламенте (и в палате общин, и в палате лордов). Некоторые из них входили в английское правительство и оказывали непосредственное влияние на его политику. Так,

лорды Лэнсдаун и Лондондерри занимали различные правительственные посты, а предводитель ольстерских юнионистов Э. Карсон в течение ряда лет был первым лордом адмиралтейства. С 1911 г. лидером английских консерваторов стал Эндрю Бонар Лоу, сын ольстерского пресвитера. Хотя сам Бонар Лоу воспитывался у тетки в Шотландии, он часто ездил к отцу, знал и любил Ольстер. Брат Бонар Лоу был известным в Ирландии врачом. Семейные связи, безусловно, влияли на отношение Бонар Лоу к ольстерскому вопросу. Он был одним из самых рьяных сторонников ольстерских юнионистов среди британских консерваторов. Как однажды сам Бонар Лоу признался своему приятелю-юнионисту Остину Чемберлену, до первой мировой войны его в политике интересовали лишь две вещи — Ольстер и тарифная реформа. Не последнюю роль во взглядах Бонар Лоу на проблему Ольстера играли его тесные взаимоотношения с семьей лорда Лондондерри, одного из лидеров ольстерского юнионизма. Дом Лондондерри в Лондоне стал своеобразным центром юнионистской партии, а сам лорд считал сохранение унии наиболее важной частью платформы консерваторов [60]. Ольстерских юнионистов и английских консерваторов связывали и общие материальные интересы. Земельная аристократия, во многом определявшая лицо британских консерваторов в довоенные годы, была тесно связана с ирландским аристократическим землевладением и возглавляла ольстерский юнионистский альянс. Переплетение интересов ольстерских юнионистов и английских консерваторов, тесное взаимодействие между ними облегчали общие выступления против попыток предоставления Ирландии самоуправления, выразившиеся в так называемых ольстерских кризисах, которые, в свою очередь, стали возможными лишь в результате поддержки английских консервативных деятелей.

Ольстерские кризисы, под которыми имеется в виду резкое обострение политической ситуации на северо-востоке Ирландии, стали с конца XIX в. неотъемлемой частью ирландской истории. Ольстерские кризисы, как правило, совпадали с попытками английских либеральных кабинетов путем известных уступок сдержать нарастание революционного подъема в Ирландии. Ольстерские кризисы являлись ответом ольстерских юнионистов на внесение в английский парламент биллей о гомруле. Первый, как и последующие два билля о гомруле, предусматривал огра-

ниченную ирландскую автономию. Предполагалось создание в Дублине парламента с весьма урезанными полномочиями без права заключения дипломатических отношений с другими странами, введения таможенных пошлин, создания армии и военно-морского флота. Однако даже против этой скромной меры решительно выступили реакционные буржуазно-помещичьи силы Ольстера во главе с богатейшими промышленными и земельными магнатами: Джеймсом Корри, Уильямом Эвартом, герцогом Эберкорном. На помощь пришли покровители из метрополии в лице английских тори. В феврале 1886 г. лорд Рэндольф Черчилль, отец будущего английского премьера и сын герцога Мальборо, бывшего в течение трех лет вице-королем Ирландии, известный член парламента, писал главному судье Ирландии лорду Фитцгиббону: «Я решил, что если G. O. M. (Grand Old Man, прозвище Гладстона.— *Е. П.*) выступит с проектом гомруля, следует пустить в игру оранжистскую карту. Даст бог, она окажется козырным тузом, а не двойкой» [61]. Исполняя данное обещание, Черчилль прибыл в Ольстер, где выступил перед многочисленной аудиторией с призывом бороться против гомруля, чтобы эта катастрофа не подстерегла Ольстер, «как вор среди ночи». Обещая поддержку ольстерским мятежникам со стороны влиятельных лиц в Англии, Черчилль выдвинул провокационный лозунг: «Ольстер будет сражаться, и он имеет на это право!» [62], который и в наши дни «украшает» знамена североирландских реакционеров.

В Ольстере началась мобилизация противников гомруля, сторонников сохранения «священных имперских уз», которым внушали, что законопроект о гомруле станет первым шагом к распаду Британской империи. По всей провинции распространились ставшие символическими лозунги: «Не сдаваться!», «Не уступать!». Мятежники грозили прибегнуть к оружию. Юнионистская кампания сопровождалась клеветой против деятелей национально-освободительного движения, организацией массового террора против католического населения. Летом 1886 г. начались католические погромы, продолжавшиеся три месяца. Известие о том, что законопроект Гладстона о гомруле был в июне провален английской палатой общин, лишь усилило беспорядки. Обнаглевшие оранжисты громили католические районы Белфаста, Дерри, Лергана и других североирландских городов. В результате столкновений

32 человека было убито, 377 ранено[63]. Английское правительство ушло в отставку, и вопрос о гомруле, казалось, сошел с повестки дня. Однако борьба за ирландское самоуправление еще только разгоралась.

Осенью 1892 г. к власти вернулось либеральное правительство Гладстона. Не имея парламентского большинства и завися от поддержки ирландских парламентариев-националистов *, Гладстон в феврале 1893 г. внес в английскую палату общин новый законопроект о гомруле. Со вторым биллем о гомруле возник и второй ольстерский кризис. За прошедшие со времени первого кризиса годы организация ольстерских юнионистов окрепла. По всей провинции возникла сеть юнионистских клубов. Был создан Союз обороны Ольстера, призванный осуществлять политическое руководство юнионистами и подготовку к сопротивлению гомрулю. Летом 1893 г. юнионисты Ольстера прислали 12 тыс. представителей на специально созванный в Белфасте конвент для выработки средств борьбы против нового законопроекта. По предложению одного из вождей движения, герцога Эберкорна, делегаты конвента поклялись: «Мы не допустим гомруля»[64]. В некоторых выступлениях звучали призывы к сопротивлению силой. Они были быстро подхвачены: нелегально ввозилось огнестрельное оружие, создавались стрелковые клубы, где проходили подготовку участники движения.

На этот раз законопроект Гладстона прошел в палате общин, но был отвергнут палатой лордов. Третий, наиболее острый ольстерский кризис разразился в канун первой мировой войны, в 1912—1914 гг. Еще в ходе избирательной кампании 1910 г. лидер либералов Г. Асквит упомянул о гомруле. После прихода либеральной партии к власти соотношение сил в палате общин стало вновь определяться голосами ирландских националистов, и третий билль о гомруле был в апреле 1912 г. предложен на рассмотрение палаты общин английского парламента. Существовала реальная возможность того, что новый про-

* В 1882 г. на базе Земельной лиги и Ирландской лиги гомруля была создана Национальная лига, позднее преобразованная в Ирландскую парламентскую партию (ИПП). До 1916—1917 гг. ИПП была основной представительницей ирландского буржуазного национализма, имела значительную фракцию в Вестминстере. Руководимая более 20 лет представителем крупной католической буржуазии Джоном Редмондом, националистическая партия выдвигала требования гомруля и умеренных реформ.

ект станет законом, и это обстоятельство усилило сопротивление юнионистских кругов. Дело в том, что так называемый Парламентский акт 1911 г. ограничил право вето, принадлежащее палате лордов, вследствие чего она уже не могла активно противодействовать принятию закона о гомруле.

Готовясь к решительным боям против приближающейся угрозы самоопределения, ольстерские юнионисты значительно укрепили свою организацию. Еще в 1905 г. был создан высший орган, координирующий деятельность ольстерских юнионистских организаций,— Ольстерский юнионистский совет. Совет состоял из 200 членов, 50 из них были представителями оранжистских лож. Создание совета способствовало активизации деятельности юнионистских клубов, мобилизации юнионистов по всей провинции. Был организован сбор средств в фонд обороны Ольстера. Ольстерские бизнесмены заявили Карсону в начале 1912 г., что будут снабжать его необходимыми деньгами.

Став во главе юнионистского движения, Карсон в сентябре 1911 г. прибыл в Ольстер. На параде, устроенном в его честь в Крейгэвоне — имении Джеймса Крейга в окрестностях Белфаста,— присутствовало 50 тыс. членов оранжистских лож и юнионистских клубов. Выступая перед ними, Карсон бросил открытый вызов английскому правительству, призвав юнионистов в случае введения гомруля взять власть в Ольстере в свои руки. Этот призыв был подхвачен, и уже через два дня на заседании Ольстерского юнионистского совета создается специальная комиссия по подготовке будущего временного правительства, которое было сформировано осенью 1913 г. в составе 77 членов во главе с Карсоном. В него вошли крупнейшие ольстерские землевладельцы и бизнесмены, оранжистские политики.

Кампания против гомруля в Ольстере приобретала все более массовый характер. Стремясь вовлечь в нее широкие слои населения, а также продемонстрировать силу и решимость участников юнионистского движения, его лидеры объявили о проведении так называемого Дня Ольстера. В этот день, 28 сентября 1912 г., намечалось торжественное подписание ковенанта, т. е. документа, в котором подтверждалась решимость жителей Ольстера противостоять гомрулю. Текст ковенанта гласил: «Убежденные в том, что гомруль будет губителен для материального благосостояния не только Ольстера, но и всей

Ulster's

Solemn League and Covenant.

Being convinced in our consciences that Home Rule would be disastrous to the material well-being of Ulster as well as of the whole of Ireland, subversive of our civil and religious freedom, destructive of our citizenship and perilous to the unity of the Empire, we, whose names are underwritten, men of Ulster, loyal subjects of His Gracious Majesty King George V., humbly relying on the God whem our fathers in days of stress and trial confidently trusted, do hereby pledge ourselves in solemn Covenant throughout this our time of threatened calamity to stand by one another in defending for ourselves and our children our cherished position of equal citizenship in the United Kingdom and in using all means which may be found necessary to defeat the present conspiracy to set up a Home Rule Parliament in Ireland. ¶ And in the event of such a Parliament being forced upon us we further solemnly and mutually pledge ourselves to refuse to recognise its authority. ¶ In sure confidence thet God will defend the right we hereto subscribe our names. ¶ And further, we individually declare that we have not already signed this Covenant.

The above was signed by me at_____
"Ulster Day," Saturday, 28th September, 1912.

God Save the King.

Ольстерский ковенант

Ирландии, что он разрушит нашу гражданскую и религиозную свободу, наше гражданство и единство империи, мы, нижеподписавшиеся жители Ольстера, верноподданные его величества милостивого короля Георга V... торжественно клянемся в этом ковенанте перед лицом угрожающей опасности стоять друг за друга, защищая для нас и наших детей святое право быть равными гражданами Соединенного Королевства и использовать все необходи-

мые средства, чтобы не допустить готовящийся заговор с целью создания автономного парламента в Ирландии. В том же случае, если такой парламент нам навяжут силой, мы торжественно и единодушно обещаем не признавать его полномочия... Боже, храни короля!» [65].

Обстановка, в которой происходило подписание ковенанта, способствовала созданию атмосферы религиозного возбуждения и массовой экзальтации. В субботу 28 сентября по всей провинции с утра началось богослужение: протестантские пастыри благословляли подписание ковенанта, а заодно и всю кампанию, направленную против гомруля. В полдень торжественная процессия, предводительствуемая Карсоном и другими юнионистскими лидерами, под развевающимися знаменами Вильгельма Оранского прибыла в городскую ратушу, любезно предоставленную «отцами города». Здесь на специально приготовленном круглом столе, задрапированном «Юнион Джеком», Карсон серебряным пером поставил под ковенантом первую подпись. После этого начался массовый сбор подписей, продолжавшийся до 11 часов вечера. Женщины подписывали аналогичную ковенанту декларацию, в которой обещали поддерживать мужчин в их бескомпромиссной оппозиции гомрулю. Всего ковенант подписали 471 414 человек.

Полные решимости использовать любые средства с тем, чтобы не допустить ирландской автономии, ольстерские юнионисты в начале 1912 г. начали военные приготовления. Они проводились в виде строевой подготовки, маршировок и других военных занятий. Подчас за неимением оружия приходилось использовать палки и деревянные макеты ружей. В январе 1913 г. Ольстерский юнионистский совет решил объединить эти разрозненные отряды в Ольстерский добровольческий корпус. В него набирались юнионисты, подписавшие ковенант, в возрасте от 17 до 65 лет, представлявшие различные социальные группы: от лендлордов и бизнесменов до сельских и городских рабочих. Ольстерский добровольческий корпус состоял из дивизий, в состав которых входили полки и батальоны. Были созданы медицинские и механизированные части, а также корпус связи. Женщины проходили подготовку как медсестры. К концу года протестантская армия насчитывала 100 тыс. человек. Командовал армией британский генерал Джордж Ричардсон. Для вооружения новоявленной армии в Англии проводились закуп-

ки оружия. После введения запрета на ввоз оружия в конце 1913 г. ольстерские юнионисты при фактическом попустительстве английских властей закупили и переправили из Германии большую партию винтовок и снарядов. Тогда же, в начале 1913 г., в Белфасте было сформировано Временное правительство, которое возглавил Э. Карсон. Оно должно было в случае введения гомруля захватить в Ольстере власть.

Таким образом, в Ольстере существовал антиправительственный заговор. Его организаторы были готовы в случае необходимости силой оружия противостоять английским регулярным войскам. Был разработан специальный план, предусматривающий уничтожение всех коммуникаций, ведущих к Ольстеру, включая железнодорожные и автомобильные пути, мосты, телеграфную и телефонную связь, а также захват складов оружия. Однако главной целью подготовки мятежа его инициаторы считали шантаж английских правящих кругов с тем, чтобы не допустить начала военных действий (в том случае, если бы английское правительство решило силой ввести гомруль). И в этом они опирались на реакционные круги в самой Англии. Секрет безнаказанности действий Карсона и его помощников во многом объясняется тем, что нити заговора тянулись в Лондон. Ольстерских заговорщиков самым активным образом поддерживало высшее британское офицерство, крупнейшие промышленники, банкиры. Их сторону неофициально занял английский король. В Англии тайно собирались деньги на вооружение Ольстерского добровольческого корпуса. Среди тех, кто внес наиболее крупные суммы — 30 тыс. ф. ст., был Редьярд Киплинг, прославлявший ольстерских борцов за единую империю. «Каков же Севера ответ?— Одна земля, закон и трон»,— писал он в стихотворении «Ольстер в 1912 г.» [66]

Наиболее вызывающе вел себя лидер британских консерваторов Эндрю Бонар Лоу, открыто выступавший в защиту ольстерских экстремистов, подстрекавший их к сопротивлению гомрулю силой оружия и обещавший поддержку в Англии. На митинге английских юнионистов (в Англии существовала Лига защиты унии, возглавляемая консерватором У. Лонгом) во дворце Бленхейм, родовом имении герцогов Мальборо, он заявил: «В нашей оппозиции правительству мы не будем руководствоваться соображениями или ограничениями, которые могли бы повлиять на нас при обычной конституционной борьбе.

Мы используем средства, которые кажутся нам наиболее эффективными... если таковая попытка (введения гомруля.— *Е. П.*) будет предпринята, я не могу представить всю величину сопротивления, на которую пойдет Ольстер... и в которой, по моему мнению, его бы не поддержало преобладающее большинство британского народа» [67].

События в период третьего ольстерского кризиса 1912—1914 гг. достигли такой остроты, что переросли в общебританский конституционный и политический кризис, продемонстрировавший как неспособность, так и нежелание английского либерального кабинета подавить ольстерских мятежников. Это со всей очевидностью показал так называемый инцидент в Кэрра. В марте 1914 г., когда законопроект о гомруле проходил второе чтение в палате общин, регулярные английские войска, расположенные в военном лагере Кэрра в Ирландии, получили приказ начать военные действия. Однако британские офицеры, многие из которых были ольстерскими помещиками, отказались подчиняться правительству. 57 человек, вдохновленные примером бригадного генерала Хьюберта Гоу, заявившего, что он в силу происхождения, воспитания и личных связей не может выступить против ольстерских юнионистов, подали в отставку.

Расчет Карсона на саботаж армии оказался правильным. Однако главное заключалось в том, что либеральное правительство Асквита не проявило достаточно решимости и пошло на поводу у ольстерских мятежников, замахнувшихся на британскую конституцию. Либеральный кабинет отказался от планов военного подавления ольстерского заговора, а британским офицерам было позволено продолжать службу.

Ольстерский и связанный с ним британский конституционный кризис, разразившийся в канун первой мировой войны, привлек внимание европейской общественности. Полемизируя с теми, кто стремился свести дело к религиозной подоплеке событий, В. И. Ленин в статьях «Конституционный кризис в Англии» и «Английские либералы и Ирландия» показал, что отнюдь не религиозные, а вполне реальные экономические и политические интересы определяли курс лидеров ольстерского движения. Анализируя причины кризиса 1912—1914 гг., В. И. Ленин подчеркивал, что в основе его лежали классовые интересы реакционной земельной аристократии, черносотенных помещиков, генералитета, офицерства. «Помещи-

ки в Ирландии — англичане, и самоуправление Ирландии, будучи самоуправлением ирландских буржуа и крестьян, грозит чуточку урезать грабительские аппетиты господ благородных лордов»,— писал он [68].

18 сентября 1914 г. законопроект о гомруле стал наконец законом, однако введение его в силу было отложено до окончания первой мировой войны, в которую Англия вступила 4 августа того же года. Часть территории Ольстера, а именно шесть его графств, не вошла в сферу действия нового закона.

Глава 3

ИРЛАНДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОЛЬСТЕР

Политическая борьба

Мировая война и первые послевоенные годы стали временем крутого перелома в судьбе Ирландии. Начало общего кризиса капитализма нанесло сильный удар позициям Англии, находившейся, казалось, в зените своего могущества. Победительница в борьбе со своим смертельным врагом — Германией, обладательница империи, над которой «никогда не заходило солнце», Англия уже тогда почувствовала первые признаки надвигающегося крушения. По всей империи, от наиболее развитых доминионов до самых отсталых колоний Африки, происходил подъем национального самосознания, назревало освободительное движение. «Империалистская война помогла революции,— говорил В. И. Ленин на II Конгрессе Коминтерна,— буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистской войне... Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю» [1]. Огромное значение для подъема национально-освободительного движения во всем мире, положившего начало кризису колониальной системы, имела Великая Октябрьская социалистическая революция. Первые декреты Советской власти — предложение справедливого, демократического мира без аннексий и контрибуций, провозглашение права народов на самоопределение, отмена всех ограничений и привилегий, основанных на национальном угнетении, отмена неравноправных грабительских договоров, навязанных царской

Россией,— все это имело огромный резонанс в колониальных и зависимых странах.

Первая мировая война, обострившая противоречия Ирландии с британским империализмом, дала мощный толчок революционным устремлениям ирландского народа, вылившимся в национально-освободительную революцию 1919—1921 гг. Ее предвестником стала знаменитая «Красная пасха» — Дублинское восстание 1916 г.

Во главе восстания, подготовленного ирландскими революционными демократами в союзе с авангардом дублинских рабочих, стояли поэт-патриот Падраик Пирс (1879—1916), член подпольной республиканской организации — неофенианского Ирландского революционного братства (ИРБ), и вождь ирландского пролетариата марксист Джеймс Коннолли (1868—1916). Их скрепленный кровью союз предвосхитил единство социалистических и национальных сил, необходимое для победы антиимпериалистической революции. Основной силой восстания должны были стать «Ирландские волонтеры», образовавшаяся вследствие раскола «Национальных волонтеров» организация, не поддерживавшая в войне британское правительство, а также созданная Д. Коннолли Гражданская армия — «красная гвардия» ирландских рабочих. Восстание началось 24 апреля 1916 г. в воскресенье и продолжалось всю пасхальную неделю, за что и получило свое название. В буржуазно-демократической по своему характеру Декларации независимости восставшие провозгласили Ирландскую республику, гарантировавшую всем гражданам религиозные и гражданские свободы, равные права и равные возможности. После жестокой борьбы с многократно превосходящими силами английских карателей восстание было подавлено. Захваченные руководители восстания, в их числе Пирс и Коннолли, были расстреляны. Раненый Коннолли не мог стоять — его расстреляли сидящим на стуле. Тысячи ирландцев были арестованы.

Террор английских властей, осуществляемый под руководством генерала Максвелла, не смог усмирить Ирландию. Восстание всколыхнуло страну, дало толчок росту национального самосознания. После подавления восстания в национальную борьбу влились широкие народные массы. Ирландский народ готовился к решительной схватке с британским империализмом. Ирландия шла к революции. В. И. Ленин высоко оценил ирландское восстание 1916 г., особенно подчеркнув его значение как оча-

га антиимпериалистической борьбы в самой Европе. «Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистической буржуазии восстанием в Ирландии, имеет в сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке»,— писал он [2].

Подъем национально-освободительной борьбы ирландского народа вызвал различное отношение у жителей северо-восточной части страны. Свое политическое кредо Ольстер продемонстрировал в декабре 1918 г. во время всеобщих выборов в Вестминстер. В Ирландии, представленной в английском парламенте 105 депутатами, в выборах принимали участие националистическая и юнионистская партии, а также молодая партия Шин-Фейн.

Эта партия растущей национальной буржуазии и национальной интеллигенции была создана в 1905 г., поскольку осторожный курс гомрулеров переставал отвечать требованиям развивающегося национального движения.

Руководимые Артуром Гриффитсом, «апостолом ирландского капитализма», шинфейнеры сформулировали антиколониальную программу развития национальной ирландской экономики. В то же время их идеалом была конституционная монархия в дуалистическом англо-ирландском государстве. Шинфейнерам была свойственна классовая ограниченность, отрицательное отношение к социальной борьбе трудящихся. Росту популярности Шин-Фейна, превратившегося в массовую партию во время первой мировой войны, способствовало падение престижа националистов, выступавших за сотрудничество с Англией. Во главе Шин-Фейна встали популярные в народе оставшиеся в живых руководители Пасхального восстания. В 1917 г. на первом съезде «нового» (в отличие от старого, «гриффитского») Шин-Фейна президентом был избран Имон Де Валера, «последний майор 1916 г.» Новые люди влили в партию радикальную струю. Ее программа, явившаяся компромиссом между старыми, умеренными и новыми, левыми элементами, носила нечеткий, расплывчатый характер. В качестве конечной цели провозглашалось признание Ирландии независимой республикой, но вопрос о форме правления ирландский народ должен был решить с помощью референдума.

Ирландские лейбористы на выборах 1918 г. отказались выставить своих кандидатов, ради «национального единства» поддержав представителей Шин-Фейна. Это была ошибочная позиция, в результате которой руководство на-

циональным движением оказалось в руках буржуазии. В своем предвыборном «Манифесте к ирландскому народу» шинфейнеры выступили с революционными лозунгами создания Ирландской республики и созыва Национального учредительного собрания. В результате выборов Шин-Фейн завоевал 73 места из 105, националисты провели в парламент всего 6 депутатов, юнионисты — 26.

Большинство населения страны (70%) поддерживало республиканские позиции партии Шин-Фейн. Однако это относилось лишь к южной части страны, к ее 23 графствам, где на 73 места были избраны 69 шинфейнеров, которые получили таким образом 94% всех депутатских мест. В Ольстере дело обстояло иначе. Из 26 юнионистов, избранных по всей Ирландии, 23 было избрано в Ольстере. Всего Ольстер был представлен в парламенте 32 депутатами, из которых, следовательно, 72% являлись юнионистами [3]. Юнионизм в Ольстере значительно усилил свои позиции. Декабрьские выборы 1918 г. показали, что Ирландская парламентская партия перестала существовать как реальная политическая сила. Среди многих факторов, приведших ИПП к подобному финалу, были ее неспособность справиться с ольстерской проблемой, а также проводившийся с начала войны Редмондом курс на военное сотрудничество с Англией. В Южной Ирландии отлив членов ИПП привел к пополнению рядов Шин-Фейна, в Ольстере же этот процесс привел к усилению юнионизма. Поляризацию сил в стране ускорила угроза гомруля и связанная с этим бешеная юнионистская кампания.

Выборы по Ольстеру в целом на первый взгляд могли расцениваться как показатель отрицательного отношения его населения к национально-освободительному движению на Юге. Результаты выборов, казалось, свидетельствовали о нежелании Ольстера поддерживать радикальные силы, о стремлении сохранить существующие связи с Англией. Однако на деле соотношение сил было сложнее.

Из девяти ольстерских графств юнионисты получили большинство только в четырех, где преобладало протестантское население. В графствах Тайрон и Фермана, где католиков проживало больше, избранные в парламент юнионисты оказались в меньшинстве по сравнению с представителями Шин-Фейна, а в районах Донегола, Кавана, Монахана не было избрано ни одного юнониста.

Выборы 1918 г. показали, что в Ольстере отсутствуют монолитные юнионистские силы. Надежный политический

блок юнионистов существовал только в Белфасте, протестантско-юнионистском центре. В Белфасте юнионистам удалось провести 9 из 10 выдвинутых кандидатур, и лишь одно место в парламент досталось представителю националистов Дж. Девлину. Жители провинции не были однородны в своем отношении к революционным событиям на Юге страны.

Результаты выборов по Ольстеру свидетельствовали также о слабости позиции шинфейнеров. Избрание пяти националистов в Ольстере (всего в Ирландии их было избрано шесть) показало, что именно там им удалось сохранить часть своего влияния на католическую массу, которая в силу своего угнетенного положения, находясь под давлением юнионистов, плохо воспринимала идеи Шин-Фейна. И все же избрание 9 кандидатов — противников юнионистов (пять националистов и четыре шинфейнера) указывало на то, что Ольстер не стоял в стороне от революционных устремлений ирландского народа, что часть жителей провинции эти устремления поддерживала. Однако это было католическое меньшинство населения, являвшееся бесправной составной частью ольстерского общества, в то время как протестанты Ольстера придерживались юнионистских воззрений.

Новый, 1919 год стал свидетелем больших событий в Ирландии. Депутаты-шинфейнеры отказались заседать в Вестминстере и в январе объявили о создании ирландского парламента — Дойла — как единственного законодательного органа в стране. Дойл принял Декларацию независимости, в которой подтвердил существование провозглашенной в 1916 г. Ирландской республики. Затем была принята Демократическая программа, определившая социальные и экономические принципы нового правительства. Несмотря на противоречивость, нечеткость и расплывчатость многих положений, программа в целом носила антиимпериалистический характер. Среди первых акций было требование вывести английские войска с территории Ирландии, а также обращение к правительствам всего мира с просьбой признать независимую Ирландскую республику. Первой и единственной страной, откликнувшейся на этот призыв, была Советская Россия.

Создание Дойла означало вызов британскому империализму, начало ирландской национально-освободительной революции. Английское правительство начало военные действия против Ирландской республики. Шестидесяти-

тысячная армия под командованием бывшего шефа британской полиции генерала Макреди была сосредоточена в Ирландии. На ирландское население обрушился жесточайший террор английских карателей. Своими зверствами прославились отряды «черно-пегих» (названные так по цвету мундиров), специальные военные соединения, состоявшие из бывших военнослужащих, полицейских и большого числа люмпен-пролетариев и уголовных элементов. Боевые действия против английских карателей вела Ирландская республиканская армия (ИРА) — так стали с лета 1919 г. называть «Ирландских волонтеров». Военная организация молодого ирландского государства, ИРА была создана народом и тесно связана с ним. Ее подразделения, составленные по территориальному принципу, включали батраков, рабочих, фермеров, мелкую интеллигенцию. Численность армии к 1920 г. была доведена до 15 тыс. человек. Действия ИРА, сражающейся с превосходящими силами противника, приняли характер партизанской войны. Борьба ирландского народа с английскими оккупантами продолжалась с 1919 по 1921 г. и получила название войны за независимость. Это был первый этап ирландской национально-освободительной революции.

По мере обострения борьбы на Юге все больше накалялась обстановка и в Ольстере. В январе 1920 г. в Ирландии проходили муниципальные выборы, закрепившие победу революционных сил в стране. Кандидаты Шин-Фейна получили большинство во всех крупных ирландских городах, исключая Белфаст. В девяти графствах Северо-Востока юнионистам отдали предпочтение жители 22 городов, а их противникам — 23. Вновь избранные городские власти пяти крупнейших ирландских городов, в том числе и Дерри, выступили в поддержку Дойла.

В районах с преобладающим католическим населением юнионистов было избрано мало, а в графстве Каван в городские советы не прошел ни один юнионист. Городские власти Кавана оказались представлены семью шинфейнерами и двумя лейбористами. Даже в муниципалитет Белфаста из 60 членов было избрано только 37 юнионистов. Результаты белфастских выборов были оценены официальным юнионистским органом «Белфаст ньюс леттер» как «разочаровывающие». Английская газета «Манчестер гардиан» отмечала, что «шинфейнеры * значительно вкли-

* Шинфейнерами часто называли вообще всех противников юнионизма.

ниваются в новую территорию (Ольстер.— *Е. П.*), проникая в механизм местного самоуправления».

В целом по Ольстеру в муниципальные советы было избрано 258 юнионистов и 302 представителя других партий. Антиюнионистскую оппозицию представляли шинфейнеры, лейбористы и националисты. Однако антиюнионистский лагерь не стал единой монолитной коалицией. В большинстве случаев представители этих партий выдвигали кандидатов по отдельности, за исключением Лондондерри, где они выступали коалицией. Представители Шин-Фейна, лейбористов и националистов были едины в своей негативной цели — стремлении противостоять юнионистам, но их политические идеалы, а вследствие этого позитивные программы были различны.

Однако сопоставление результатов выборов по Ольстеру с остальной Ирландией свидетельствует о том, что, несмотря на значительный успех антиюнионистских сил, Ольстер оставался оплотом юнионистской реакции. 87% избранных по всей Ирландии юнионистских кандидатов приходилось на Ольстер. Между тем ольстерские лейбористы составляли 30%, а ольстерские шинфейнеры — менее 20% от избранных по всей Ирландии кандидатов. В сравнении с остальной Ирландией позиции республиканцев в Ольстере были по-прежнему слабыми. Ольстерские националисты представляли довольно большую часть кандидатов ИПП — 43%. После выборов 1918 г. они продолжали удерживать в Ольстере свои позиции.

Муниципальные выборы 1920 г. продемонстрировали всю сложность положения в Ольстере. С одной стороны, они нанесли определенный удар по юнионистскому лагерю, явились успехом антиюнионистских сил, представители которых завоевали более половины депутатских мандатов, а с другой — свидетельствовали об их раздробленности.

Юнионистские политики стремились использовать любые средства для ослабления влияния оппозиции в Ольстере. Они широко использовали результаты выборов для натравливания протестантского населения на католиков, запугивая противников перспективой распространения власти «революционного Шин-Фейна» на весь остров. В ход был пущен ставший весьма популярным лозунг «Home-Rule is Rome Rule!» («Самоуправление — это власть папы римского!»). Пытаясь дискредитировать результаты выборов, лидеры ольстерского юнионизма ссылались на существующую якобы диспропорцию в распре-

делении голосов между большинством и меньшинством, т. е. относительно равномерное распределение голосов между избирателями протестантского и католического вероисповедания, впервые осуществленное в Ирландии по системе так называемого пропорционального представительства *. Юнионистские деятели не останавливались и перед травлей депутатов. На выборах в Белфастский муниципалитет в одном из избирательных округов — Шенкилле, славившемся прежде своими оранжистскими традициями, в числе депутатов были избраны шинфейнер, националист и социалист. Представителем Шин-Фейна являлся школьный учитель Майкл Кэролэн, убежденный республиканец, немало содействовавший привлечению Национального союза учителей к тред-юнионистскому движению. Деятельность Майкла Кэролэна раздражала юнионистских главарей. После 1916 г. он был уволен из школы и арестован. Едва добившись восстановления своих прав, Кэролэн был вновь лишен работы. После выборов его обвинили в участии в незаконном собрании и снова арестовали. Используя ложные показания, организаторам суда удалось добиться осуждения Кэролэна на 6 месяцев тюремного заключения с каторжными работами, что по закону 1898 г. о местном самоуправлении автоматически дисквалифицировало его как члена городского совета. История с Майклом Кэролэном — лишь один пример тех методов, с помощью которых юнионисты расправлялись со своими противниками, стремясь путем грубого насилия закрепить свое господство на северо-востоке Ирландии.

В начале 1920 г. в Ольстере активизировалась Ирландская республиканская армия, действия которой были направлены против политики раздела страны, который готовили английские колонизаторы совместно с ольстерскими юнионистами.

Непосредственное участие в создании, обучении и вооружении северных дивизий и бригад ИРА принимало республиканское правительство и военное командование в Дублине. Базой для формирования ИРА являлась революционно настроенная часть ольстерского населения (как

---

* Система пропорционального представительства, при которой учитывается каждый голос, была введена в Ирландии по закону об избирательной реформе 1918 г. Она была закреплена в конституции Ирландского свободного государства и в настоящее время действует в Ирландской Республике. В Северной Ирландии отменена в 1929 г.

правило, католики). Несмотря на трудности, связанные с содержанием, обучением, вооружением волонтеров, а также усиленным сопротивлением юнионистов республиканскому движению, на Севере все же насчитывалось немалое количество сил ИРА, общей численностью 8,5 тыс. человек. Разбросанные по всей провинции «летучие отряды» республиканских войск сосредоточивались преимущественно в районах с католическим населением, где им была обеспечена поддержка. Недаром всех католиков в Ольстере в ту пору называли «шинфейнерами». Хотя за малейшее подозрение в связи с ИРА целые семьи североирландских католиков расстреливались без промедления, население оказывало помощь «летучим отрядам». В свою очередь, и бойцы ИРА защищали местных жителей от произвола властей. После обстрела юнионистскими патрулями прохожих в графстве Монахан там появились листовки за подписью «командира бригады ИРА Монахана». В них говорилось, что ИРА считает своей обязанностью охранять местных жителей и протягивает руку дружбы всем ирландцам. В то же время ИРА предупреждала, что ее бойцы будут бороться со всеми враждебными вооруженными группами, разведчиками и шпионами. ИРА не обладала достаточными силами, чтобы вступить в прямое противоборство с британской армией. Поэтому ее действия характеризовала гибкая тактика партизанской войны, получившей название «ирландской герильи» *. Налеты ИРА на полицейские патрули и участки, армейские казармы и военные объекты, нападения на юнионистских политических деятелей и представителей английской администрации стали постоянными явлениями ольстерской жизни в те тревожные времена. Смелость и внезапность характеризовали действия бойцов ИРА. Возмездие приходило к юнионистским карателям часто неожиданно. Но не только внезапность характеризовала действия ИРА в Ольстере. Бойцы республиканской армии совершали множество операций, требующих хорошей подготовки и привлечения большого количества людей. Так, например, нападение в начале 1920 г. в графстве Монахан на полицейские казармы с целью захвата оружия было тщательно подготовлено. Основная дорога, ведущая в деревню, где находились казармы, была блокирована, те-

* Герилья (от исп. guerra — война) — название партизанской войны в Испании и Латинской Америке.

леграфные провода перерезаны. В операции принимало участие около 150 бойцов ИРА. С мая 1916 г. по 30 сентября 1919 г. ИРА провела в Ольстере 110 вооруженных рейдов (по всей Ирландии — 1293) [4]. Число военных операций значительно возросло в 1920—1921 гг., когда «летучие отряды» активизировались в центральных районах Ольстера и в самом Белфасте. Юнионистские графства Арма, Антрим, Даун стали местом ожесточенных столкновений между силами юнионистов и бойцами республиканской армии. В период наивысшей активности ИРА в Ольстере ее действия были настолько эффективны, что повлекли за собой введение комендантского часа в Лондондерри и Белфасте. Несмотря на заверения английских руководящих деятелей о том, что на Севере большинство населения настроено резко против Шин-Фейна, именно поддержка определенной частью жителей Ольстера республиканского движения сделала возможной деятельность ИРА в северо-восточных ирландских графствах. Однако следует отметить, что в целом на Севере ИРА боролась в значительно более тяжелых условиях, чем в других районах страны. В мае 1922 г., вскоре после образования ольстерского автономного государства, ИРА на Севере была объявлена вне закона.

События, происходившие летом 1920 г. в городе Лондондерри, свидетельствовали о крайне напряженной обстановке на северо-востоке страны. Город Лондондерри занимает своеобразное положение в Ирландии. Он расположен на территории двух графств — католического Донегола и протестантского Лондондерри, но католики составляют большинство жителей города. Наличие значительного католического населения сделало Лондондерри особо чувствительным к революционным сдвигам, происходившим на Юге. На муниципальных выборах в январе 1920 г. коалиция шинфейнеров и националистов получила большинство в два голоса в городском совете. Юнионисты решили силой восстановить власть. Прибегнув к провокациям, они подвергли террору католическое население, однако получили решительный отпор. Католическое население вооружалось, в городе выросли баррикады. Юнионисты осадили католические кварталы, подвергнув их обстрелу. Положение стало угрожающим. Перестрелки нередко переходили в настоящие сражения. Пресса называла происходящее в Лондондерри гражданской войной. Характеризуя обстановку, газеты писали: «Дерри — город

мертвых. Деловая жизнь там остановлена. Улицы похожи на поле сражения, покрытое многочисленными жертвами. Сотни беженцев из Дерри прибывают в Тайрон и Донегол. Пассажиры в поездах должны прятаться, чтобы их не сразила пуля. За несколько дней в Дерри было убито и ранено 100 человек» [5]. Беспорядки в городе продолжались неделю, однако юнионистам не удалось разгромить оппозицию. С помощью ИРА католическое население смогло противостоять юнионистским террористам.

Выступления в Ольстере в поддержку Ирландской республики вызвали мобилизацию контрреволюционных сил. В выступлении на демонстрации 12 июля 1920 г., в день очередной годовщины победы Вильгельма Оранского на реке Бойн, Карсон угрожал прибегнуть к помощи ольстерских волонтеров. Эта военизированная организация была создана юнионистами в 1912 г. для вооруженного сопротивления третьему биллю о гомруле. Во время войны активность волонтеров уменьшилась, так как большинство из них ушло на фронт, однако оставшаяся часть по-прежнему владела оружием и представляла значительную силу. Следуя указаниям Карсона, юнионисты начали кампанию за реорганизацию ольстерских волонтеров. Под предлогом охраны порядка и помощи правительству юнионистская пресса требовала у английского руководства создания в Ольстере специальной полиции из так называемых лояльных граждан. В письме к своему помощнику Даусону Бейтсу, секретарю Ольстерского юнионистского совета, Карсон в июле 1920 г. писал, что обязанность юнионистов — помочь правительству. В конце он добавлял: «Я полагаю, что правительство готово обеспечить необходимую защиту (населения.— *Е. П.*), но я могу уверить совет, что в случае необходимости, если правительство не сможет выполнить свои обязанности, я, не колеблясь, под нашу ответственность организую народ для защиты против тех, кто своими преступлениями губит Ирландию и делает ее притчей во языцех среди цивилизованных наций» [6].

Английское правительство действовало в контакте с юнионистскими экстремистами. Уже в начале августа его официальный представитель заявил, что если полиции и войскам нужна будет помощь по восстановлению порядка в Ольстере, то юнионисты получат оружие и компенсацию за ранения и материальные расходы. Юнионисты не без оснований рассчитывали, что в новую организацию

стекутся массы ольстерских безработных-протестантов, в том числе бывшие военнослужащие, недовольство которых вполне можно будет направить в необходимое русло. Уже в июле Ольстерская ассоциация бывших военнослужащих приняла резолюцию, в которой указывалось на необходимость оказания помощи правительству в восстановлении «законности и порядка» и отмечалось, что 3 тыс. обученных бывших офицеров и солдат (членов ассоциации) в Ольстере готовы подчиниться любому приказу правительства.

В ноябре того же года начался набор в новую организацию — Ольстерскую специальную полицию (Ulster Special Constabulary), вооружаемую на деньги английского правительства. Так ольстерские волонтеры получили официальный статус. Тогда же, в ноябре, в Белфасте состоялось специальное заседание Ольстерского юнионистского совета, обсуждавшее вопрос о создании новой организации. В принятой резолюции одобрялось формирование Ольстерской специальной полиции, выражалась надежда, что новые силы окажутся эффективными в поддержании законности и порядка. Численность новой полиции предполагалось довести до 25 тыс. человек, тогда как королевская полиция в Ольстере насчитывала 3 тыс. Ольстерская специальная полиция состояла из отрядов трех различных типов, или, как их называли, классов. Класс *A* (его состав не превышал 5 тыс. человек) представлял собой, по сути дела, обычную полицию. Класс *C* являлся вооруженным резервом; его состав время от времени, с разной степенью регулярности проходил обучение. Основой новой организации стали отряды класса *B*, так называемые специальные силы *B* (*B*-specials). Эти отряды, вскоре после образования насчитывавшие 20 тыс. человек, стали главным ударным кулаком ольстерского юнионизма. Они просуществовали до 70-х годов и были ликвидированы под напором борцов за гражданские права. Контингент специальных сил *B* составляли бывшие ольстерские волонтеры, а также безработные, которых более чем достаточно поставляла улица. Подбор членов новой организации, особенно состав многочисленного класса *B*, лимитировался лишь одним обстоятельством. Новые ревнители законности и порядка должны были иметь определенные политические (и, следовательно, религиозные) убеждения. Ольстерская специальная полиция являлась по своему составу исключительно протестантской

организацией, большинство ее служащих состояли членами оранжистского ордена.

В связи с созданием Ольстерской специальной полиции английские газеты высказывали опасения относительно характера ее будущей деятельности. Газета «Дейли мейл», например, назвала возмутительным шагом вооружение ольстерских волонтеров, известных издевательствами над католическими женщинами и детьми. Степенная «Манчестер гардиан» в октябре 1920 г. указывала, что правительство вооружает и обучает людей, которые устраивают погромы католического населения, а в марте 1921 г. та же газета отмечала, что специальная полиция в Ольстере превращается в своего рода северных «чернопегих».

Методы, которыми действовали представители новой полиции, особенно сил *B*, усиливали сопротивление юнионистскому террору. О том, что взаимное ожесточение усиливалось, свидетельствуют листовки, с конца 1920 г. наводнявшие Ольстер. На стене одного и того же дома можно было прочитать: «Поскольку Ирландская республика объявила войну Англии, мы предупреждаем, что все, замешанные в преступном заговоре (в войне против республики.— *Е. П.*), будут расстреляны без предупреждения, как предавшие республику. Да здравствует республика!». И рядом: «Предупреждение шинфейнерам и их сторонникам. Мы не приемлем принцип: око за око. Три жизни и больше за каждого убитого или раненого полицейского. Берегитесь!» [7].

С лета 1920 г. газеты стали помещать специальные сообщения из Ирландии, напоминавшие сводки с поля боя. В «Манчестер гардиан» появилась специальная рубрика «Ирландия за неделю». До апреля 1921 г. район Ольстера отдельно не выделялся. 2 апреля в газете были выделены сведения по Ольстеру, чтобы, как подчеркивалось в комментарии, указать на опасные настроения, которые там усиливаются. Обстановка в Ольстере в конце 1920 — начале 1921 г. резко обострилась. Любое скопление народа легко превращалось в демонстрацию, которая могла вылиться в выражение симпатий Ирландской республике (как произошло на футбольном матче в Донеголе, когда в воздух взмыли знамена Шин-Фейна) или в юнионистский митинг.

В целом Ольстер не остался в стороне от революционной борьбы, происходившей в Ирландии. Определенная

часть ольстерского населения, опирающаяся в значительной мере на ольстерских католиков-националистов при поддержке ИРА, выступила в защиту Ирландской республики против юнионистов, стремившихся сохранить на северо-востоке страны старые колониальные порядки. Исход борьбы во многом зависел от того, сможет ли Ольстер более решительно и массово встать на путь революции или останется английским форпостом в Ирландии. И здесь решающую роль играла позиция рабочего класса Ольстера.

Позиция рабочего класса

В конце XIX — начале XX в. в рабочем движении Ольстера, как и остальной Ирландии, произошли заметные сдвиги. Началось организационное объединение ирландского пролетариата, его консолидация как политической силы. В 1894 г. был созван Ирландский конгресс тред-юнионов, что явилось показателем роста профессиональных союзов в Ирландии. В том же году в Ирландии возникло отделение Независимой рабочей партии Великобритании, выдвигавшей социалистические лозунги. А через два года, в 1896 г., передовые ирландские рабочие во главе с выдающимся революционером Дж. Коннолли основали первую в Ирландии марксистскую организацию — Ирландскую социалистическую республиканскую партию (ИСРП), выступавшую за создание Ирландской социалистической республики. В качестве ближайших целей ИСРП провозгласила борьбу за национальную независимость, всеобщее избирательное право, 8-часовой рабочий день и другие демократические преобразования. Ирландская социалистическая республиканская партия способствовала распространению в стране идей научного социализма. В 1912 г. в период подъема стачечной борьбы ирландского пролетариата по инициативе Дж. Коннолли была создана Ирландская лейбористская партия (ИЛП), которая через некоторое время объединилась с Конгрессом тред-юнионов и стала называться ИЛП—ИКТЮ. Развитие рабочего движения в Белфасте шло под сильным влиянием английского тред-юнионизма, для которого было характерно примирительное отношение к религиозной нетерпимости, пренебрежение к национальным требованиям Ирландии. В конце XIX в. членами британских тред-юнионов являлось более половины орга-

низованных рабочих Белфаста — судостроители, большинство металлистов, столяры и кожевники, печатники, портные и др. Из остальных, состоящих в местных союзах, 5 тыс. рабочих представляли 9 тред-юнионов льняной промышленности. 19 тысяч организованных рабочих были представлены в крупнейшем ольстерском профцентре — Белфастском совете тред-юнионов [8]. Членами этой влиятельной организации были высококвалифицированные рабочие и консервативные ремесленники. Когда в Белфасте возникло отделение Независимой рабочей партии, Белфастский совет тред-юнионов призвал рабочих «отвергнуть призывы безответственных групп, которые пытаются распространить свои идеи, выдавая их за тред-юнионистские и рабочие».

Определяя уровень зрелости отдельных групп и слоев рабочего класса, выделяя высококвалифицированных рабочих, как наиболее способных воспринимать социализм, В. И. Ленин предупреждал в то же время, что именно этот слой поставляет рабочую аристократию — смертельного врага революционного движения [9]. Именно рабочая аристократия, представленная в Белфастском совете тред-юнионов, задавала тон в рабочем движении северо-востока. При этом ольстерская «рабочая элита» была аристократией вдвойне, ибо она подвергалась коррупции не только по социальной, но и по религиозной линии (ольстерская «рабочая элита» состояла преимущественно из протестантов).

Раскол рабочих по религиозному признаку был в руках ольстерской буржуазии действенным оружием, препятствовавшим сплочению пролетариата, развитию пролетарской солидарности и делавшим ольстерский рабочий класс в политическом отношении придатком буржуазии. Религиозная вражда, сознательно разжигаемая капиталистами в рядах рабочих, мешала ольстерскому пролетариату осознать себя как класс, приводила к образованию различного рода организаций не на классовой, а на религиозной основе, какими являлись упоминавшиеся уже Белфастская протестантская организация и Ольстерская юнионистская рабочая ассоциация. Представители ольстерского тред-юнионизма пренебрежительно относились к национальным ирландским требованиям, выступали против независимости ирландского рабочего движения, за его организационное и идейное подчинение британскому лейборизму. В рядах ольстерских тред-юнионистов была

непопулярна идея гомруля. Так, Александр Боуман, первый секретарь Белфастского совета тред-юнионов, активно поддерживавший билль о гомруле, был вынужден подать в отставку после неудачной попытки образовать в Белфасте Протестантскую ассоциацию в защиту гомруля.

В 1894 г. в Белфасте было создано, как уже указывалось, отделение Независимой рабочей партии, выдвигавшей социалистические лозунги, а в 1905 г. возникла Белфастская рабочая партия. Однако даже в социалистические организации проникли религиозная нетерпимость и национальный нигилизм. Это наиболее отчетливо прослеживается на примере основателя обеих организаций У. Уокера, известного деятеля ольстерского рабочего и профсоюзного движения конца XIX — начала XX в. Уокер был типичным представителем ольстерского лейборизма с его сектантством и аполитичностью, которые на деле способствовали культивированию имперского шовинизма среди трудящихся-протестантов и означали поддержку империализма в борьбе против ирландского национально-освободительного движения. Отказ от признания национального фактора лидеры ольстерского лейборизма выдавали за пролетарский интернационализм. Под его знаменем Уокер, в частности, выступал против создания автономной лейбористской ирландской партии, за подчинение ее английским лейбористам, известным своим пренебрежением к национальным ирландским требованиям. По сути, однако, он являлся юнионистом, противником создания независимого ирландского парламента. Уокер выступал гонителем католиков, католическую мессу называл «религиозным предрассудком и идолопоклонством», а лейборизм отождествлял с протестантством. Он заявлял, что протестантизм означает протест против суеверия, следовательно, истинный протестантизм олицетворяет дело рабочих.

Критикуя в лице Уокера юнионистские тенденции ольстерского рабочего движения, Дж. Коннолли отмечал, что позиция белфастского отделения Независимой рабочей партии мало отличается от идеологии империализма.

Деятельность в Белфасте выдающегося профсоюзного организатора Д. Ларкина явилась вызовом ольстерской олигархии. Идеи общности социальных и экономических интересов рабочих, выдвигаемые Ларкиным, могли нанести серьезный удар по действиям ольстерской буржуазии с ее проповедью классового мира. На время Ларкину

удалось сплотить белфастских рабочих (католиков и протестантов), впервые объединившихся в забастовке докеров 1907 г., требовавших повышения заработной платы. О действиях рабочих пресса писала: «Они боролись не как католики и протестанты, не как националисты или юнионисты, а как белфастские рабочие и не поддались на попытки предпринимателей расколоть католиков и протестантов» [10]. Современники указывали, что никогда до этого Ирландия не видела такой рабочей солидарности, и то, что она была продемонстрирована в Белфасте, было особенно важно.

После забастовки докеров усилилось стремление неквалифицированных рабочих к созданию тред-юнионов. В 1909 г. Д. Коннолли создал в Белфасте отделение Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих — крупнейшего профсоюза страны, основанного в том же году в Дублине Д. Ларкиным. Этот союз являлся организацией нового типа, куда получили доступ рабочие независимо от их квалификации и вероисповедания. Однако деятельность ИСТНР, куда согласно своему социальному положению вошли преимущественно католики, была затруднена вследствие враждебного отношения со стороны представителей более «респектабельных» тред-юнионов.

Во время первой мировой войны в рабочем движении Ольстера наблюдалось затишье. Благодаря высокой конъюнктуре выросла занятость, поднялась заработная плата. Спрос на рабочие руки ослабил религиозную дискриминацию при найме. Рабочие организации Белфаста, в отличие от Дублина, не выступили с осуждением империалистической войны и позиции Англии.

После войны экономическая конъюнктура резко ухудшилась. Долгожданный мир не принес облегчения трудящимся. В военное и послевоенное время заработная плата рабочих выросла, однако повышение заработной платы, связанное с происходившими инфляционными процессами, в большинстве случаев не компенсировало роста цен. Стоимость жизни увеличилась (если в среднем по Соединенному Королевству заработная плата выросла в 1919 г. по сравнению с 1914 г. на 160%, то стоимость жизни увеличилась за этот же период на 152%) [11]. Таким образом, реальная заработная плата осталась в общем на том же уровне, а в некоторых отраслях экономики рост заработной платы значительно отставал от роста стоимости жиз-

ни, что приводило к снижению жизненного уровня. Так, в Ирландии заработная плата сельскохозяйственных рабочих с 1914 по 1919 г. выросла в среднем на 136%, тогда как рост цен за этот же период определяется в 176% [12].

В среднем после войны ольстерский рабочий получал 30 шиллингов * в неделю, из которых до 10 он отдавал за квартиру. Однако, как и раньше, в заработной плате существовал большой разрыв между рабочими разных специальностей и между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Семьи квалифицированных рабочих считались относительно процветающими, так как такой рабочий мог прокормить и одеть свою семью. В частности, судостроители, принадлежавшие к более высокооплачиваемым категориям рабочих, получали в первые послевоенные годы более 3 ф. ст. в неделю (т. е. более 60 шиллингов). В то же время именно в судостроительной промышленности происходило огромное число несчастных случаев, составлявших обычно половину несчастных случаев во всем Ольстере. В полотняной промышленности, как уже отмечалось, средняя недельная заработная плата рабочего была крайне низкой (26 шиллингов 9 пенсов). Если в такой семье не было работающего ребенка, ее жизнь была постоянной борьбой с нищетой. На фабриках Ольстера за низкую плату трудились тысячи детей. Примечательно, что детская смертность в Белфасте была вдвое выше, чем даже в Манчестере, известном тяжелыми условиями производства в хлопчатобумажной промышленности.

В послевоенные годы в Ольстере началось некоторое оживление рабочего движения. Требования, выдвигаемые передовыми ольстерскими рабочими, в целом отвечали задачам, которые ставило общеирландское профсоюзное движение (в феврале 1919 г. Ирландская лейбористская партия и конгресс тред-юнионов высказались за установление общенационального единства рабочих в борьбе за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня). Специальная конференция, состоявшаяся в Дублине, выдвинула требование о введении 44-часовой рабочей недели ** и абсолютного национального минимума заработной платы в размере 50 шиллингов в неделю для всех взрос-

* До денежной реформы 1971 г. фунт стерлинга был равен 20 шиллингам, или 240 пенсам (шиллинг был равен 12 пенсам).

** До конца первой мировой войны в Ирландии была 54-часовая рабочая неделя.

лых рабочих. Однако поддержать предложение Ирландской лейбористской партии о требовании 44-часовой рабочей недели в Ольстере могли не все профсоюзные организации. Это было связано и с различной степенью организации рабочих в тред-юнионы, и с характером самих ольстерских союзов. Существовал большой разрыв между передовыми отраслями ольстерского производства, где тред-юнионизм сделал определенные успехи, и, скажем, сельским хозяйством, где борьба рабочих за улучшение условий жизни и труда еще только начиналась (сельскохозяйственные рабочие Ольстера в указанный период не имели своей организации и входили либо в фермерские, либо в рабочие союзы, что могло лишь способствовать их разъединению). Так, судостроители Белфаста, связанные с тред-юнионами Англии и Шотландии, работали 46 часов в неделю и вели борьбу за сокращение этого времени на 2 часа (в основных портах Англии рабочая неделя равнялась 44 часам), а сельскохозяйственные рабочие графства Даун, работавшие по 60 часов в неделю, в апреле 1919 г. начали забастовку, требуя введения 49-часовой рабочей недели и заработной платы в размере 50 шиллингов [13]. В то же время в полотняной промышленности Северной Ирландии, известной своими зверскими методами эксплуатации, долгое время не было установленной продолжительности рабочего дня; лишь к середине 1919 г. рабочая неделя там была определена в 49,5 часа (на 1,5 часа длиннее, чем в Англии) и только к 31 октября 1920 г. она снизилась до 48 часов.

Рабочие Ольстера активно выступали за улучшение своего экономического положения, отстаивали право на создание рабочих организаций. В 1918 г. в графстве Арма 90 рабочих (мужчин и женщин) деревообрабатывающей промышленности остались без работы только потому, что отказались выйти из своего тред-юниона.

Событием в рабочем движении не только Ольстера, но и всей Ирландии стала забастовка белфастских судостроителей в январе 1919 г., выступавших с требованием введения 44-часовой рабочей недели. В поддержку забастовали рабочие других отраслей производства, в частности электро- и газовой промышленности, к ним присоединились транспортники, строители, чернорабочие. В течение трех недель Белфаст был парализован, промышленное производство почти полностью остановилось. Стачечный комитет контролировал город. 8 февраля бюллетень ста-

чечников отмечал, что «наконец-то в рядах рабочих наблюдается единство независимо от их религиозных и политических взглядов» [14].

Забастовка белфастских судостроителей получила отзвук во всей Ирландии. Вслед за рабочими Белфаста выступили лимерикские строители, докеры Дандалка, рабочие судоверфей Лондондерри, дорожные рабочие Донегола. В Дублине была созвана специальная конференция, выдвинувшая требование о введении 44-часовой рабочей недели.

Однако помощь, в частности материальная, бастующим рабочим Белфаста со стороны пролетариата Ирландии оказалась недостаточной. Рабочие английских и шотландских верфей не поддержали бастующих. Судостроители были вынуждены возобновить работу, достигнув компромиссного решения о введении 47-часовой рабочей недели.

Буржуазия стремилась расколоть рабочих. Буржуазная пресса помещала провокационные статьи и анонимные заметки «выдающихся тред-юнионистов», предупреждавших об угрозе «диктатуры из Белфаста». Но, несмотря на эти провокационные действия, забастовка во многом способствовала сплочению протестантских и католических рабочих в их борьбе за общие интересы. Хотя большинство участников стачки составляли протестанты, председателем стачечного комитета был избран католик.

В этом же году судостроители добились ряда новых успехов в борьбе с хозяевами. В частности, представители федерации машиностроителей и судостроителей выиграли судебную тяжбу с предпринимателями фирмы «Харланд энд Вольф», получив прибавку на 6 шиллингов в неделю. В итоге к концу 1920 г. средняя заработная плата судостроителей Белфаста поднялась с 83 шиллингов 3 пенсов до 87 шиллингов 10 пенсов * за 47-часовую рабочую неделю [15]. В 1920 г. представители Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих добились установления минимальной недельной платы в 45 шиллингов для строительных рабочих и в 62 шиллинга за 47-часовую неделю для рабочих, связанных с вредным химическим производством [16]. Таким образом, соли-

---

* Интересно отметить, что в Дублине в этот период уровень заработной платы был на 1 шиллинг 6 пенсов ниже, чем соответственно в Белфасте.

дарность и организованность позволили рабочим успешно бороться за свои коренные интересы.

Эти примеры свидетельствовали о значительных потенциях ольстерского рабочего движения. Они также свидетельствовали о том, что классовый мир, который так оберегали предприниматели Ольстера, оказался там не столь уж прочным. События белфастской забастовки показали, что рабочие сделали первый шаг в правильном понимании того, что единство интересов рабочих служит делу их класса. Рабочие—оранжисты и националисты, протестанты и католики — выступили вместе, объединились ради общего дела. Это придало сплоченность их рядам и силу их требованиям.

Оценивая результаты всеобщей белфастской забастовки 1919 г., английские буржуазные обозреватели писали о «разрушении юнионистской машины», а английская «Стейтист» отмечала: «Конечно, рабочие, голосовавшие на выборах за юнионистов, не изменят так быстро своим убеждениям, но первый и наиболее сложный барьер между ними и рабочими-католиками преодолен. Они больше не поддадутся на политические излияния Карсона и Крейга. Если они запомнят данный урок, то смогут противостоять позиции „твердолобых" при решении столь долго откладываемого вопроса о политических требованиях Ирландии. В любом случае возвращение старой вражды невозможно. Карсонизм, триумф реакции невозвратим» [17].

Еще одним проявлением успехов рабочего движения явилась демонстрация солидарности рабочих Белфаста 1 мая 1920 г. Несмотря на плохую погоду, рабочие организации широко праздновали день международной солидарности трудящихся. В демонстрации приняли участие рабочие всех профессий, представители различных вероисповеданий. Выступавшие на митинге отмечали, что перед ольстерским рабочим движением открываются широкие перспективы. «Религиозная вражда,— сказал один из тред-юнионистских лидеров,— которую предприниматели всегда использовали, чтобы ослабить наше движение, еще не исчезла, но она идет на убыль». Английские обозреватели отмечали происходящее в Ольстере «полевение рабочего класса». «Манчестер гардиан» приводила оценку ситуации южно-ирландскими газетами: «Молодое поколение белфастских рабочих-протестантов утратило интерес к юнионизму. Исчезли традиционные надписи в доках: „В ад (к дьяволу) вместе с папой!". Рабочие выходят из-

под контроля хозяев, поколениями осуществляемого через оранжистские ложи» [18].

Однако оптимистические оценки и прогнозы оказались преждевременными. Первые успехи ольстерского рабочего движения не получили дальнейшего развития. Рабочие выступили с экономическими требованиями, а в политическом отношении оставались раздробленными. И этот раскол углубился с развитием национально-освободительной революции на Юге страны. Правда, в Ольстере звучали отдельные голоса в защиту политической борьбы: представитель белфастского отделения ИСТНР заявил, что тред-юнионистское движение должно являться чем-то большим, чем борьба за кусок хлеба, что именно рабочим Севера Ирландии предстоит сделать первые шаги в этом направлении,— но эти голоса остались одинокими.

В этот период успехи рабочего движения в Ольстере во многом зависели от единства с рабочими Юга, от их поддержки, от позиции английских рабочих. Немаловажное значение имела позиция ирландских лейбористов, их отношение к готовящемуся разделу страны.

Когда в 1914 г. стало очевидным намерение английского правительства расколоть страну и выделить Ольстер, ирландские лейбористы выступили с открытым протестом. Исполком Ирландского конгресса тред-юнионов вступил в переговоры с английским правительством, обратился к британской лейбористской партии с призывом противостоять расколу. Оппозиция готовящемуся разделу страны была продемонстрирована не только в Дублине, но и в Белфасте, где под руководством Коннолли прошли митинги протеста. Коннолли выступил с рядом статей, где предупреждал, что выделение Ольстера внесет раскол в ирландское рабочее движение.

В июне 1914 г. Ирландский конгресс тред-юнионов почти единогласно проголосовал против отделения Ольстера (84 голоса против 2), показав, что ирландские рабочие понимают, к чему может привести раздел.

Однако конгресс тред-юнионов не занял определенной позиции по вопросу о гомруле.

Ирландское рабочее движение начала XX в. было слабым. Рабочие мелких предприятий и батраки обладали неразвитым классовым сознанием и легко поддавались влиянию буржуазной пропаганды. В начале XX в. в ирландском рабочем движении (кроме Ольстера) широкое влияние приобрели идеи революционного синдикализма.

Синдикалисты абсолютизировали экономическую борьбу и так называемое прямое действие — стачку, которую считали средством создания государства «индустриальной демократии». Теоретически не отвергая полностью политическую деятельность, они на практике оставляли за буржуазией свободу действия на политической арене. Это привело к снижению роли ирландского рабочего движения в назревавшей национально-освободительной революции.

После гибели Коннолли и других руководителей Пасхального восстания 1916 г. дублинских лейбористов возглавили Дэвид Кэмпбелл и Томас Джонсон, представители Белфастского совета тред-юнионов. Кэмпбелл и Джонсон были протестанты-гомрулеры, выступали против раздела страны, за единое рабочее движение Севера и Юга под руководством Ирландской лейбористской партии. Однако, стремясь сохранить позиции среди рабочих-протестантов Ольстера, новые лейбористские лидеры, предав забвению заветы Коннолли о соединении борьбы за национальное и социальное освобождение, стремились избегать национального вопроса, концентрируя внимание на социально-экономической программе. Увлекшись проблемами тред-юнионизма, лейбористские лидеры предоставили решение национального вопроса партии Шин-Фейн. Недооценка значения национального вопроса и его влияния на рабочее движение лишила Ирландскую лейбористскую партию лидерства в национальной борьбе.

Более того, ради мнимого единства рабочего движения руководители ирландского лейборизма не смогли в дальнейшем противостоять разделу страны. Что же касается лидеров английского рабочего движения, то они продолжали считать ирландское, а тем более ольстерское рабочее движение составной частью английского и не признавали специфики борьбы рабочих Ирландии за социальное и национальное освобождение. Между тем выступления ирландских рабочих, проходившие под национальными лозунгами и носившие боевой, бескомпромиссный характер, стали эффективной частью антиколониального сопротивления. Именно рабочий класс Ирландии выступал инициатором революционно-освободительной войны за полную независимость страны, побуждая национально-буржуазные круги к более решительной борьбе против британского империализма. В стороне от политической борьбы рабочего класса всей страны оказались ольстерские рабочие.

Когда в апреле 1918 г. была проведена всеобщая однодневная забастовка в знак протеста против военной мобилизации в Ирландии и рабочие Юга и Запада страны выступили единым фронтом, лишь Север не поддержал бастующих. В апреле 1920 г. около 100 политических заключенных в Маунтджойской тюрьме (Дублин) объявили голодовку в знак протеста против заключения их британскими властями без суда и следствия. В знак солидарности рабочие начали забастовку, которая на Юге страны проходила очень организованно и окончилась победой рабочих. Заключенные были освобождены. На Севере дело обстояло иначе. Несмотря на отдельные выступления протеста и локальные забастовки, промышленность и транспорт Ольстера — в отличие от остальной Ирландии — продолжали действовать.

Летом 1920 г. в разгар военных действий между силами Ирландской республики и английскими войсками началась крупнейшая по своим масштабам и длительности забастовка против ввоза вооружений, продолжавшаяся более полугода. Ирландские транспортники—докеры, шоферы, железнодорожники бастовали, отказываясь перевозить английские войска и вооружение в страну. И вновь Ольстер не поддержал ирландских рабочих. В течение всего периода забастовки Северная железная дорога, проходящая в основном по Ольстеру, продолжала действовать, облегчая концентрацию английских войск. Правда, и в Ольстере встречались отдельные случаи саботажа, когда рабочие железных дорог отказывались пропускать поезда с английскими войсками, полицией, вооружением. Особенно это было распространено в Лондондерри, так как именно через это графство, граничащее с республиканским Донеголом, шла транспортировка английских резервов. Однако попытки сопротивления ольстерских железнодорожников, не получивших поддержки основной массы рабочих, были разрозненными и неорганизованными.

Особенности рабочего движения в Ольстере помогли юнионистам перейти в наступление. «Ольстерских рабочих легче эксплуатировать, когда они разобщены, нежели, когда они едины»,— заявил член Ольстерского юнионистского совета[19]. Ольстерская юнионистская верхушка, умело используя общую экономическую и политическую ситуацию в стране, смогла вновь направить протестантские массы на путь религиозной вражды. Продолжавшиеся два года (с лета 1920 г. по осень 1922 г.) погромы ка-

толических районов Ольстера, убийства и изгнание на Юг тысяч католиков и членов их семей явились тем методом, который юнионистские главари избрали для достижения своих целей. О том, что ольстерские католические погромы — явление отнюдь не случайное, красноречиво свидетельствуют и события наших дней.

В XX в. в европейской стране происходят события, которые под стать лишь средневековью. Однако, напоминая варфоломеевскую ночь по форме, «религиозные войны Ольстера» вполне современны по содержанию, в основе их лежат реальные причины экономического, социального и политического характера. Католические погромы в Ольстере 1920—1922 гг. стали возможны вследствие экономического спада и растущей безработицы. Во время войны 75 тыс. жителей Ольстера ушло на фронт, освободив рабочие места. После войны бывшие солдаты требовали возвращения их на работу. Усилившаяся конкуренция за рабочие места вновь обострила религиозный вопрос. Погромы были ответом ольстерских юнионистов на развертывание антиимпериалистической революционной борьбы и участие в ней местного католического населения. Под флагом защиты рабочих-протестантов от конкуренции католиков оранжистами была развернута шумная кампания. Отлаженная юнионистско-оранжистская машина надклассового протестантского союза и на этот раз сработала безотказно. Необходим был только сигнал к действию, и он незамедлительно последовал. 12 июля 1920 г., в один из «священных» для оранжистов дней годовщины победы Вильгельма Оранского на реке Бойн, Карсон, выступая перед докерами-протестантами, произнес воинственную речь, в которой говорил об угрозе распространения Шин-Фейна в Ольстере. Тогда же он изрек свою сакраментальную фразу: «Я устал от слов, не подкрепленных делом!», незамедлительно взятую на вооружение юнионистскими молодчиками. Главаря ольстерской реакции поддержала местная юнионистская пресса, сетовавшая на «мирное проникновение» католиков-националистов в имперскую твердыню на Севере Ирландии. Ведущие газеты Лондондерри и Белфаста начали публиковать оскорбительные для католического населения письма, содержащие, в частности, нападки на католиков и призывы к увольнению их с работы. 16 июля белфастская газета «Ньюс леттер» поместила характерное письмо за подписью «Протестант»: «Если мы не кончим болтать и не

начнем действовать, протестантской вере в этой стране придет конец» [20].

Некоторые рабочие организации пытались противостоять назревавшим конфликтам. Рабочие железных дорог, собравшись на конгресс в Белфасте, приняли резолюцию, призывающую к единству. Рабочий класс не допустит, говорилось в резолюции, чтобы религиозные или политические разногласия стали на пути его освобождения. Особенно решительными были действия ольстерского отделения ИСТНР, боевого авангарда ольстерского рабочего класса. Однако преобладание в ольстерских тред-юнионах протестантов, а также наличие специальных протестантских рабочих организаций сказалось на том, что рабочий класс Ольстера в целом не смог продемонстрировать необходимого единства.

Долго нагнетаемая атмосфера религиозной вражды и ненависти дала первую вспышку в белфастских судоверфях, где обстановка была накалена до предела. Значительная концентрация рабочей силы, а также решительное преобладание протестантов делали белфастские судоверфи местом, весьма чувствительным ко всякого рода изменениям политической ситуации.

Религиозный состав рабочих белфастских судоверфей в интересующий нас период определить точно довольно трудно. До 1914 г. квалифицированные рабочие судостроители принадлежали на $^{9}/_{10}$ к протестантской общине и свято охраняли свои привилегии. До войны в белфастских судоверфях трудно было найти ученика-католика. Чтобы попасть туда на работу, белфастскому рабочему-католику приходилось отработать в Дублине или в Англии, там вступить в тред-юнион, получить опыт и квалификацию. Лишь тогда он мог вернуться в Белфаст, где с помощью своего тред-юниона добивался (далеко не всегда) принятия на работу. В военные годы приток рабочих-католиков увеличился. Во время войны на верфях Белфаста работало от 20 до 30 тыс. человек, из которых в среднем от 3 до 5 тыс. составляли католики. После войны протестанты, подстегиваемые растущей безработицей, стремились восстановить нарушенное в военный период «равновесие» сил.

21 июля 1920 г., подстрекаемые юнионистскими вожаками, рабочие-протестанты (на белфастских верфях в этот период в среднем приходилось по шестеро протестантов на одного католика) избили и изгнали с работы всех ка-

толиков. Это повлекло за собой столкновения между жителями города, в результате которых уже в первую ночь три человека было убито и 70 ранено. Протестанты отказывались работать вместе с католиками, обвиняя их в симпатиях к Шин-Фейну. В частности, на митинге рабочих судостроительной фирмы «Уоркмен энд Кларк» была принята следующая резолюция: «Мы, юнионистские и протестантские рабочие фирмы, сожалея о беспорядках, происходящих в нашем городе в последние дни, заявляем, что мы не будем работать с нелояльными рабочими... пока Шин-Фейн не прекратит нелепую кампанию убийств позорящую нашу страну. Предлагаем, чтобы в дальнейшем на работу принимались в первую очередь лояльные бывшие военнослужащие и протестанты-юнионисты» [21]. Эта резолюция раскрывает не только политические и религиозные, но и экономические мотивы (наличие безработных среди бывших военнослужащих), побуждавшие протестантов к действию.

Предприниматели-протестанты учредили специальные правила приема на работу: чтобы получить ее, рабочий или служащий должен был подписать обязательство быть лояльным по отношению к британской короне. Массовые увольнения рабочих-католиков быстро распространились по всему Ольстеру, явившись началом оголтелой кампании по преследованию католического населения, длившейся более двух лет. Волна погромов и убийств захлестнула Ольстер. «Погромщики не принимают в расчет ни возраст жертвы, ни пол. Они убивают женщин и детей, старых и молодых, в домах и на улицах, убивают наравне с мужчинами. Католики не могут укрыться ни в церкви, ни в больнице, ни в школе. Попытки сопротивления со стороны католиков, которым угрожает полное истребление, еще больше разжигают страсть погромщиков»,— так писали современники о бесчинствах оранжистов [22]. Джинн был выпущен из бутылки. Маленькие ольстерские города представляли собой ужасную картину разгула оранжистских молодчиков, громивших целые жилые кварталы, оставляя без крова сотни и тысячи людей, вынужденных покидать насиженные места в поисках безопасности. Корреспондент «Манчестер гардиан» сообщал: «Важно отметить, что эти беженцы — не бандиты и не разбойники. Они — просто католики. Единственный вопрос, который задается, прежде чем выгнать человека из дома или с работы, звучит так: „Католик ли ты?“» [23]. По свидетельству

ольстерского корреспондента «Дейли ньюс», «даже в сравнении с ужасами недавней войны зрелище ирландской миграции было волнующим. Десятки, сотни людей ежедневно оставались без жилья и искали прибежища. Беженцы наполняли дороги Ольстера. Они стекались в Белфаст, надеясь, что в крупном городе им обеспечена бóльшая безопасность» [24]. Однако Белфаст, католическое население которого составляло около 100 тыс. человек, в эту тревожную пору являл собой отнюдь не идиллическое зрелище. Только в августе 1920 г. там насчитывалось более половины из 4 тыс. бездомных и обездоленных Ольстера. И день ото дня эти цифры росли. Материальный ущерб, нанесенный городу, оценивался в 0,5 млн. ф. ст. 5 тыс. рабочих и служащих было уволено из доков. Вооруженные оранжисты ночами громили католические кварталы. В 1921 г. и особенно в 1922 г. католические погромы возобновились с новой силой. Всего с июля 1920 г. по июль 1922 г. в одном только Белфасте было убито 455 и ранено 2 тыс. человек. За два года в результате выселений и убийств католическое население Белфаста сократилось с 94 до 70 тыс. человек [25].

Наряду с католиками от рук воинствующих реакционеров страдали и прогрессивно настроенные рабочие-протестанты. В многочисленных заявлениях рабочих указывалось, что с работы уволены не только шинфейнеры и националисты, но и лейбористы и социалисты, преимущественно протестанты. Не оставляет никакого сомнения, что спровоцированные реакцией беспорядки были направлены на разгром рабочего движения, против объединения рабочих масс. Действия погромщиков были открыто одобрены лидерами ольстерского юнионизма. В частности, Карсон, подводя итоги событиям на белфастских верфях, заявил в палате общин: «Я горжусь своими друзьями в доках» [26].

Британская полиция и войска, расположенные в Ольстере, могли быстро унять погромщиков. Однако они заняли позицию попустительства оранжистам, бесчинствовавшим под британским флагом. Как пишет английская «Манчестер гардиан», жертвами стрельбы английских солдат всегда являлись католики и неизвестно ни одного случая, когда бы солдаты открыли огонь по оранжистам. Поддержка протестантов отражала приверженность принципам традиционной английской политики «разделяй и властвуй». Политика подрыва единства рабочего движе-

ния, явственно отразившаяся в событиях второй половины 1920 г., во многом свела на нет успехи рабочих Ольстера, продемонстрированные ими в начале послевоенного периода. Кровавый террор, развязанный юнионистами, обескровил ольстерское рабочее движение и позволил предпринимателям уже в 1921 г. перейти в наступление. На 27-м съезде ирландских лейбористов указывалось на снижение заработной платы, происходящее по всей стране наряду с попытками увеличения рабочего дня. На съезде также отмечалось, что фронтальное наступление предпринимателей на рабочих в ряде случаев произошло без всяких попыток последних отстоять свои экономические завоевания [27].

Ольстерские рабочие в своей основной массе остались равнодушны к национальным требованиям ирландского народа, не поняли связи рабочего движения с решением национального вопроса. В 1921 г. ирландские лейбористы, обращаясь к рабочим Ольстера, указывали: «Если бы они (ольстерские рабочие.— *Е. П.*) могли осознать, что их враги — не в Риме, не в Дублине, а в Белфасте, они бы присоединились к своим товарищам в борьбе за великие идеалы, за которые боролся и умер Коннолли» [28]. Представители ирландского лейборизма призывали ольстерских рабочих бороться за Рабочую республику. Но ольстерские лейбористы выступили против отделения Ирландии от империи. В 1920 г. на конференции английских лейбористов белфастский представитель призвал голосовать против резолюции о самоопределении для Ирландии. «Провозглашение принципа самоопределения для Ирландии в данный момент означает республику. Истинные ирландские рабочие против республики» [29].

Позиция ольстерских лейбористов приобретала особо важное значение в связи с задуманным английскими империалистами планом по расчленению страны, осуществленным ими в конце 1920 — начале 1921 г. Только единство рабочих всей Ирландии могло стать преградой на пути раздела страны. Ирландские лейбористы призывали «всех рабочих шести графств Северо-Востока присоединиться к своим товарищам... Объединение рабочего класса Ирландии сделает раздел невозможным... Если рабочие Севера не объединятся с рабочими остальной Ирландии, они будут раздавлены капиталистами Белфаста, поддержанными капиталистами Англии, всей Британской империи, всего мира. Идея раздела непосредственно связана с

сохранением капиталистических порядков в стране при спекуляции на различиях в религии... Они (рабочие.— *Е. П.*) добьются успеха только в одной стране, так как их интересы едины» [30].

В то же время руководство ирландской лейбористской партии заняло пассивную позицию в период англо-ирландских переговоров. Ограничившись резолюцией в поддержку права Ирландии на самоопределение и политическую целостность, лейбористская партия не принимала участия в переговорах. Лейбористы не участвовали в обсуждении англо-ирландского договора в Дойле, так как не имели там голосов (сказался отказ лейбористской партии от участия в парламентских выборах 1918 г.). После заключения в декабре 1921 г. договора, означавшего раздел страны, лейбористская партия не выступила с его официальным осуждением. Заняв «нейтральную» позицию, руководство партии признало вопрос «закрытым».

Против договора выступила созданная осенью 1921 г. Коммунистическая партия Ирландии. В декабре 1921 г. после подписания в Лондоне англо-ирландского договора, но до его ратификации Дойлом ирландские коммунисты повели кампанию против договора. На страницах официального органа компартии «Уоркерс рипаблик» («Рабочая республика») разъяснялось, что отклонение договора не означает войну с Англией, как это пытались представить сторонники договора. Войну можно избежать объявлением всеобщей стачки в Ирландии при поддержке компартии Великобритании. Коммунисты указывали, что британская империя переживает тяжелый кризис. В Англии в 1921 г. насчитывалось 2 млн. полностью безработных, миллионы людей были заняты не полностью, восстания потрясали Индию и Египет. Национальный исполком КПИ издал манифест, призывавший отвергнуть договор. «Договор означает постыдное предательство борьбы Ирландии за национальную независимость, дела ирландского республиканизма... Наступил критический период ирландской истории. Рабочий класс не должен идти на компромисс»,— писали ирландские коммунисты. В манифесте отмечалось, что так называемое Ирландское свободное государство, возникшее в результате англо-ирландского договора, принесет стране не мир и свободу, а гражданскую войну. Компартия Ирландии призывала бороться за Ирландскую республику против Ирландского свободного государства, отмечая, что его создание будет

означать консолидацию империи, в то время как провозглашение Ирландской республики нанесет смертельный удар британскому империализму [31].

Поддерживая борьбу за Ирландскую республику, ирландские коммунисты не строили иллюзий в отношении классового характера будущего государства, которое в тех условиях могло быть лишь буржуазно-демократической республикой. Но поскольку борьба за Ирландскую республику являлась целью значительной части рабочих масс, коммунисты активно участвовали в борьбе, видя в ней шаг к достижению основной цели — провозглашению Рабочей республики в Ирландии. Заслугой молодой компартии можно считать стремление соединить борьбу за национальное и социальное освобождение Ирландии. «Борьба за национальное освобождение приобретает иной характер,— писала „Уоркерс рипаблик".— Понятие „ирландская нация" не может больше означать зеленый флаг над ирландским парламентом, в котором господствуют капиталисты; это понятие подразумевает ирландскую нацию рабочих, свободных от засилья любой буржуазии, своей и чужой, и объединившихся со всеми рабочими в славной борьбе за свержение капиталистического ига» [32].

Ирландские коммунисты опирались на пророческое предостережение Дж. Коннолли: «Если мы завтра вытесним английскую армию, водрузим зеленый флаг над Дублинским замком и не провозгласим социалистической республики, наши усилия пропали даром. Англия будет все же править нами с помощью своих капиталистов, землевладельцев и финансистов, с помощью массы торговых фирм и частных интересов, насажденных ею в этой стране» [33].

Выступая против англо-ирландского договора, ирландские коммунисты указывали на опасность раскола страны, видя в нем угрозу независимости Ирландии, стремление английского империализма сохранить свои позиции на острове. «Независимая Ирландия будет экономически жизненной только вместе с Ольстером и Белфастом, и английский капитал это отлично знает,— писала „Уоркерс рипаблик" в ноябре 1921 г.— Лицемерно используя национальный фактор, англичане хотят оторвать Ольстер от остальной Ирландии и создать в нем собственный парламент. Естественно, что автономный Ольстер останется в самых тесных отношениях с Англией» [34].

История подтвердила справедливость выводов, сделанных ирландскими коммунистами. Ирландские коммунисты осудили сторонников договора, в частности руководство лейбористской партии за их малодушие и трусость. «Уоркерс рипаблик» в декабре 1921 г. писала: «Те, кто признал компромисс, испугались республики. Они испугались того, что народ, получив политическую свободу, может потребовать свободу социальную. Они боялись, что Ирландская республика станет Рабочей республикой» [35]. Коммунисты призвали ирландских рабочих объединиться независимо от религиозной принадлежности в борьбе против общего врага — капитализма [36]. Однако единства добиться не удалось, сказались как позиция лейбористского руководства, так и недостаточное влияние на массы только что образованной компартии. Идея единства рабочего класса всей Ирландии осталась чуждой ольстерским рабочим.

Таким образом, в целом рабочий класс Ольстера в политическом отношении оказался добычей реакции. Соучастие в имперском колониальном грабеже Ирландии, определенные привилегии, которыми обладали ольстерские рабочие-протестанты, сыграли решающую роль в подрыве классовой солидарности ирландского пролетариата. Влияние буржуазной идеологии и реформистских элементов способствовало тому, что ирландский пролетариат не смог стать гегемоном национально-освободительной революции. Эту задачу взяло на себя национально-буржуазное руководство Шин-Фейна, сумевшее затормозить развитие социально-классовой борьбы в стране. Капитулянтская политика лейбористских лидеров привела к лишению рабочего движения самостоятельной политической роли. Это тяжело отразилось на развитии национально-освободительного антиимпериалистического движения во всей Ирландии, во многом сказалось на незавершенности ирландской революции, способствовало разделу страны.

Британская реакция переходит в наступление

Военные и первые послевоенные годы знаменовали начало нового этапа в истории англо-ирландских отношений. Упорная борьба ирландского народа за независимость предвещала конец английского господства на «Зеленом острове». Понимая невозможность сохранения прежних

позиций в Ирландии, представители английских правящих кругов стремились максимально ограничить ростки ирландской свободы. По ирландскому вопросу в конце XIX — начале XX в. развернулась политическая борьба между либералами и консерваторами. Своего апогея она достигла в событиях 1912—1914 гг., когда принятие либеральным кабинетом законопроекта о гомруле вызвало яростное сопротивление английских консерваторов, вылившееся в конституционный кризис в Англии.

Говорить о политической борьбе между либералами и консерваторами по вопросу об Ирландии можно лишь с определенными оговорками. Различные позиции, занимаемые представителями правящего класса Англии, объяснялись отнюдь не принципиальными расхождениями. Либералы, так же как и консерваторы, являлись врагами ирландской свободы. Выражая интересы английских правящих кругов, либералы в конечном счете стояли за неизменность самого существа англо-ирландских отношений. Разногласия между либералами и консерваторами отражали лишь различные методы, которыми представители этих партий прикрывали общую цель — сохранение господства британского колониализма в Ирландии. Поэтому в решающий момент старые распри отступили на задний план, и английская буржуазия сплоченно выступила против ирландского национально-освободительного движения.

Однако ряд обстоятельств заставлял либералов долгое время осуществлять поиски более гибких форм, в которые бы облекались англо-ирландские отношения. В 80-х годах XIX в. начался кризис либеральной партии. В основе его лежало сужение социальной базы партии, явившееся результатом изменений в экономической и социальной структуре Великобритании. В условиях обострившейся борьбы за власть представители либеральной партии искали новых путей для укрепления своего влияния. В этих целях обращение к ирландскому вопросу представлялось для них весьма выгодным. Подчас само пребывание либералов у власти зависело от поддержки ирландских членов парламента, что, естественно, определяло ирландские «симпатии» либералов. Внесение Гладстоном законопроектов о гомруле в 1886 и 1893 гг., с одной стороны, было вызвано стремлением умиротворить Ирландскую парламентскую партию, требовавшую предоставления Ирландии самоуправления. С другой стороны, это была вынужденная мера, результат мощного подъема освободительного дви-

жения в Ирландии. Для либералов гомруль был лишь козырем в политической игре. Видный либеральный деятель Г. Асквит, в 1902—1905 гг. утверждавший, что гомруль обречен на неудачу, в 1910 г. придя к власти и почувствовав необходимость в поддержке ирландских парламентариев-националистов, возвращается к идее ирландского самоуправления. Обращение английских либеральных деятелей к ирландской проблеме в этот период диктовалось стремлением сохранить позиции правящей партии.

Внесение либеральным правительством в 1912 г. третьего билля о гомруле также было призвано предотвратить нарастание революционных настроений в Ирландии, в которой складывались предпосылки национально-освободительной антиимпериалистической революции.

В конце XIX — начале XX в. в Ирландии наблюдается рост рабочего и социалистического движения. Ширятся выступления пролетариата, в 1911 г. происходит крупное выступление рабочих железнодорожников, а в 1913 г.— знаменитая стачка дублинских трамвайщиков (эту стачку высоко оценил В. И. Ленин), поддержанная другими отрядами рабочих. Однако рабочий класс Ирландии еще не мог возглавить ширящееся национально-освободительное движение. Во главе надвигающейся революции стала молодая ирландская национальная буржуазия, которая в лице своей ведущей политической организации Шин-Фейн выдвинула развернутую программу свободного капиталистического развития Ирландии.

Однако если либералы и готовы были пойти на некоторые уступки, то консерваторы занимали непримиримую позицию. Даже скромные предложения гомруля, исходившие от английских либеральных деятелей, встречались в штыки представителями консервативной, или, как ее тогда называли, юнионистской, партии. Это название подчеркивает приверженность консерваторов существованию унии между Великобританией и Ирландией, их стремление сохранить неравноправный союз. Земельные богатства Ирландии являлись собственностью английских лендлордов, которые составляли солидную прослойку в рядах консерваторов. Представители английской земельной аристократии, такие, к примеру, как лорды Лондондерри, Лэнсдаун, владевшие обширными поместьями в Ирландии и получавшие оттуда значительную земельную ренту, есте-

ственно, сопротивлялись всяким попыткам лишить их этой возможности.

Партия английских консерваторов, сохраняя в своей среде представителей старого английского лендлордизма, выражала также интересы крупной промышленной и финансовой буржуазии. Заинтересованные в новых рынках сбыта и сферах приложения своих капиталов, финансовые тузы и банкиры Сити выделяют из своей среды представителей и непосредственных выразителей колониальной политики английского империализма. Вильсон, Биркенхед, Эмери, Бонар Лоу, Лонг — эти «твердолобые тори» снискали себе „славу" душителей ирландской свободы. Заинтересованность монополистической буржуазии в ростовщическом проценте контролируемых из Англии ирландских банков, в дальнейшей эксплуатации Ирландии в качестве рынка сбыта и поставщика рабочей силы для капиталистической промышленности — все это определяло активное сопротивление английских тори любой попытке хоть немного ослабить колониальные узы между Великобританией и Ирландией. Свои узкокорыстные интересы представители правящих кругов из числа английских юнионистов прикрывали заботой о «единстве Британской империи».

На протяжении всей истории англо-ирландских отношений особое место продолжала и продолжает занимать проблема Ольстера. Реакционные помещичье-буржуазные круги Ольстера — земельные магнаты и промышленные воротилы — значительно выигрывали от тесного союза с Великобританией и были заинтересованы в сохранении колониальных порядков. При рассмотрении политики английских правящих кругов в отношении Ирландии необходимо постоянно учитывать особую роль, сыгранную реакционерами Ольстера в решении ирландского вопроса.

В 1916 г. ирландский вопрос вновь выдвинулся на авансцену английской политики. Этому способствовал ряд обстоятельств. Подавив в крови в апреле 1916 г. Дублинское восстание, английские политики прекрасно понимали, что они добились лишь временного спокойствия в ирландском тылу. Участие Англии в первой мировой войне делало необходимым мобилизацию всех людских и материальных ресурсов, в силу чего усмирение Ирландии, постоянно требовавшей присутствия английских войск, было крайне важно. Кроме того, жестокая расправа над ирландскими повстанцами могла сказаться отрицательно

на отношениях Англии и США *, что было для Англии весьма нежелательно ввиду предстоящего вступления Соединенных Штатов в войну: участие Америки по расчетам представителей английских правящих кругов могло оказать большое влияние на исход войны.

Таким образом, в начале 1916 г. представители английского правительства стали осознавать острую необходимость если не решить, то по крайней мере создать видимость решения ирландского вопроса. Ирландский вопрос на протяжении последних военных и первых послевоенных лет явился своеобразным барометром, отражающим расстановку политических сил внутри страны и внутри самих партий. С мая 1915 г. у руководства страной было коалиционное правительство, в котором консерваторы делили власть с либералами, при численном преобладании последних. Возглавлял правительство либерал Асквит. Первая мировая война привела к ослаблению либеральной партии. Одним из показателей этого явилось отсутствие единства в рядах либералов по ряду вопросов, в частности относительно методов дальнейшего ведения войны и организации военной промышленности.

В 1916 г., однако, только намечавшийся процесс размежевания еще не отразился на ирландском аспекте политики либералов. Вынужденное вновь заняться ирландским вопросом, английское правительство обратилось к Ллойд Джорджу с просьбой взять на себя переговоры с ирландскими лидерами. Выбор кандидатуры Ллойд Джорджа являлся отнюдь не случайным. К этому времени Ллойд Джорджу удалось обеспечить себе «хорошую» репутацию среди буржуазных политиков. Об этом свидетельствовал, например, заголовок в одном из номеров газеты «Дейли мейл» в мае 1916 г.: «Если случилась беда, посылайте за Ллойд Джорджем» [37]. Тогда же Ллойд Джордж не без гордости писал брату: «Асквит и Бонар Лоу желают, чтобы я занялся Ирландией... Довольно интересно, что, когда возникает особая трудность, они обращаются ко мне» [38]. Личные качества «кудесника из Уэльса» — поли-

* Наличие в США значительного ирландского населения (к началу XX в. там проживало около 5 млн. ирландцев, а число лиц с той или иной долей ирландской крови достигало 15—20 млн. человек), а также влиятельных политических организаций ирландцев, созданных для поддержки национально освободительного движения на острове, делали Америку весьма чувствительной к ирландской политике Англии.

тическая изворотливость, умение ориентироваться в сложнейшей политической обстановке и менять личину по мере надобности — позволяли надеяться, что Ллойд Джордж сможет добиться приемлемого решения в ирландском вопросе. Своей деятельностью по урегулированию ирландской проблемы в 1916 г. Ллойд Джордж во многом оправдал возлагаемые на него надежды. Он подтвердил свое умение вести закулисные переговоры, раздавать лживые обещания, плести сложные интриги. Сложность предстоящего компромисса заключалась в необходимости примирить стремление большей части народа Ирландии к самоуправлению и нежелание ольстерских экстремистов идти на разрыв существующей унии между Великобританией и Ирландией. Положение многим казалось безвыходным, однако неожиданно предложения, выдвинутые Ллойд Джорджем, получили поддержку как у лидера ирландских националистов Дж. Редмонда, так и у Э. Карсона, представлявшего юнионистов Ольстера. Ллойд Джордж предлагал немедленное введение в действие закона о гомруле, сохраняя при этом на время войны статус-кво для шести ольстерских графств. После окончания войны намечалось проведение имперской конференции для рассмотрения будущего Британской империи, включая вопрос об Ирландии и Ольстере. До этого же Ирландия сохраняла в Вестминстере прежнее число своих представителей.

План Ллойд Джорджа представлял из себя, по существу, предложение о разделе Ирландии. Однако заверения Ллойд Джорджа о временном характере раздела примирили с ним представителей ирландских националистов. Что же касается ольстерских юнионистов, настаивающих на окончательном выделении части Ольстера из сферы применения закона о гомруле, то им Ллойд Джордж также дал необходимые обещания [39]. Предложения о разделе Ирландии, содержащиеся в плане Ллойд Джорджа, не вызвали возражений и со стороны либеральных членов кабинета. По вопросу о предполагаемом разделе Ирландии в тот период в либеральной партии не было особых разногласий. Однако соглашение с ирландскими лидерами в 1916 г. было сорвано действиями консерваторов.

Отношение к предложениям 1916 г. в консервативной партии было сложным, консерваторы не были едины в стремлении полностью отвергнуть план, выдвинутый либералами. Окончательный отказ от предложений произошел не без борьбы внутри партии консерваторов. Сразу и

очень активно повели политику на срыв урегулирования вопроса представители земельной аристократии — лорды Лэнсдаун, Селборн (последний, не дожидаясь окончательного решения, в знак протеста против политики правительства вышел в отставку с поста министра сельского хозяйства).

Весьма активны были «старые тори», которые особенно никогда не интересовались проблемами оранжизма, но которые были преданы идее имперского превосходства над Ирландией. Они вели за собой основную массу консерваторов. Деятельность тори-экстремистов повлияла на позицию остальных консерваторов во главе с Бонар Лоу, который, будучи лидером партии, хотел сохранить единство ее рядов.

Действия Бонар Лоу в 1916 г. отличались известной противоречивостью. Если в период 1912—1914 гг. Бонар Лоу самым активным образом поддерживал действия ольстерских юнионистов, направленные на срыв политики гомруля, то теперь, в 1916 г., он занял несколько иную позицию. План Ллойд Джорджа казался приемлемым для Бонар Лоу, так как оставлял на время войны Ольстер в составе Соединенного Королевства. Будучи, как всякий истинный консерватор, ярым противником ирландского самоуправления, Бонар Лоу в первую очередь интересовался судьбой Ольстера. Он сыграл значительную роль в последующем создании североирландского парламента. Бонар Лоу поддерживал требование Ольстера об отделении от остальной Ирландии, чем отличался от многих англо-ирландских земельных аристократов, которые видели в деятельности ольстерских юнионистов лишь удобный предлог для того, чтобы сорвать предоставление Ирландии самоуправления. Это объясняет тот факт, что Бонар Лоу вначале не оказался в рядах активных противников правительственных мер. Однако ряд обстоятельств повлиял на его позицию. Бонар Лоу, как лидер консервативной партии, должен был учитывать настроения основной массы ее членов, считавших, что предложение гомруля является спешной мерой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами.

Бурные события внутриполитической жизни Англии, сложная обстановка на фронте, а также неудачи в ирландском вопросе в 1916 г. на время сняли его с повестки дня. К началу 1918 г., когда ирландский вопрос вновь всплыл на поверхность общественно-политической жизни,

в Англии произошли некоторые изменения. Еще в конце 1916 г. Асквиту пришлось уйти в отставку и во главе коалиционного правительства стал Ллойд Джордж. Либеральная партия раскололась. Часть либералов, так называемые независимые либералы, поддержала Асквита и образовала официальную оппозицию правительству. Другие пошли за Ллойд Джорджем, войдя в состав коалиции, что означало блок с консерваторами, которых сам Ллойд Джордж когда-то называл «твердолобыми». В состав узкого военного кабинета вошли лорды Милнер и Керзон, олицетворявшие собой наиболее реакционные колониалистские круги английской буржуазии. Соглашение Ллойд Джорджа с консерваторами ознаменовалось его уступками им по ряду вопросов.

Определяя задачи правительства в области ирландской политики в начале 1917 г., Ллойд Джордж подчеркнул невозможность подчинения Ольстера силой единому ирландскому парламенту. Аргументация Ллойд Джорджа, по сути не отличавшаяся от доводов ольстерских юнионистов, изобиловала демагогическими обращениями к принципам свободы и демократии. Отдать ольстерцев «во власть национального правления против их воли — такое же нарушение принципов свободы и самоуправления, каким бы явилось отрицание этих принципов для остальной Ирландии»,— говорил, в частности, Ллойд Джордж [40]. Идея выделения Ольстера и признания за ним права не подчиняться общеирландскому парламенту, явившаяся уступкой требованиям консерваторов, стала отправной точкой в последующей выработке Ллойд Джорджем ирландской политики.

Внезапное обращение в 1918 г. к ирландскому вопросу было вызвано необходимостью проведения в стране новой мобилизации. Было решено распространить закон об обязательной воинской повинности на Ирландию. Наряду с этим предполагалось ввести в действие закон о гомруле.

Понимая, что мобилизация вызовет сопротивление в Ирландии и неблагожелательные отклики в Америке, английские власти решили подсластить пилюлю. Более того, Ллойд Джордж указывал, что, «если мы не сможем обеспечить вторую меру (гомруль.— *Е. П.*), я не буду проводить и первую» [41]. Однако не все поддержали Ллойд Джорджа. Асквит и его сторонники из числа независимых либералов были против мобилизации в Ирландии. На этот раз они оказались прозорливее Ллойд Джорджа. Понимая, что затишье носит временный характер и предвидя новую рево-

люционную вспышку в Ирландии, Асквит угадывал в законе о мобилизации лишний повод к беспорядкам, которых нужно избежать. Однако этот буржуазный деятель не мог понять, что остановить развитие ирландской революции уже было невозможно.

Решение правительства оказалось очень сложно провести в жизнь. Многие английские консерваторы, а также ольстерские националисты выступили против гомруля, как меры, сопутствующей мобилизации. Лорд Лэнсдаун в палате лордов говорил: «Больше всего в этом билле (о мобилизации.— *Е. П.*) меня удручает его связь с гомрулем». Кроме того, он указывал, что всегда выступал против мобилизации в Ирландии. Причина тому — не симпатия к ирландцам, а неуверенность в том, что игра стоит свеч [42]. Многие, действительно, полагали, что введение воинской повинности в Ирландии потребует привлечения такого количества английских войск, которое будет значительно больше сил, полученных из Ирландии в результате успешной мобилизации. Однако судьба всего мероприятия решилась не в кабинетах на Даунинг-стрит и не в холлах Вестминстера. Ирландский народ взял дело в свои руки. В Ирландии поднялась мощная волна протеста. Выступления против обязательной воинской повинности достигли такой силы, что ее осуществление стало невозможным.

Окончание войны изменило общественно-политическую атмосферу Англии. Рост влияния лейбористской партии ускорял наметившийся ранее раскол среди либералов. Отсутствие у либеральной партии единой политической линии, уступки консерваторам по многим вопросам способствовали размежеванию в ее рядах.

В ходе первых послевоенных выборов в Вестминстер (декабрь 1918 г.) рухнули надежды независимых либералов на объединение с Ллойд Джорджем, который до последнего времени не раскрывал своих карт и не отказывался от предложенной Асквитом совместной избирательной кампании. Как пишет биограф Бонар Лоу, бумаги Бонар Лоу не показывают, когда он и Ллойд Джордж окончательно решили выступить коалицией. Ирландский вопрос не был решающим, когда представители английской правящей верхушки столкнулись с проблемой — быть или не быть коалиции. Однако разногласия по вопросу об Ирландии, в частности Ольстере, тормозили образование единого правительственного фронта.

Соглашение между консерваторами и либералами произошло, по всей вероятности, в начале ноября. 2 ноября в письме к Бонар Лоу Ллойд Джордж предложил свой, приемлемый для консерваторов, вариант ирландской политики. В ноябре стало ясно, что Ллойд Джордж объединяется не с Асквитом, а с Бонар Лоу.

В общем избирательном манифесте представителей коалиции по поводу Ирландии говорилось: «Пока ирландский вопрос остается нерешенным, не может быть мира ни в Соединенном Королевстве, ни в империи в целом. Мы рассматриваем в качестве первоочередных задач британского руководства необходимость использования всех практических путей для решения этого опасного и сложного вопроса на основе самоуправления. Но есть два пути, использование которых невозможно:

1. полная независимость Ирландии от Британской империи;

2. насильственное подчинение шести графств Ольстера действию закона о гомруле с созданием единого ирландского парламента» [43].

Демагогическими разговорами об ирландском самоуправлении английские политики отдавали дань времени. Однако их программа в целом развивала намеченные ранее Ллойд Джорджем пути решения ирландской проблемы и указывала на его дальнейшее сближение с консерваторами в этом вопросе.

Результаты выборов 1918 г. нанесли новый удар по либеральной партии. Независимые либералы потеряли много голосов, проведя в палату общин 26 человек. Среди потерпевших поражение оказался и бывший премьер Асквит. Либералы, поддерживавшие коалицию, получили 136 мест, но оказались в значительном меньшинстве по сравнению с консерваторами, которые стали обладателями более 300 депутатских мандатов. В результате всеобщих выборов 1918 г. в Англии к власти пришло коалиционное правительство во главе с Ллойд Джорджем. Хотя министерские посты между членами коалиции были распределены поровну, консерваторам принадлежало две трети голосов палаты общин. Такое соотношение сил, казалось, не предвещало каких-либо сдвигов в сторону вопроса об Ирландии. Однако к этому времени отношение консервативной партии в целом к ирландскому вопросу претерпело существенные изменения. Правда, оставалась часть «твердолобых» тори, которые не хотели менять сво-

их взглядов и продолжали выступать против любой формы ирландского самоуправления. Однако бо́льшая часть английских консерваторов во главе с О. Чемберленом уже к концу войны начала понимать, что старая юнионистская политика в отношении Ирландии вряд ли принесет успех. Наличие закона 1914 г. о гомруле, действие которого было лишь отложено до конца войны, заставляло консерваторов думать о выработке более подходящего для них решения. В этой связи весьма показательной явилась идея «федерализма», получившая распространение в высших сферах английской консервативной партии в 1917—1918 гг. Проект предполагал создание федерального правительства Соединенного Королевства: Ирландия, Шотландия, Англия и Уэльс получили бы национальные парламенты, ведающие весьма ограниченным кругом вопросов. В компетенцию же центрального парламента должны были входить проблемы, связанные с общеимперскими интересами.

Идеи «федерализма» были не новы. Особую популярность они приобрели в связи с ирландским вопросом в 1912—1914 гг. Тогда, как и в 1917—1918 гг., предложение о создании федерального британского правительства предлагалось использовать как противодействие идее гомруля. Идеи создания Британской федерации выдвигали и отстаивали многие видные консерваторы, в частности Чемберлен, Эмери. В одном из писем в начале 1918 г. О. Чемберлен писал: «Федерализм — единственная возможность сделать гомруль безопасным и единственная форма гомруля, которую может принять Ольстер» [44].

Решение ирландского вопроса на федеральной основе оказалось приемлемым и для Карсона, который представлял интересы не только ольстерских (хотя их, конечно, в первую очередь), но и всех ирландских юнионистов. Он не стремился к отделению Ольстера и использовал угрозу раздела как средство шантажа. Его действия были направлены на срыв самоуправления во всей Ирландии. В этом отношении обращение к федерализму представлялось ему удачным маневром. Перестройка всей системы управления Соединенным Королевством, чем, безусловно, явилось бы создание федерального правительства, было слишком серьезной проблемой. Обсуждение ее могло затянуться на долгие годы, что неизбежно означало бы срыв политики гомруля в Ирландии.

В консервативной партии усиливалось крыло тори-федералистов. В то же время и ряд либералов, сторонников Ллойд Джорджа, в частности У. Черчилль, поддерживали идею создания федерального правительства. Ллойд Джордж, делавший ставку на сближение с консерваторами, поспешил воспользоваться этим для усиления своих позиций. В апреле 1918 г. он предложил О. Чемберлену войти в правительство, что должно было означать признание последним правительственной политики. Впрочем, Ллойд Джорджу пришлось обещать, что схема будущего гомруля не будет расходиться с идеями федерализма. Происходило дальнейшее сближение взглядов либералов и консерваторов по ирландскому вопросу. Тенденция к объединению в английском правящем лагере развивалась за счет ущемления интересов ирландского народа. Британский империализм сплачивал ряды и готовил силы для последующей атаки на ирландскую революцию.

С окончанием первой мировой войны начался новый этап в ирландской политике английских правящих кругов. Возвращение к ирландскому вопросу диктовалось условиями послевоенного времени. Мысль о праве малых наций на самоопределение, реализованная в Советской России после Октябрьской революции, стала популярной во всем мире. Для Англии становилось все труднее сохранять прежние формы колониального угнетения Ирландии. В Америке, где проживало большое число ирландских эмигрантов, агитация за ирландскую независимость достигла таких размеров, что сенат потребовал представительства Ирландии на Парижской мирной конференции. Однако Ллойд Джордж и Вильсон выступили против включения ирландского вопроса в повестку дня. Но не только соображения международного престижа двигали Англией. Ухудшилось ее экономическое и внутриполитическое положение. Во время войны, усилившей неравномерность развития капитализма, произошли изменения в экономическом положении страны. Упал удельный вес Англии в мировой промышленности, торговле, мореплавании. Захват новых колониальных владений не привел к подъему хозяйства в метрополии, которое после недолгого оживления находилось в состоянии застоя. Это проявилось, в частности, в сокращении английского промышленного экспорта. На внешних рынках Англии пришлось потесниться: заявили о себе заокеанские конкуренты — США и Япония. В сложных послевоенных условиях Ир-

ландия, где на протяжении ряда лет борьба за независимость продолжала нарастать, требовала постоянного отвлечения сил и средств английского империализма.

Между тем в самой Ирландии положение изменилось самым существенным образом. Ирландские лидеры уже не довольствовались теми весьма скромными обещаниями, которыми отделывалась английская сторона. Раньше консерваторы и либералы спорили о том, предоставлять или не предоставлять самоуправление «Зеленому острову», проводить или не проводить политику гомруля.

Теперь ирландский вопрос для английских политиков означал борьбу с развивавшимся революционным движением на Юге страны, борьбу, опиравшуюся прежде всего на применение военной силы. Это, разумеется, не исключало использования политических маневров, главной целью которых было противопоставление ольстерских юнионистов католическому большинству ирландского населения.

Это обусловило в послевоенный период перегруппировку сил в правящих кругах Англии в отношении ирландского вопроса. Если в 1914 г. попытка либералов внести билль о гомруле вызвала в Англии конституционный кризис, то теперь, в послевоенных условиях, разногласия между либералами и консерваторами отступили на задний план. Мощное революционное движение в Ирландии диктовало необходимость выработки единой правительственной линии. Эта задача облегчалась, с одной стороны, эволюцией консерваторов в ирландском вопросе, с другой — расколом либеральной партии и сближением ее лидеров с консерваторами. Таким образом, в начале 1920 г. в английских правящих кругах наметилась новая расстановка сил по ирландскому вопросу. С этого времени единая правительственная линия заключалась главным образом в том, чтобы использовать военную силу для подавления ирландского народа, борющегося за свою независимость.

В апреле 1920 г. был назначен новый секретарь по делам Ирландии — Хамар Гринвуд, который вместе с начальником имперского генерального штаба генералом Генри Вильсоном, наиболее фанатичным из всех антиирландски настроенных ирландцев, и генералом Джоном Макреди, главнокомандующим английскими вооруженными силами в Ирландии, стал активно проводить в жизнь новую политику правительства. С конца апреля началась

усиленная концентрация английских войск в Ирландии. По неполным данным прессы, за два месяца там было сосредоточено до 10 кавалерийских полков, еще больше пехотных, десятки танков, самолетов, тысячи солдат морской пехоты, несколько военных кораблей, специальные отряды пулеметчиков, стрелковые батальоны и т. д.

Мужественная борьба ирландского народа вызывала ярость английских лидеров. Ллойд Джордж требовал все новые воинские контингенты: «Нам нужны рекруты, нам нужны офицеры, нам нужны мужчины. Мы нуждаемся в помощи. В Ирландии нам нужно больше мужества, чем на поле боя. Солдатам в Ирландии тяжелее, чем на фронте,— они должны быть постоянно начеку, с винтовками наизготове. Для подавления заговора в Ирландии нам нужны сотни и тысячи людей»[45]. Спикер палаты лордов Биркенхед заявил, что все английские ресурсы будут использованы для восстановления законности и порядка в Ирландии с тем, чтобы сделать невозможным отделение ее от Англии.

И в Ирландию хлынули наемные отряды «черно-пегих». «Подонки, уголовники, под ногами которых горела английская земля, составили последний резерв британского империализма в Ирландии. К осени их насчитывалось уже около 15 тыс. Прекрасно вооруженные, получающие от 10 шиллингов до 1 фунта в день, действующие практически автономно от военного командования, наемники в короткое время превратили Ирландию в царство насилия, беспримерного кровавого террора»[46]. Даже английские газеты отнюдь не прогрессивного направления осуждали зверства «черно-пегих» в Ирландии, называли их «нецивилизованными действиями».

Английское правительство лихорадочно обращалось к новым и новым средствам в целях восстановления колониального порядка. Еще в марте 1920 г. вся Ирландия была разделена на четыре полицейских округа, в восьми южных и западных графствах вводилось военное положение, постепенно распространенное на территорию всей страны. В августе 1920 г. стал законом билль о восстановлении порядка в Ирландии, значительно расширявший полномочия войск.

В борьбе с революционной Ирландией английские политики старались противопоставить Ольстер остальной стране. С этой целью в Ольстере был объявлен набор в английские оккупационные войска для службы в Ирлан-

дии. Рассчитывая, что служба в армии может явиться единственным выходом для многих ольстерских безработных, англичане хотели использовать их в качестве штрейкбрехеров ирландской революции. «Посильную помощь» оказывали ольстерские юнионисты, встречавшие, в свою очередь, максимум поддержки у английского правительства. Черчилль, например, заявлял в парламенте, что население Севера, борющееся против Шин-Фейна, не будет брошено Англией, ему будет оказана помощь деньгами, оружием, людьми.

Укрощение ирландской революции проводилось под видом борьбы с анархией в Ирландии. Представители английского кабинета оправдывали политику репрессий необходимостью восстановления «законности и порядка (колониального! — *Е. П.*) в мятежной стране». Хамар Гринвуд в порыве миротворчества не стеснялся даже говорить, что единственная преграда к миру — кампания насилия в Ирландии. Но штыки британских оккупантов не могли остановить развитие революции на «Зеленом острове». Перспективы английского колониального режима в Ирландии становились все более мрачными. Ирландская война стоила британскому казначейству 1,5 млн. ф. ст. в неделю. В ней участвовали десятки тысяч английских военнослужащих. Между тем Великобритания в этот период переживала тяжелый экономический и финансовый кризис, угрожающе росла безработица, все более мощными становились классовые выступления трудящихся, и английскому правительству приходилось отзывать некоторые воинские части из Ирландии. Неблагоприятно складывалась обстановка и в других колониях: в Египте, Индии происходили массовые выступления против английского колониального гнета. Английские политики с тревогой отмечали, что борьба ирландцев за национальную независимость является частью широкого революционного движения, направленного против Британской империи. В самой Англии поднималась волна протеста против политики репрессий в Ирландии, ширились выступления за мирное решение ирландского вопроса, в поддержку единой Ирландии. Английская пресса, представлявшая различные политические направления, выступала с критикой политики правительства. «Пришло время,— писала «Манчестер гардиан»,— когда необходимо пересмотреть нашу политику в Ирландии... Ирландия едина и должна такой остаться» [47]. В апреле 1920 г. в

газете «Нейшн» говорилось: «Мы поддерживаем наше правление (в Ирландии.— *Е. П.*) на таком моральном уровне, какой несовместим с общими принципами цивилизации». Даже консервативная «Таймс» призывала к миру: «Грехи правительства в Ирландии озлобляют умы рабочих... То, что могло бы ограничиться чисто экономическим содержанием (имелась в виду борьба горняков осенью 1920 г.— *Е. П.*), выльется в дюжину политических споров, в центре которых будет Ирландия» [48].

Появились книги, освещающие положение в Ирландии: брошюра корреспондента «Дейли ньюс» Хью Мартина «Ирландия в восстании», брошюра «Правление в Ирландии», изданная вначале анонимно, хотя автор ее, Стрит, был известен. Возмущенные происходящим в Ирландии, английские журналисты, очевидцы событий, подробно описывали невыносимую обстановку в Ирландии.

В парламенте с критикой правительства по ирландскому вопросу выступали не входящие в правительственный блок независимые либералы, возглавляемые Асквитом. Асквит и его последователи осуждали репрессивные меры, которыми английское правительство пыталось покончить с ирландским вопросом; в частности, они подвергли резкой критике пресловутый билль о восстановлении порядка в Ирландии. Указывая, что введение нового закона не улучшит положения в Ирландии, Асквит называл его наиболее крутой и противоречащей всем конституционным свободам мерой со времен унии. Независимые либералы указывали, что «попытка отвечать убийством на убийство, террором на террор есть не правительственная политика, а анархия» [49]. Осуждение зверств английских оккупантов в Ирландии Асквитом и многими его последователями носило двоякий характер. Оно, во-первых, объяснялось осуждением любого насилия, в чем сказалось отрицание буржуазными деятелями разницы между освободительной борьбой ирландского народа, с оружием в руках выступающего против колонизаторов, и убийствами английскими солдатами мирных жителей. Асквит, например, говорил: «Убийство — это преступление, независимо от того, является ли жертвой полицейский, солдат или женщина с ребенком». Во-вторых, сторонники Асквита считали, что политика репрессий в Ирландии терпит крах, и выступали за соглашение с ирландцами на основе предоставления им самоуправления. Еще в начале 1920 г. Асквит выдвигал проект предоставления Ирландии стату-

са доминиона. Однако, говоря о «полном самоуправлении» для Ирландии, Асквит ограничивал его лишь вопросами внутренней политики, указывая, что Великобритания и Ирландия связаны множеством общих интересов и отделение последней невозможно. Перспектива создания Ирландской республики не тревожила лидера независимых либералов, так как, по его мнению, была абсолютно нереальной. Но даже самые скромные идеи бывшего премьера Ллойд Джордж в ту пору называл «безумием».

В отношении Ольстера планы независимых либералов были весьма противоречивы. С одной стороны, они высказывались за единую Ирландию, с другой — отвергали использование силы против Ольстера, закрывающего дорогу к ирландскому единству. В целом выступления независимых либералов по ирландскому вопросу отличались непоследовательностью, особенно в их позитивной части. Как подметил Черчилль, расхождения Асквита с правительством являлись расхождениями в методе и подходе к решению вопроса, но не в принципах и убеждениях. Однако критика в парламенте независимыми либералами правительственной политики в Ирландии способствовала развитию английского общественного мнения.

Растущее недовольство репрессиями на «Зеленом острове» становилось фактором, влияющим на ирландскую политику правительства. Об этом недвусмысленно уже в июле 1920 г. заявил сам премьер, обращаясь к членам коалиции: «Необходимо учитывать общественное мнение, необходимо его умиротворить. Необходимо показать, что вы готовы сделать все то, что справедливо и совместимо со старым британским духом свободы. Более того, вы должны показать всем, что исчерпали все законные средства. Мы должны так организовать нашу ирландскую политику, чтобы, с одной стороны, любой ценой добиться восстановления закона и порядка, а с другой — применить к Ирландии меры, которые привлекут на нашу сторону большинство здравомыслящих людей в Великобритании. Необходимо учитывать мнение рабочего класса... обеспечить поддержку тред-юнионов. В противном случае вы ничего не сможете сделать» [50].

В конце 1920 г. даже в среде «твердолобых» тори уже не было полного единодушия относительно необходимости продолжения войны и дальнейших репрессий против ирландского народа. Наиболее реакционные консерваторы по-прежнему настаивали на расширении военных дейст-

вий, требовали отправки на остров новой армии и выступали в поддержку ольстерских юнионистов против каких-либо уступок Южной Ирландии. Вдохновителем крайних устремлений английского империализма в Ирландии являлся генералитет во главе с начальником штаба Г. Вильсоном. В одном из писем он отмечал: «Существует два курса в отношении Ирландии. Один из них — уйти из страны. Он губителен. Другой — править Ирландией. Средний путь, который избирают наши политики, пагубен как для процветания Ирландии, так и для безопасности империи» [51]. Этот фанатик, мечтавший окружить Ирландию колючей проволокой и построить там десятки военных крепостей, заслужил такую ненависть ирландского народа, что, будучи назначен военным советником в Ирландии, он летом 1922 г. был убит на пороге своего дома одним из ирландских патриотов. Представители английской военной клики в парламенте требовали больше ружей и штыков для усмирения мятежного ирландского духа. Среди членов правительства своими антиирландскими настроениями особенно выделялся Бонар Лоу, по-прежнему отвергавший любой компромисс с Ирландией под предлогом охраны имперских интересов, в частности безопасности Британских островов. Рассматривая любую форму гомруля как первую ступень к созданию независимой республики, Бонар Лоу активно выступал против предоставления Ирландии статуса доминиона.

В прессе одним из выразителей экстремистских тенденций британских консерваторов по ирландскому вопросу явился крайне правый журнал «Спектейтор», который на протяжении всего 1920 г. критиковал правительство за мягкотелость по отношению к «ирландским преступникам». На страницах журнала отстаивалось распространенное в консервативных кругах мнение, будто слабая администрация в Ирландии является основной причиной беспорядков в стране. Журнал советовал вводить коллективные штрафы в тех районах, где совершено убийство полицейских, создавать в стране концентрационные лагеря.

Однако на это британский империализм решиться уже не мог. К концу 1920 г. даже консерваторы в своем большинстве не поддерживали идею подчинения Ирландии силой. Представители тори критиковали правительство, которое, по их мнению, своей политикой отдавало Ирландию в руки восставших республиканцев. Консерваторы, которые еще не так давно срывали всяческие попытки до-

говориться с Ирландией, теперь выступали за мирное урегулирование ирландского вопроса. Причину этого явления наиболее четко сформулировал лорд Роберт Сесил. Он признал, что по отношению к Ирландии старая политика юнионизма потеряла свое значение. Идеи гомруля и события военного времени сделали невозможным сохранение унии в качестве гаранта решения ирландского вопроса. По его мнению, в Ирландии в ближайшее время необходимо восстановить порядок, наказать его нарушителей и заняться рассмотрением проектов ирландского самоуправления.

Отмечая ослабление позиций британского империализма, В. И. Ленин писал: «Теперешние „победители" в первой империалистической бойне не в силах победить даже маленькой, ничтожно маленькой Ирландии» [52].

Позиция английских лейбористов в ирландском вопросе в этот период не претерпела существенных изменений. Официальные лидеры английского рабочего движения продолжали выступать за единство империи и недооценивали значения национального вопроса для Ирландии. В то же время, отдавая дань эпохе, в условиях послевоенного подъема национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах представители английского лейборизма на ежегодных конференциях, в выступлениях в парламенте по ирландскому вопросу использовали лозунг самоопределения. Однако смысл, вкладываемый лейбористами в это понятие, был далек от истинного признания прав угнетенного ирландского народа. Единственно правильное понимание понятия «самоопределение» дал В. И. Ленин, писавший: «Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от национальных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [53].

Немногие английские лейбористы таким образом понимали принцип самоопределения. Как правило, выступая с лозунгом самоопределения для Ирландии, они имели в виду более или менее ограниченную форму самоуправления в рамках империи. В 1918 г. конференция лейбористской партии приняла резолюцию о праве Ирландии на самоуправление во внутриирландских делах, что фактически означало требование введения гомруля. В том же году в своем предвыборном манифесте лейбористы провозгласили для всех зависимых народов (включая Ирландию) право на самоопределение в рамках

Британского Содружества наций. В январе 1920 г. посетила Ирландию лейбористская комиссия. В отчете, составленном комиссией, осуждались методы британского правления в Ирландии. Формально признавая право ирландского народа на самоопределение, члены комиссии тем не менее рекомендовали Ирландии остаться в Британском Содружестве на правах доминиона. Представители английского лейборизма подменяли требование самоопределения для ирландского народа призывами к образованию доминиона внутри империи и считали, что «полная свобода для Ирландии не должна означать изоляции ее от Англии». Фактически они выдвигали старое, уже не отвечавшее требованиям времени предложение об ограниченной ирландской автономии, с которым выступали английские и ирландские буржуазные политики.

Террор английских властей в Ирландии вызвал растущее возмущение британского рабочего класса, которое достигло апогея в 1920 г. На митингах, проводимых под лозунгами: «Мир с Ирландией! Руки прочь от Ирландии!», рабочие требовали вывода из Ирландии британских оккупационных войск и амнистии арестованным участникам освободительной борьбы. В апреле 1920 г. в поддержку всеобщей политической стачки в Ирландии забастовали 20 тыс. портовиков Ливерпуля. Летом того же года шотландские горняки начали кампанию за отмену военного положения в Ирландии. В июле к этому требованию присоединился специальный конгресс тред-юнионов, представлявший 5,3 млн. рабочих.

Выступления английского рабочего класса в поддержку борьбы ирландского народа повлияли на решение ежегодной лейбористской партийной конференции 1920 г. На ней развернулась острая политическая борьба по вопросу о резолюции, предложенной Исполкомом партии, в которой выдвигались требования самоопределения Ирландии, ее права на политическую независимость, выборов на основании системы пропорционального представительства конституционной ассамблеи, вывода оккупационной британской армии. Нечеткость формулировок обусловила противоречивое толкование резолюции. Так, выдвигавший резолюцию С. Вебб, трактовал принцип самоопределения как предоставление Ирландии статуса доминиона. Другие делегаты (А. Гендерсон, Б. Тиллет, Э. Шинуэлл) выступили за предоставление ирландскому народу полной свободы и признания за ним права самому выби-

рать форму правления вплоть до образования независимой республики.

Конференция отклонила поправку к резолюции, предлагающую ограничить ирландское самоуправление лишь внутренними вопросами, и большинством голосов приняла резолюцию. Итоги обсуждения ирландского вопроса на лейбористской конференции 1920 г. знаменательны тем, что, как пишет советский исследователь А. Г. Судейкин, «впервые на высшем партийном форуме было признано право угнетенного народа на самоопределение вплоть до выхода из империи» [54].

Аналогичные решения содержались и в резолюциях по ирландскому вопросу, принятых на конференциях Независимой рабочей партии в 1920 и 1921 гг. В них говорилось о предоставлении Ирландии самоопределения, вплоть до образования независимой Ирландской республики. Но эти решения о признании права ирландского народа на политическую независимость были единичны.

Недовольство английских рабочих политикой правительства в Ирландии заставило активизироваться руководство лейбористской партии. Лидеры лейбористов Гендерсон, Адамсон выступили в парламенте с критикой правительственной политики. Протест против военного террора в Ирландии содержался и в специально изданном обращении Исполкома партии и лейбористской парламентской фракции, в котором признавалось право Ирландии на самоопределение. «События последних двух лет,— говорилось в обращении,— продемонстрировали безрезультатность попыток ограничить ирландцев в вопросе о конституции» [55]. Наряду с подобными громкими фразами, лейбористы признавали свою беспомощность перед лицом парламентского большинства и снимали с себя ответственность за действия британской администрации.

Будучи безусловными противниками революционных преобразований в Ирландии, но опасаясь выступлений английских рабочих в поддержку борьбы ирландского народа, лейбористские лидеры проявляли определенную политическую гибкость. Решив выступить в качестве посредника между британским правительством и Ирландией, лейбористское руководство в декабре 1920 г. послало туда вторую комиссию, которую возглавил Гендерсон В нее вошли известные лейбористские деятели Адамсон, Камерон, Джоуэтт, Ланн и др. Пробыв в Ирландии две недели, члены комиссии составили пространный отчет,

в котором констатировали, что в Ирландии идет настоящая война между английскими вооруженными силами и ИРА, поддерживаемой большинством населения. В отчете осуждались преступления, совершаемые английскими войсками. В своих выводах члены комиссии отмечали стремление ирландского народа к миру, но предупреждали, что лидеры Шин-Фейна пойдут на мирные переговоры только на равноправных условиях. Комиссия предлагала многоступенчатую систему урегулирования от прекращения военных действий до политического решения.

В целом как рядовые представители английского рабочего движения, так и его лейбористские лидеры ограничивались общими декларациями о необходимости вывода английских войск и прекращении террора в Ирландии. Шовинизм угнетающей нации продолжал и в этот период довлеть в английском рабочем движении, и раздуваемый империалистами в течение десятилетий острый антагонизм между английскими и ирландскими рабочими не был преодолен. До образования Коммунистической партии Великобритании ни одна рабочая организация не выступила с действительной поддержкой требований ирландского народа о полной политической независимости. КПВ с момента своего образования горячо поддерживала освободительную борьбу ирландского народа против империализма. В заявлении Исполкома Коммунистической партии Великобритании, опубликованном вскоре после ее образования, английские коммунисты отмечали связь между национальной и классовой борьбой пролетариата. На примере Ирландии они пришли к верному выводу о том, что у порабощенного народа борьба за национальное освобождение есть необходимый этап к освобождению социальному.

Призывая к созданию независимой Ирландской республики, английские коммунисты провозгласили активную помощь ирландскому национально-освободительному движению одной из главных обязанностей английского пролетариата. Они обратились с призывом к немедленным действиям в защиту Ирландии.

К концу 1920 г. стал очевиден провал политики неограниченных репрессий в Ирландии. По свидетельству У. Черчилля, Ллойд Джордж учитывал это обстоятельство. Параллельно с продолжающимися военными действиями велись поиски мирного урегулирования ирландского вопроса. Обсуждая проблему предоставления Ирландии

гомруля, английское руководство во главе с Ллойд Джорджем заранее оговаривало предел ирландского самоуправления, ограничивая его вопросами внутренней политики. Коварные планы английского империализма особенно подчеркивала позиция правительства в отношении Ольстера. Старая идея о невозможности подчинения Ольстера силой ирландскому парламенту стала приобретать реальные очертания. Английские политики готовили раздел страны.

Раздел Ирландии

В 1914 г. стал законом третий билль о гомруле. Его вступление в силу было отложено до окончания первой мировой войны. После войны английское правительство столкнулось с альтернативой: либо примириться с гомрулем 1914 г., либо найти новое решение вопроса.

Поняв, что остановить развитие ирландской революции на Юге невозможно, английские политические деятели сделали ставку на раздел страны. Без Ольстера, который было решено сохранить в качестве английского плацдарма, Ирландия вряд ли смогла бы достичь полной экономической самостоятельности. Кроме того, от эксплуатации Ольстера английская правящая верхушка извлекала слишком много выгод.

Говоря о разделе Ирландии, было бы несправедливым умолчать о той роли, которую сыграл Ллойд Джордж, реализуя планы английского империализма. В течение ряда лет — с 1914 г.— он вынашивал идею раскола. Став премьером, Ллойд Джордж с неослабеваемым рвением продолжал поиски нужного решения. В конце 1919 г. он предложил очередной вариант гомруля, названный им «билль об улучшении правления в Ирландии». Ирландцы дали ему более короткое название — «билль о разделе». Он стал законом в декабре 1920 г. Так появился Акт об управлении Ирландией, оказавший наряду с англо-ирландским договором 1921 г. решающее влияние на судьбу страны.

В течение 1920 г. проект закона проходил различные стадии парламентского обсуждения, в ходе которых с достаточной очевидностью обнаружилось стремление английских руководителей избавиться от закона 1914 г. о гомруле. В период второго чтения билля Бонар Лоу открыто заявил: «Я хочу, чтобы все поняли, что не сво-

бодный выбор заставляет правительство вводить билль в данный момент, но наличие двух обстоятельств: акта о гомруле 1914 г. и фактора времени. Скоро будет ратифицирован последний из мирных договоров, и тогда закон о гомруле автоматически войдет в силу. Вместо этого необходимо найти другое решение» [56].

Что же двигало английскими политиками в их желании поскорее отделаться от закона 1914 г., и какую альтернативу они решили противопоставить и без того урезанному гомрулю?

Представляя свое новое детище парламенту, Ллойд Джордж указывал, что в его основе лежит идея единства Британской империи: ни вся Ирландия, ни какая-либо ее часть не могут быть отделены от империи, ибо это противоречит как безопасности Великобритании, так и интересам самой Ирландии, в частности ее торговле. В качестве другого исходного мотива нового билля Ллойд Джордж выставлял категорический отказ насильственно подчинить Ольстер власти дублинского парламента. Поддерживая ольстерских юнионистов, Ллойд Джордж опирался на империалистическую теорию двух наций, якобы населяющих Ирландию *. «Национальность определяется желанием человека,— заявлял Ллойд Джордж.— Ольстерские юнионисты никогда не выказывали любви к Ирландии. Согласно географическим понятиям, они — ирландцы, но они не являются таковыми в национальном смысле. Они любят холмы Антрима, но центром их патриотического энтузиазма является Лондон... Поставить их под контроль остальной Ирландии было бы нарушением принципа самоопределения» [57]. Так говорил глава английского правительства, пытаясь демократической фразеологией прикрыть вероломный замысел английских правящих кругов — не допустить создания единого ирландского государства.

Новый билль предусматривал создание в Ирландии двух парламентов — в Дублине (для Юга) и в Белфасте (для Севера), обладающих весьма ограниченными законодательными полномочиями. Эти полномочия, «значительные» с точки зрения Ллойд Джорджа, охватывали узкий круг вопросов местного самоуправления, таких, как

* Ее авторы утверждали, что в Ирландии в начале XX в. существовали две различные нации — в Ольстере и в Ирландии. Эта теория служила и служит в наши дни для оправдания раскола страны.

контроль над образованием, социальным страхованием, местным управлением, земельной политикой, жилищным строительством, транспортом. Все вопросы, касающиеся внешней политики (объявление войны и мира, заключение договоров), внешней торговли и навигации (включая торговое пароходство), обороны страны и строительства армии и флота, оставались в ведении британского парламента. Главой исполнительной власти продолжал оставаться английский король, назначавший лорда-лейтенанта, т. е. генерал-губернатора Ирландии.

Под влиянием общественного мнения в Европе и Америке и борьбы ирландских патриотов английские правящие круги вынуждены были пойти на уступки, создать видимость тенденции к объединению. Кроме двух парламентов, предусматривалось создание общеирландского совета из 40 представителей (по 20 от Севера и Юга), который, по уверениям английских государственных деятелей, мог стать основой единого ирландского парламента. Однако идея создания общеирландского совета, реально не наделенного ни законодательной, ни исполнительной властью, должна была служить лишь прикрытием подлинных намерений правительства Ллойд Джорджа, стремящегося новым биллем положить начало законодательному отделению Ольстера от остальной Ирландии. В «билле об улучшении правления в Ирландии» Ллойд Джордж предложил несколько вариантов границ территории, которая должна была контролироваться белфастским парламентом. Согласно одному из них, все девять ольстерских графств должны были составить новое объединение. Однако против этого имелись возражения в среде самих английских политических деятелей. Ллойд Джордж, например, пытался представить себя защитником интересов значительного католического населения, проживающего на территории Ольстера и тяготевшего к Югу. Бонар Лоу считал, что включение в новое объединение всей территории Ольстера даст повод говорить о насильственном подчинении трех ольстерских католических графств. Таковы были официальные возражения против этого варианта. Но суть заключалась в другом. В Ольстере, в состав которого входило бы девять графств, повышался удельный вес католического населения, что представлялось опасным для английского замысла. В рассматриваемый период в районе шести графств проживало 820 (из 890) тыс. протестантов Ольстера, тогда как зна-

чительная часть католиков (260 тыс.) населяла три остальных ольстерских графства. При обсуждении билля Крейг и Карсон прямо указывали, что включение в состав нового североирландского государства трех ольстерских графств с населением в 260 тыс. католиков и 70 тыс. протестантов неизбежно повлекло бы перераспределение сил не в пользу ольстерских юнионистов.

Согласно другому плану, каждое ольстерское графство могло получить право путем голосования присоединиться к любому ирландскому парламенту. Но возможность такого решения также не устраивала Ллойд Джорджа и его коллег, так как, помимо трех, по преимуществу католических графств, в графствах Тайрон и Фермана католики также составляли большинство населения. Поэтому результаты голосования в пяти ольстерских графствах были бы в пользу дублинского парламента. Официально же Ллойд Джордж «заботился» об ольстерских протестантах, которые против своей воли могли оказаться под властью Дублина.

Оставался еще один вариант, а именно: выделить однородное (т. е. протестантское) население Северо-Востока и создать специальный район, за основу взяв шесть ольстерских графств. Однако, следуя этой логике и учитывая состав населения Тайрона и Фермана, выделять надо было бы четыре графства, а не шесть. Но эти четыре ольстерских графства вряд ли могли бы существовать как экономическое и политическое целое.

Было решено остановиться на последнем варианте, который устраивал не только английских лидеров, но и ольстерских юнионистов. Предложения правительства, в частности вопрос о территории, были одобрены на заседании Ольстерского юнионистского совета 10 марта 1920 г. Однако отнюдь не забота о католическом населении двигала ольстерскими и английскими политиками. Их истинные цели скрыть было невозможно. По этому поводу «Манчестер гардиан» писала: «Данный билль охватывает район шести графств. Присоединение Тайрона и Фермана объясняется стремлением карсонитов усилить свои позиции. С другой стороны, белфастский протестантизм не хочет включения в состав Ольстера пяти католических графств, так как в результате этого в Ольстере католики составили бы 43% жителей. Возможный антиюнионистский союз католиков-националистов и лейбористов может привести к тому, что протестанты-консерва-

торы окажутся в меньшинстве. Отсюда — решение выделить из Ольстера Каван, Донегол, Монахан, где католики в среднем составляют 78% населения, и включить Тайрон и Фермана, где их в среднем 56%» [58]. Далеко не случайно три графства были как раз те, в которых во время выборов 1918 г. не было избрано ни одного юнионистского кандидата.

Отношение юнионистов к новому биллю было сложным. Согласие ольстерской юнионистской верхушки на эту меру было вынужденным. Она до самого последнего момента яростно сопротивлялась изменению старого колониального положения Ирландии, усматривая в этом удар по «имперской прерогативе» и по своим собственным позициям. До 1920 г. политика юнионистов была направлена на сохранение унии. Все остальное являлось для них второстепенным. В 1912 г. Карсон говорил: «Ольстер хочет остаться членом имперского парламента...» [59]. Через шесть лет, в 1918 г., в письме к президенту США В. Вильсону юнионисты указывали, что опыт векового социального и экономического прогресса, связанного с унией, убедил ольстерцев, что никакое иное, кроме английского, правительство не сможет лучше обеспечить полную свободу ирландского народа. Поэтому предложение о создании в Ирландии двух парламентов, явившись, с одной стороны, определенным успехом ольстерских юнионистов (ибо освобождало их от нежеланного гомруля), в то же время означало и поражение ольстерской реакции.

Юнионистам приходилось идти на уступки, учитывая успехи национально-освободительной революции на Юге страны и новое соотношение сил в лагере английских консерваторов. Ольстерские юнионисты во главе с Карсоном и Крейгом поняли, что остановить ирландский народ в его стремлении к самоопределению уже невозможно. Выступая на заседании Ольстерского юнионистского совета в начале марта 1920 г., Карсон, характеризуя позицию ольстерских юнионистов, сказал: «Они с глубоким сожалением признают, что времена изменились... понимая, что невозможно наложить вето на требование самоопределения для Ирландии, они требуют права самоопределения для Ольстера» [60].

В письме английскому лорд-канцлеру Карсон указывал: «Верно, что мы (ольстерские юнионисты.— *Е. П.*) являемся сторонниками унии. Но мы понимаем, что при

данных обстоятельствах, особенно учитывая наличие в своде законов акта о гомруле 1914 г., невозможно сохранить прежнее положение... Поэтому в интересах Ирландии, Великобритании и всей империи мы приветствуем данный билль как единственное решение вопроса и приложим все усилия для проведения его в жизнь» [61].

Следует сказать, что в рядах юнионистов наметилась довольно значительная оппозиция новому биллю. Несмотря на попытки ее скрыть, в прессу просочились отдельные факты, свидетельствующие о недовольстве в юнионистских кругах некоторыми положениями нового билля. Английские газеты писали о расколе в юнионистской партии. Корреспондент «Манчестер гардиан» даже сделал вывод о непоправимости конфликта между сторонниками и противниками Карсона, что, конечно, было далеко от истины. Основной спор происходил по вопросу о территории будущей провинции. Многие члены Ольстерского юнионистского совета выступили против выделения трех графств, считая это нарушением «священного ковенанта 1912 г.», подписанного всеми юнионистами Ольстера. Более 100 членов совета (из 540) составили письмо с требованием созыва специального заседания для пересмотра решения 10 марта, одобрившего новый правительственный билль. Многие угрожали отставкой. Среди недовольных политикой юнионистского руководства были представители не только трех выделяемых, но и других ольстерских графств; в частности, под письмом по 20 подписей поставили делегаты от Антрима и Дауна. Конфликт вышел за пределы Ольстерского юнионистского совета. Примечательно, что бóльшая часть оппозиционеров состояла членами оранжистского ордена, который всегда являлся опорой Карсона.

Официальные лидеры ольстерского юнионизма резко выступили против критики проводимого ими курса. Карсон, в частности, заявил: «Вряд ли я должен говорить, что решение Ольстерского юнионистского совета от 10 марта (одобрявшее билль.— *Е. П.*) не является нарушением ковенанта. Ковенант был подписан, чтобы защитить нас от гомруля, который стал законом в 1914 г. Данный билль освобождает от него 830 тыс. протестантов. В случае отказа признать это Ольстер попадает под власть дублинского парламента». Однако тот же Карсон неудовлетворенно отметил: «Неужели вы думаете, что мы не сожалеем, оставляя наших земляков-протестантов на

Юге и Западе? Это является наиболее трагичным эпизодом во всей политике гомруля» [62].

Специальное заседание, посвященное вопросу о территории будущей автономной провинции, состоялось в конце мая. Оно признало мартовское решение, в общем одобряющее билль, и высказалось в пользу выделения шести ольстерских графств.

В целом следует отметить, что отношение юнионистов Ольстера к новому законодательству было сложным и принятие Закона об управлении Ирландией в декабре 1920 г. не может считаться их безоговорочной победой. Дж. Крейг, преемник Карсона на посту лидера ольстерской юнионистской партии, в письме к Ллойд Джорджу так оценил Закон об управлении Ирландией: «Чтобы вы могли верно понять наше отношение... необходимо помнить о жертвах, которые мы принесли, согласившись на самоуправление и установление парламента в Северной Ирландии. Против нашего желания, но в интересах мира мы приняли это в качестве окончательного решения тех длительных трудностей, с которыми столкнулась Великобритания» [63].

Закон об управлении Ирландией не имел успеха в стране. Ирландские депутаты не голосовали за него в парламенте. Относясь ко всему «зеленому острову», он на территории 26 графств вообще не был претворен в жизнь. В Южной и Западной Ирландии новый закон встретил самое неблагоприятное отношение. Националистическая пресса называла его «схемой по разделу и грабежу Ирландии», «предательством всех принципов, которые провозглашались автором (Ллойд Джорджем.— *Е. П.*) в отношении демократии и национального устройства» [64]. Новый закон поставил в тяжелое положение южных юнионистов, оказавшихся религиозным и политическим меньшинством на территории 26 графств.

6 марта 1920 г. на заседании Объединенного исполкома Ирландской лейбористской партии и конгресса тред-юнионов единогласно была принята следующая резолюция: «Выражая наше мнение по поводу билля о гомруле, представленном британскому парламенту, мы заявляем, что необходимо одно дополнение, чтобы сделать билль удовлетворительным, а именно, что этот билль никогда не будет применен к Ирландии» [65].

Враждебность ирландского народа к новому закону была столь очевидна, что английское правительство ока-

залось вынужденным прибегнуть к угрозам. 15 января 1921 г. увидел свет текст Закона об управлении Ирландией, выпущенный вместе с инструкциями и комментариями. В его заключительной части, озаглавленной «Отказ подчиняться закону», указывалось, что в случае неповиновения ирландцы лишаются «демократического» правления и их страна будет управляться как колония.

Вместе с тем представители английского кабинета на все лады расхваливали новый закон. Чемберлен, например, утверждал, что впервые после Акта об унии у ирландцев появилась перспектива объединения, обрушивался на тех, кто называл разделом эту «единственную возможность к объединению», и лицемерно обвинял во всем «нетерпимых ирландцев». «Это не мы,— говорил он,— делим ирландцев по религиозному признаку. Это не мы завязываем в единый узел религиозную и партийную борьбу... Это зависит только от самих ирландцев» [66]. А небезызвестный Х. Гринвуд одно из главных достоинств билля видел в том, что он покончил с проблемой Ольстера: «Ольстерский вопрос больше не существует. Теперь единство внутри Ирландии — дело самих ирландцев. Новый закон является проявлением английской доброжелательности к ирландцам. Как бы ни развивались события в дальнейшем, я полагаю, что историк отметит значение этого закона, положившего начало решению ирландского вопроса. В любом случае он предоставляет ирландцам управление их страной» [67]. Приблизительно такую же позицию занимал и Черчилль.

Однако, несмотря на все старания английской стороны представить закон 1920 г. как средство к объединению Ирландии, это звучало неубедительно даже в самой Англии.

Резкой критике подвергли билль независимые либералы, усмотревшие в нем средство раскола Ирландии. Асквит назвал подобную попытку решить ирландский вопрос фантастичной и нереальной, представляющей величайшую насмешку над принципом самоопределения.

Многие политические деятели прямо расценивали новый закон как раздел Ирландии. Показательно в этом отношении письмо редактора «Манчестер гардиан» Скотта лидеру ирландских националистов Дж. Диллону, где указывалось: «Настоящий билль не разрешает сложной ситуации. Его реальная цель — избавиться от гомруля и использовать шесть ольстерских графств в борьбе с на-

ционалистической Ирландией. Он еще больше усложняет положение, так как создает новое мощное препятствие (к решению ирландского вопроса.— *Е. П.*)» [68].

Закон об управлении Ирландией 1920 г. положил начало законодательному расчленению страны. Район северных графств, где создавался самостоятельный парламент, составлял одну пятую ирландской территории, где проживала треть населения страны. Выбор границ новой провинции не совпадал с религиозным составом жителей. Он объяснялся стремлением создать юнионистско-протестантское преобладание в районе, где на два юнионистских голоса приходился один антиюнионистский.

Вместо предполагаемого плебисцита в мае 1921 г. на основании нового закона британское правительство объявило о всеобщих выборах в оба ирландских парламента. Выборы проводились в различные дни. Закон об управлении Ирландией определил конституционные основы будущего североирландского государства. Североирландский парламент должен был состоять из двух палат. В сенате могло заседать 26 сенаторов со сроком полномочий восемь лет. Из них 24 избирались в сенат членами нижней палаты, а два — лорд-мэры Белфаста и Лондондерри — занимали эти места по должности. В палату представителей, согласно системе пропорционального представительства, установленной тем же законом, избиралось 52 члена. Северная Ирландия оставалась составной частью Соединенного Королевства, хотя и получила определенную автономию. Поэтому она сохраняла представительство в имперском парламенте в количестве 12 человек. В дальнейшем они не составляли особой ирландской фракции в парламенте (как это было в конце XIX в.), но, будучи в массе юнионистами, входили организационно в консервативную партию.

В Северной Ирландии, помимо юнионистов, в выборах принимали участие националисты, шинфейнеры и лейбористы. Оппозиция могла на этих выборах стать значительной силой. Газеты предсказывали, что объединение демократических сил в Ольстере может принести им немалый успех. У юнионистов были основания для опасений. Однако сильная оппозиция не сложилась. Лейбористская партия отказалась выставлять своих кандидатов как в ольстерский, так и в южноирландский парламенты, чтобы не дать британским властям расколоть демократические силы. Исполком партии в опубликованной резолю-

ции призвал всех рабочих Севера и Юга продемонстрировать преданность Ирландии и свободе, проголосовав только за тех кандидатов, которые стоят за власть ирландского народа в ирландском государстве. Однако в последний момент в Белфасте было выдвинуто пять независимых лейбористов, действовавших без поддержки партии и обладавших поэтому весьма слабыми позициями.

На 52 места баллотировалось 76 кандидатов: 40 выдвигали юнионисты, 19 — шинфейнеры, 12 — националисты, 5 — лейбористы. Лидеры юнионистской партии приложили все усилия, чтобы обеспечить значительное большинство. Они пресекли попытки некоторых членов партии, выступивших против официальной линии, выдвинуть свои кандидатуры независимо. Все же угроза раскола в рядах юнионистов ослабила их позиции. Несмотря на отделение Кавана, Монахана и Донегола, в составе автономной провинции оставались католические Тайрон и Фермана, да и в основных четырех графствах юнионисты чувствовали себя не слишком уверенно. Это нашло выражение в предвыборном манифесте юнионистов, в котором делалась попытка определить платформу партии. Манифест не содержал никакой позитивной программы, помимо деклараций о необходимости развивать ресурсы страны и ее торговлю и стабилизировать сельское хозяйство. При этом умалчивалось главное — вопрос о методах развития экономики. Четко в манифесте прозвучали лишь выражения преданности британской короне, пожелания сохранить тесный союз с Великобританией, а также призывы к созданию крепкого большинства, без которого невозможно избежать подчинения дублинскому парламенту.

Отношение ольстерских националистов к разделу страны выявилось на специально созванной конференции националистической партии, состоявшейся под председательством Дж. Девлина, в которой приняли участие националисты из шести графств. Конференция приняла резолюцию, осуждающую создание североирландского парламента, и призвала к созыву общеирландской конституционной Ассамблеи. «Полагая, что так называемый североирландский парламент,— говорилось в резолюции,— является угрозой нашим свободам и преградой к окончательному решению ирландской проблемы, мы отказываемся его признавать и поддерживать и призываем всех противников раздела оказать поддержку в предстоящих

выборах тому кандидату, который не признает парламент и не будет в нем сотрудничать» [69].

Однако в своей предвыборной резолюции националисты не смогли противопоставить туманной юнионистской платформе четкую программу. Резолюция националистов также содержала лишь общие фразы, осуждающие раздел Ирландии и указывающие на его пагубные последствия для торговых интересов Ольстера, а также призывы покончить с кровопролитием и начать новую мирную эру.

Юнионисты проводили предвыборную кампанию и выборы в Ольстере под лозунгом «Нет Шин-Фейну!». Их действия сопровождались разгулом насилия и террора против политических противников. Одним из излюбленных методов юнионистских политиков стала перекройка избирательных округов (этот метод они успешно использовали в последующие 60 лет существования автономной провинции). В чем его существо и цели? Об этом подробно рассказал исследователь проблемы раздела Ирландии Ф. Гэллахер: «Одна из крупнейших несправедливостей, присущих демократическому государству,— лишение национального или религиозного меньшинства населения политических прав, особенно прав избирательных... В районе шести графств такая несправедливость происходит постоянно. Достигается она путем изменения границ избирательных округов. При помощи подобного несложного изобретения один голос представителя большинства населения становится равным двум и даже трем голосам представителей меньшинства. Все формальные атрибуты демократии остаются, однако демократия исчезает. Причем подобное происходит не только там, где националисты в меньшинстве, но в особенности в тех районах, где они составляют большинство населения» [70]. Гэллахер показал, как в результате перераспределения границ создаются такие избирательные районы, где большинство населения получает минимальное количество мест. В Ирландии это сделать тем легче, что там существует известное традиционное деление — католик-националист и протестант-юнионист, и таким образом, политические взгляды населения заранее известны. К примеру, католики составляют большинство населения в определенном районе. Их основную массу «загоняют» в один избирательный округ, а незначительное число оставшихся распределяют по нескольким оранжистским округам, где их голоса пропадают. Таким образом, в графстве, где юнио-

нисты составляют меньшинство населения, они получают большинство мандатов.

Изменение избирательных округов было узаконено в октябре 1922 г. Белфастский парламент издал закон о местном самоуправлении, по которому министр внутренних дел получил полную власть изменять границы избирательных делений, а также их количество в любом городском и окружном избирательном районе. Но уже на выборах 1921 г. в североирландский парламент юнионисты производили различные манипуляции с избирательными округами. В частности, чтобы достичь преобладания, они изменяли количество представителей от округов. Так происходило и на парламентских выборах 1921 г. К этому следует добавить несправедливые нормы представительства от разных избирательных округов, которые юнионисты использовали в своих интересах.

Однако даже предвыборные махинации, направленные на лишение избирательного права политических противников юнионизма, показались недостаточными ольстерским реакционерам. Для достижения намеченных целей они широко использовали и насилие. Юнионисты не останавливались ни перед чем, чтобы деморализовать своих противников, запугать католическое население и заставить колеблющиеся массы ради собственной безопасности отдать голоса за юнионистов. В Ольстере началась предвыборная лихорадка. Юнионисты стремились превратить день выборов в свой праздник. Оранжистские кварталы были украшены английскими флагами и эмблемами с изображением Вильгельма Оранского. Мостовые и стены «извергали» проклятия по адресу папы римского и его последователей. Множество католиков числилось в избирательных списках тех районов, откуда они были изгнаны во время прошлогодних погромов. Теперь им было практически невозможно вернуться для голосования в эти избирательные участки. Так, в белфастском районе Баллимакарет насчитывалось 4 тыс. избирателей-католиков, которые могли вернуться на свои старые пепелища только с риском для жизни.

Наиболее опасными для юнионистов являлись графства Тайрон и Фермана, в которых кандидаты — представители антиюнионистского лагеря — выступали общим списком. Согласно прогнозам, соотношение сил там складывалось таким образом, что места могли распределиться поровну: четыре — юнионистам и четыре — шинфейне-

рам и националистам. Более того, не исключалось, что представители антиюнионистского лагеря смогут выиграть одно место. Юнионистский террор на территории этих графств начался задолго до выборов и привел к тому, что многие противники юнионистов поддавались угрозам и покидали города, уходя в горы. Гонениям со стороны юнионистов подвергались не только избиратели, но и сами кандидаты-оппозиционеры. Юнионистская пресса не печатала их предвыборные обращения, им запрещалось использовать авто- и мотосредства передвижения. В некоторых районах невозможно было устраивать антиюнионистские митинги, так как все участвующие брались полицией на заметку. Объявленный в Белфасте тремя лейбористскими кандидатами митинг был сорван оранжистами. 10-тысячная толпа окружила здание, ворвалась внутрь и устроила юнионистский митинг в поддержку своего кандидата. В телеграмме Карсону участники говорили об освобождении здания от... большевиков. Эти действия получили одобрение Крейга, заявившего: «Хорошо сработано, ребята!» [71].

Подобным образом были сорваны многие митинги лейбористских кандидатов. В результате политических преследований из 19 шинфейнеровских кандидатов восемь были арестованы, а семи пришлось скрыться.

В своей оголтелой предвыборной кампании юнионисты опирались на Ольстерскую специальную полицию при полном попустительстве английских властей. «Манчестер гардиан» писала о карательных экспедициях вооруженных протестантов, расправляющихся с католическим меньшинством «в духе закона Линча». Ольстерские юнионисты штыком расчищали путь к власти.

В день выборов — 24 мая — в местах голосования были сосредоточены полиция и войска. Везде царило сильное возбуждение. Юнионисты толпами собирались у избирательных участков, блокируя их. Не все решались преодолеть юнионистский кордон. Если избиратели уходили, их голоса засчитывались в пользу юнионистов. Ольстерские экстремисты не брезговали никакими средствами. Они использовали и подставных лиц, и «мертвых душ». Один юнионист утверждал, что сумел использовать 32 голоса умерших и отсутствующих избирателей. Усилия юнионистов не пропали даром. Они получили 40 из 52 мест в североирландском парламенте. 12 мест коалиции распределились поровну: шесть получили шинфейнеры и

шесть — националисты. Независимые лейбористы набрали слишком мало голосов и не провели ни одного кандидата. Результаты выборов превзошли самые смелые ожидания юнионистских лидеров, которые рассчитывали, что получат 32 места, а их соперники — 20.

Юнионисты и их сторонники расценивали выборы в североирландский парламент как свою решительную победу, умалчивая, разумеется, о том, в какой степени результаты выборов отражали реальную расстановку политических сил в шести ольстерских графствах. При более детальном рассмотрении результаты выборов свидетельствовали о дискриминации католического меньшинства, лишенного вследствие юнионистских ухищрений возможности выразить свои истинные политические настроения. Об этом особенно ярко свидетельствуют результаты голосования в Белфасте. Значительная часть населения — 21,6% всех голосующих,— несмотря на все препоны, поддержала противников юнионизма, но смогла избрать в парламент лишь одного представителя — Дж. Девлина (вместо трех, как следовало бы согласно пропорциональному представительству). Распределив сторонников антиюнионизма (как правило, католиков) между четырьмя избирательными округами города, юнионисты обеспечили в Белфасте избрание своих кандидатов.

А вот в графствах Тайрон и Фермана юнионисты потерпели фиаско. Несмотря на длительный террор, им не удалось изменить соотношение сил в свою пользу. Там было избрано три шинфейнера и один националист. Английская газета отмечала, что «трудно вспомнить даже в ирландской действительности еще одни выборы, проведенные с такой жестокостью, развращенностью и несправедливостью, как выборы в североирландский парламент» [72].

В выборах в ольстерский сенат националисты и шинфейнеры не участвовали. Из 26 сенаторов 25 представляли юнионистов и лишь один был националистом (лорд-мэр Лондондерри). В состав сената вошли шесть пэров, восемь лендлордов, четыре бизнесмена, три члена ольстерской лейбористской юнионистской ассоциации, два фермера, один врач. Среди сенаторов были герцог Эберкорн, маркиз Лондондерри, лорд Пирри, Безил Брук. Эти имена в той или иной степени связывались с сопротивлением Ольстера гомрулю. Значительная часть сенаторов в свое время являлась членами карсоновского ольстерского вре-

менного правительства. Главари ольстерского движения стали у кормила власти нового государства. К моменту его образования Карсон по состоянию здоровья сошел с политической сцены и не мог возглавить правительство. Его преемником на посту лидера юнионистской партии и первым премьером стал Дж. Крейг, воинствующий юнионист, ярый сторонник отделения шести ольстерских графств от остальной Ирландии. В состав первого ольстерского кабинета министров вошли такие реакционеры, как Хью Мак Дауэлл Поллок (министр финансов), Джон Эндрюс (министр труда), маркиз Лондондерри (министр образования), а также Даусон Бейтс, бывший с самого начала образования Ольстерского юнионистского совета его бессменным секретарем и занявший в новом правительстве пост министра внутренних дел. Таким образом, ориентация нового руководства не вызывала сомнений. Доверенные ольстерских юнионистов были полны решимости сохранять самые тесные связи с Великобританией и противостоять любой попытке воссоединения Ирландии. Недаром брат премьера Чарльз Крейг заверял английских политиков, что нынешнее поколение не увидит единой Ирландии. Это было подтверждено всей последующей историей Ольстера.

После введения Закона об управлении Ирландией юнионистские лозунги, направленные против гомруля, устарели, на смену им пришли новые. Вместо призывов «Не сдаваться! Не уступать!» юнионисты провозгласили «Не уступим то, что имеем!» («What we have we hold!»). Лозунги изменились, но методы остались прежними. Отсутствие демократических свобод, дискриминация католического населения, бесчинства оранжистов, подавление любой оппозиции — все это было заложено в самом образовании самостоятельного ольстерского правления и нацелено на сохранение и упрочение в стране юнионистского господства, все это в конечном итоге обусловило острейший социально-экономический и политический кризис, разразившийся в Ольстере в конце 60-х годов.

Структура североирландского парламента, порядок заседаний копировали имперский парламент. Первое деловое заседание открылось под звуки английского национального гимна принятием присяги на верность английской короне. Может быть, главным отличием ольстерского парламента от Вестминстера являлось отсутствие в нем

оппозиции вследствие отказа и шинфейнеров, и националистов принимать участие в его работе.

В конце июня в Белфасте состоялось официальное открытие североирландского парламента, на которое под залпы салюта прибыли король с королевой, Х. Гринвуд с супругой и супруга Карсона (сам он из-за болезни не смог присутствовать). Белфаст был наводнен полицией и войсками, стянутыми из многих мест. Здание, где происходила процедура, охраняли броневики. Король Георг V произнес речь, явившуюся отражением лицемерной политики английского руководства. «Я искренне желаю,— заявил король,— чтобы мой приезд в Ирландию оказался первым шагом на пути к окончанию вражды между ее населением... Я призываю всех ирландцев проявить снисходительность, простить и забыть и начать на земле, которую они любят, новую эру мира, удовлетворенности, доброй воли. Открытие ольстерского парламента являет собой пример этого. Будущее — в руках самих ирландцев. Может быть, это историческое событие явится прелюдией к тому дню, когда ирландский народ на Севере и Юге ради любви к Ирландии начнет строить свои отношения на прочной основе взаимного уважения и справедливости» [73].

Открывая североирландский парламент и делая тем самым еще один шаг на пути раздела страны, король высокопарно превозносил идею объединения Ирландии. Созданием сепаратного североирландского парламента британский империализм положил начало разделу Ирландии. Обеспечив себе плацдарм на Севере Ирландии, британский империализм начал переговоры с мятежным Югом. Между тем положение в Ирландии оставалось напряженным. Война с Англией изматывала молодое, неокрепшее государство. Росла безработица, начался голод. В стране нарастал подъем классовой борьбы, пугавший буржуазное шинфейнеровское руководство. В этих условиях оно согласилось на перемирие, предложенное британским правительством. 11 июля 1921 г. военные действия были прекращены, начались длительные дипломатические переговоры.

Среди шинфейнеровского руководства не было единства в вопросе о том, на каких условиях подписывать мирный договор с Англией. Выявились острые разногласия между умеренным крылом партии во главе с Гриффитсом, представители которого были согласны ограничиться со-

зданием ирландского доминиона, и более последовательными деятелями, выступавшими за полную политическую независимость. К ним принадлежал Де Валера и большинство военных руководителей. Правда, и среди них не было единодушия. Тем не менее возглавляемой Гриффитсом ирландской делегации, отправившейся в Лондон, было дано строгое указание не подписывать договор без санкции Дойла. После острой дипломатической борьбы и грубого шантажа (ирландцам грозили «новой ужасной войной») английской правительственной делегации, которую возглавлял Ллойд Джордж, удалось вынудить ирландских представителей к подписанию 6 декабря 1921 г. «статей соглашения» между Великобританией и Ирландией. Самоотверженная борьба ирландского народа заставила правящие круги Великобритании пойти на значительно большие уступки, чем это было предусмотрено в Законе об управлении Ирландией. Ирландия получила статус доминиона и формально становилась равноправным членом Британского содружества. Вместе с тем «статьи соглашения» признавали право шести северных графств Ольстера остаться вне национального государства. Ольстер стал «самоуправляющейся провинцией» Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Англо-ирландский договор 6 декабря 1921 г. явился важной вехой в истории «Зеленого острова». Героическая борьба ирландского народа за свое национальное освобождение положила конец безраздельному британскому господству в стране. Но победа не была полной. Ирландия лишилась своего наиболее развитого в промышленном отношении района и значительной части населения. Характеризуя ирландское национально-освободительное движение как успешную в целом революцию, В. И. Ленин вместе с тем указывал на ее ограниченный, незавершенный характер, а англо-ирландский договор назвал ллойд-джорджевским методом «усеченной революции» [74].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Решен ли ольстерский вопрос?

В августе 1977 г. в Ольстере проходила операция под кодовым названием «Монарх», имеющая целью предотвратить возможные беспорядки и террористические акты во время визита английской королевы в Северную Ирландию. К участию в операции были привлечены воинские и полицейские части в составе 32 тыс. человек. Многое изменилось в мире с тех пор, как 60 лет назад король Георг V открывал североирландский парламент, нет и самого парламента. Но по-прежнему в Ольстере рвутся бомбы, гремят выстрелы, льется кровь. Современный острейший социально-политический кризис в Северной Ирландии — свидетельство того, что ольстерский вопрос не удалось решить путем раскола страны. Раздел нанес обеим частям страны колоссальный ущерб в экономической, политической, социальной и культурной областях. Его губительные последствия — дань, которую ирландцы платят британскому империализму и поныне.

Бывший доминион Ирландское свободное государство (с 1937 г. Государство Эйре, с 1949 г. Ирландская Республика), получив в наследство от колониального периода отсталую аграрную экономику, с опозданием на целое столетие прошел стадию промышленной революции. Основные усилия в этом направлении пришлись на 30—40-е годы; они потребовали крайнего напряжения сил и сопровождались трудной борьбой с противодействием британского империализма делу индустриализации Ирландии. И все же, несмотря на немалые успехи, достигнутые главным образом в государственном секторе, страна так и не смогла изменить свое зависимое положение в навязанном империализмом международном разделе труда, преодолеть массовую эмиграцию, хроническую безработицу, отставание и обезлюдение западных областей страны.

Вплоть до начала 60-х годов она продолжала оставаться сырьевым придатком бывшей метрополии. Наметившийся в 60-х годах скачок (в эти годы темпы промышленного роста увеличились с 1 до 4%) был достигнут слишком дорогой ценой — за счет отказа национальной буржуазии от продолжения борьбы за полную национальную независимость Ирландии и ее откровенной капитуля-

ции перед империализмом. Страна стала «землей обетованной» не только для английских, но и для американских, западногерманских, голландских и даже японских монополий. В 1973 г. Ирландия вслед за Англией вступила в «Общий рынок».

В результате раздела страны Ольстер из наиболее развитой в промышленном отношении провинции Ирландии превратился в британское захолустье, район хронической экономической депрессии и высокой безработицы. За исключением периода второй мировой войны, когда рост промышленности поощрялся военными заказами, для Ольстера были характерны замедленные темпы экономического развития. В 20—30-е годы сказалось нарушение общеирландских связей и как следствие сужение внутреннего рынка. На эти процессы наложился мировой экономический кризис. Были подорваны позиции традиционных ольстерских отраслей — судостроения и полотняной промышленности, поглощавших большую часть рабочего населения провинции. В 1930 г. в Белфасте было 20 тыс. безработных текстильщиков, а число рабочих, занятых в судостроении, сократилось за период с 1924 по 1933 г. в 10 раз [1]. Если в среднем после первой мировой войны 25% рабочих Ольстера не имели работы, то в период экономического кризиса эта цифра колебалась от 28 до 31%, а среди трудящихся-католиков было тогда до 40% безработных [2].

Послевоенная активность североирландской экономики была обусловлена вооружением стран НАТО. С середины 50-х годов Ольстер превратился в бедствующий район Соединенного Королевства. Продолжался упадок традиционных отраслей промышленности. О происшедших в них колоссальных изменениях говорят следующие цифры: в 1949 г. в судостроении, текстильной и связанной с ними промышленности было занято 55% рабочей силы Северной Ирландии, а к 1970 г. только 26% [3]. В провинции постоянно отмечался самый низкий в Соединенном Королевстве уровень валового национального продукта на душу населения и самый высокий процент безработных (в 3—4 раза превышающий данные по Соединенному Королевству в целом) [4]. Ирландские коммунисты указывали, что «после второй мировой войны, даже когда в Англии была полная занятость, в Северной Ирландии существовала хроническая безработица». Жители провинции получали самую низкую заработную плату в стране.

В 1969/70 финансовом году заработок взрослого мужчины в Северной Ирландии составлял 81% в промышленности и 74% в сельском хозяйстве от среднего уровня по Соединенному Королевству [5]. Если добавить к этому, что жилищные условия населения Ольстера были признаны худшими в Европе (основной жилой фонд Белфаста, к примеру, составляли дома, построенные в прошлом веке), то неудивительно, что уровень жизни трети жителей провинции был ниже официально зарегистрированной черты бедности.

В общественно-политическом плане «автономный» Ольстер представлял собой образец самых диких и архаичных форм реакции. В нем прочно установился антидемократический юнионистский режим, характеризуя который представительница движения за гражданские права Бернадетта Девлин писала: «Перед нами средневековый уклад мышления, который некоторые трезвомыслящие люди с мучительным трудом стремятся поднять до уровня XVIII столетия. Здесь любой, кто политически или в каком-либо ином отношении достиг уровня XX в., уже революционер» [6].

Юридической основой юнионистского государства служили не столько английские конституционные правила, сколько чрезвычайное законодательство, принятое североирландским парламентом (Стормонтом) в 1922 г. на временный срок, а с 1933 г. действующее постоянно. Чрезвычайное законодательство предоставляет властям право ограничения и отмены свободы слова, печати, собраний и демонстраций, разрешает полиции производить без соответствующей санкции обыски и аресты, заключать в тюрьму без следствия и суда, аннулирует неприкосновенность личности и жилища.

Североирландская история XX в. подтвердила справедливость высказывания К. Маркса, отмечавшего, что «законы о чрезвычайном положении, за исключением некоторых кратких периодов, составляют хартию Ирландии» [7].

Опираясь на репрессивные законы, с помощью военизированной полиции и вооруженных отрядов специальных сил *B*, юнионистская партия 50 лет безраздельно господствовала в шести ольстерских графствах. Ее лидеры, представлявшие верхушку буржуазно-помещичьих кругов (89% членов Стормонта вышло из этих классов, составлявших 12% населения), десятки лет без всякой конку-

ренции занимали пост премьер-министра *. Так на практике реализовалось пожелание одного из премьеров, Дж. Эндрюса, провозгласившего, что юнионистское правительство всегда должно оставаться у власти в Северной Ирландии. Формально оппозиция существовала, хотя и не являлась единой организованной силой. Ведущая оппозиционная партия — националистическая — не представляла угрозы правлению юнионистов. Она обладала в провинции незначительными позициями, занимая в Стормонте от шести до девяти мест из 52 возможных, и не могла реально претендовать на власть. Более того, не признавая нового государства, националисты в течение 10 лет после его образования бойкотировали все формы общественно-политической жизни провинции, от парламента до местного самоуправления, облегчая юнионистам осуществление дискриминации католического населения. После того как с начала 30-х годов националистическая партия стала участвовать в выборных органах (хотя до 1965 г. и не принимала статуса официальной оппозиции), она сосредоточила свою политическую деятельность на задачах воссоединения страны, игнорируя важнейший вопрос о положении католического меньшинства и ослабляя тем самым свои позиции. «Антигосударственные» выступления националистов способствовали дальнейшей поляризации общества по религиозному признаку, закрепляя в сознании протестантских масс представление о нелояльности католиков — врагов собственности и государства. Объединяя своих сторонников под идейным знаменем католицизма, ольстерские националисты стояли на сектантских позициях, что отрицательно сказывалось на формировании классового сознания католических трудящихся.

Две другие оппозиционные партии — лейбористская и республиканско-лейбористская — не оказывали существенного влияния на политическую жизнь провинции. Они были немногочисленны и имели очень незначительное количество мест в Стормонте.

Укреплению юнионистской власти немало способствовал оранжистский орден, ставший мощным оружием внедрения официальной юнионистской идеологии. Орден имел

* Джеймс Крейг, лорд Крейгэвон,— 1921—1940 гг.; Джон Эндрюс — 1940—1943 гг.; Бэзил Брук, лорд Брукборо,— 1943—1963 гг.; Теренс О'Нейл — 1963—1969 гг.; Джеймс Чичестер-Кларк — 1969—1971 гг.; Брайан Фолкнер — 1971—1972 гг.

значительную квоту (122 представителя из 712) в Ольстерском юнионистском совете, руководящем органе юнионистской партии. Влияние ордена выходило за пределы его официального статуса. Членство в ордене рассматривалось как обязательное условие при выборах в Стормонт или в Вестминстер, при назначении в североирландский кабинет. Многочисленные льготы, предоставляемые орденом своим приверженцам за счет бесправного католического населения, облегчали проникновение в протестантские массы оранжистской демагогии. Связь политики и религии была декларирована одним из основателей и первым премьером Северной Ирландии Джеймсом Крейгом, заявившим: «...прежде всего я оранжист, а потом уже политический деятель и член парламента... главное, чем я горжусь, состоит в том, что у нас протестантский парламент и протестантское государство»[8]. Основатели «автономной» провинции старательно насаждали и углубляли совпадение политического и религиозного размежевания общественных сил в Северной Ирландии — наследие колониальной английской политики. Бэзил Брук открыто призывал не принимать на работу католиков, которые, по его мнению, на 99% не являлись лояльными гражданами. Такие же цели преследовала и основанная в 1931 г. Протестантская лига Ольстера, требовавшая, чтобы протестанты отказывались работать и общаться с католиками, и обвинявшая правительство в мягкотелости по отношению к «врагам государства».

Подавление и угнетение католического населения, лишение его всех и всяческих прав стало основной задачей юнионистских правителей, залогом самого существования провинции. Дискриминация, узаконенная практикой, служила основой, на которой зиждился монолит юнионистской власти. Она проникла во все сферы жизни Северной Ирландии: экономическую, социальную, политическую. Само деление Ольстера на Западный и Восточный было не просто географическим. Граница между ними, проходившая по реке Банн, отделяла промышленно развитый Восточный Ольстер, где преобладало протестантское население, от сельскохозяйственного Западного, где в некоторых графствах число католиков существенно превышало число протестантов. Именно западные сельскохозяйственные области являлись наиболее отсталыми и бедными районами провинции. В Западном Ольстере практически отсутствовала развитая промышленность и

не делалось попыток ее создать. Программы экономического развития Северной Ирландии, составленные в начале 60-х годов, предусматривали основную помощь относительно благополучным районам к востоку от Банна и игнорировали развитие западных областей. А ведь именно там социальные проблемы были особенно остры. Именно на Западе свирепствовала хроническая безработица, охватывавшая 16—17% населения (при среднем уровне 8%), в католических районах эта цифра была еще выше — до 40%. Тем не менее предложения о создании новых рабочих мест в промышленности касались в основном именно восточных районов. Из предполагаемых 80 тыс. мест 50 тыс. отводилось на Белфаст и Белфастский район и 30 тыс.— на остальную провинцию. Все правительственные планы не затрагивали второй по величине город Ольстера Лондондерри, где преобладало католическое население и социально-экономические проблемы достигли особой остроты, где безработица была в 5 раз выше, чем в «протестантских» городах Восточного Ольстера. Стремясь еще более заморозить развитие Запада, правительство закрыло основную железную дорогу Белфаст—Лондондерри, обслуживающую территории к западу от. Банна Удар по католической общине нанесло решение об открытии нового университета в городе Колрейн в Восточном Ольстере, хотя в Лондондерри для этого имелась база в виде университетского колледжа. Высокая безработица среди католического населения была не единственным следствием дискриминационной политики в вопросах трудоустройства, при которой католиков брали на работу последними, а увольняли первыми. При приеме на работу и по сей день действует система специальных тестов. При этом совершенно необязательно открыто заявлять, что ты — католик, можно лишь назвать район местожительства либо школу, которую окончил. В условиях существующей в Северной Ирландии сегрегации, когда католическая и протестантская общины имеют «свои» районы проживания, школы, магазины и т. д., этого достаточно, чтобы определить вероисповедание человека. Другой результат дискриминации — закрепление доставшейся в наследство от колониальной эпохи социальной структуры населения, в самом низу которой находится рабочий-католик. Католики и протестанты находятся на разных ступенях социальной лестницы. Католиков нанимают, как правило, на самую неквалифицированную и низкооплачи-

ваемую работу, они составляют незначительное меньшинство среди предпринимателей и государственных чиновников. По-другому обстоит дело в среде протестантов, представляющих ольстерских бизнесменов, лиц свободных профессий, большинство государственных служащих и высокооплачиваемых квалифицированных рабочих. Это относится и к тем районам, где преобладает католическое население. Английский исследователь Д. Гривз пишет, что анализ распределения рабочей силы в городе Лондондерри показал, что из 113 торговцев 75 являлись протестантами, в числе водителей грузовиков были 21 протестант и 4 католика, среди 91 канцелярского служащего — 20 католиков, а из 69 чиновников, занимающих административные посты,— 61 протестант и только 8 католиков. Католики не были представлены на руководящих постах в канцеляриях секретариата городской управы, городского бухгалтера, сборщика налогов, присяжного стряпчего, в отделе социального обеспечения[3]. Естественным следствием подобной правительственной политики была эмиграция католического населения. Она стала специальным механизмом, позволяющим сохранять постоянное соотношение между протестантской и католической общинами в пропорции 2 : 1. Подсчитано, что отсутствие эмиграции привело бы к значительному росту католического населения провинции (с 33 до 39%), а это воспринималось протестантским руководством как прямая угроза существующему режиму. В целом дискриминация католического населения рассматривалась как одно из условий сохранения юнионистского правления. Осуществление политики дискриминации требовало обеспечения юнионистского руководства в Стормонте и в местной администрации. Этому служила избирательная система. В Северной Ирландии существовал имущественный ценз, а также так называемое предпринимательское избирательное право, допускающее множественное голосование. Оно осуществлялось в дополнение к обычному избирательному праву и распространялось на лиц, занимающихся в данном округе предпринимательской деятельностью и имеющих определенный доход. Таким образом, при участии в голосовании предприниматели обладали правом нескольких голосов. Эта система обеспечивала дополнительные голоса юнионистам, так как именно их поддерживали протестантские в своем большинстве зажиточные слои общества. Именно против этого положения было направлено одно из главных

требований борцов за гражданские права — «один человек — один голос». Стремление юнионистов во что бы то ни стало обеспечить преобладание в местных органах власти, непосредственно ведающих вопросами трудоустройства, образования и т. д., определяло жилищную политику муниципалитетов, так как лишь домовладельцы обладали правом голоса на местных выборах. Отсюда — дискриминация при распределении жилья, которое предоставлялось в первую очередь протестантам. Жилищная политика являлась немаловажным способом сегрегации населения. Наличие обособленных католических и протестантских районов использовалось в избирательных целях, позволяло создавать искусственные избирательные округа, менять их границы. Смысл этих махинаций заключался в том, чтобы сконцентрировать возможно большее число католиков — противников юнионистского режима в одном избирательном округе, что автоматически сокращало их представительство.

Дискриминация католиков была зафиксирована в официальном отчете специальной правительственной комиссии во главе с лордом Камероном, назначенной для расследования причин «беспорядков» в Северной Ирландии. В отчете отмечалось «мощное и постоянно растущее среди католического населения чувство возмущения и отчаяния» в связи с нежеланием правительства Северной Ирландии принять какие-либо меры для облегчения его участи[10]. Именно дискриминация католического населения явилась одной из основных причин разразившегося в конце 60-х годов североирландского кризиса.

Массовое Движение за гражданские права, с осени 1968 г. охватившее всю Северную Ирландию, было подготовлено всей историей «самостоятельного» юнионистского государства, в основе существования которого лежала политика подавления широких слоев населения и полицейский произвол. В 1967 г. возникла Ассоциация борьбы за гражданские права, выступившая с общедемократической программой радикализации политической жизни в Северной Ирландии. Главной целью ассоциация поставила обеспечение фактического равноправия всех граждан независимо от их политических взглядов и религиозной принадлежности. Участники движения выдвинули требования свободы слова и собраний, отмены дискриминации при устройстве на работу и в жилищном вопросе, ликвидации чрезвычайного законодательства и роспуска нена-

вистных народу специальных сил *В*, а также требование проведения радикальной избирательной реформы с целью отмены системы множественных голосов и установления принципа «один человек — один голос».

Подавляющее число участников Движения за гражданские права составили католики, однако недовольство католического населения было не единственной причиной социального брожения в Северной Ирландии. Многолетняя хроническая депрессия в старых, традиционных промышленных отраслях, резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты, массовое поглощение мелкого и среднего местного бизнеса вторгшимися в Ольстер в последние десятилетия иностранными монополиями — все это привело к снижению уровня жизни протестантских трудящихся, массовому разорению, бегству в город и эмиграции мелкого и среднего фермерства безотносительно к его религиозной принадлежности, банкротству и краху сотен мелких и средних торговых фирм, мастерских, фабрик. Наиболее передовая часть протестантских трудящихся приняла участие в начальном этапе общедемократического движения в Ольстере, проходившего под лозунгом борьбы за гражданские права. Однако юнионистская пропаганда сумела направить антиимпериалистические настроения протестантских слоев общества в антикатолическое русло, придать им религиозный характер. Это привело к новым вспышкам религиозной вражды. Оценивая позицию рабочего класса, заместитель Генерального секретаря Коммунистической партии Ирландии Джеймс Стюарт писал: «История Северной Ирландии в последние годы сложилась так, что в основном католическая часть рабочего класса выдвинулась в первые ряды антиимпериалистической борьбы, в то время как его протестантское большинство в лучшем случае сохраняет пассивность, а в худшем — играет негативную и даже реакционную роль, оставаясь под обветшалым юнионистским знаменем. Однако недовольство протестантских масс своим положением и усиливающимся наступлением британских монополий нарастает... Рабочий класс Ольстера, имеющий давние боевые традиции, еще сумеет показать, что в борьбе за свои интересы и демократические права он может подняться над религиозными различиями, как во времена Коннолли и Ларкина» [11].

Ольстерская самоуправляющаяся автономная провинция, названная ирландскими коммунистами антидемокра-

тическим псевдогосударством, просуществовала 50 лет. В 70-е годы под напором демократических выступлений трудящихся Северной Ирландии рухнула прежняя структура власти в провинции, старательно насаждаемая в течение полувека британскими империалистами и их союзниками — ольстерскими юнионистами. Понимая несостоятельность юнионистского правления, британское правительство в августе 1969 г. ввело войска в Ольстер. В марте 1972 г. был распущен североирландский парламент. С видимостью самостоятельности Ольстера было покончено. Более десяти лет Лондон ведет необъявленную войну против народа Северной Ирландии. Наиболее разительным проявлением полицейских методов британской военщины стала практика заключения в тюрьму без суда и следствия, проводимая с августа 1971 г. В результате за тюремной решеткой оказались тысячи заключенных, арестованных без предъявления им каких-либо обвинений. Они подвергались насилию и пыткам. Наряду с физическими истязаниями широко использовались методы психического давления, направленные на то, чтобы сломить психику узника.

В результате многолетнего разбирательства жалобы Ирландской Республики против правительства Великобритании, поданной в Европейский суд защиты прав человека в Страсбурге, британское правительство было признано виновным в применении бесчеловечных методов обращения с заключенными в Ольстере. На суд было представлено 14 томов свидетельских показаний жителей провинции, как мужчин, так и женщин, подвергавшихся истязаниям в полицейских застенках и тюремных казематах. Однако пытки и издевательства над заключенными продолжаются. И этот факт не может скрыть переименование концлагеря Лонг-Кеш в королевскую тюрьму Мейз.

Видимо, в современной Англии, претендующей на роль хранительницы демократии, стало традицией обращаться с политзаключенными, как с уголовными преступниками. Именно так более 100 лет назад содержались ирландские фении. Как уголовники, содержатся и в наши дни узники североирландских тюрем — борцы за свободу Северной Ирландии. Но в «доброй старой» Англии живы и другие, подлинно демократические традиции. Открытым вызовом английским карателям явилось избрание в 1869 г. на дополнительных выборах в палату общин одного из лидеров фениев, «политического каторжанина»

О'Донована Россы. В 1981 г. в английский парламент был избран узник тюрьмы Мейз 27-летний Роберт Сэндс, объявивший голодовку в знак протеста против бесчеловечного обращения с арестованными, за предоставление им статуса политзаключенных. За эти справедливые требования Р. Сэндс отдал жизнь. После гибели Р. Сэндса на дополнительных выборах в Вестминстер победу вновь одержали прогрессивные силы. Депутатом английского парламента был избран сподвижник Р. Сэндса североирландский патриот О. Кэррон. Смерть в тюрьме Мейз в 1981 г. десяти узников в результате длившейся семь месяцев голодовки в знак протеста против лишения их статуса политзаключенных еще раз привлекла внимание мировой общественности к трагическому положению в Ольстере. Крайняя мера, на которую решились североирландские патриоты, имеет печальную аналогию в ирландской истории. Она напомнила события англо-ирландской войны, когда в 1920 г. после 74 дней голодовки скончался мэр города Корка Теренс Максуини.

Несмотря на непрекращающиеся переговоры сменяющих друг друга английских кабинетов с представителями ирландских правительств, основная линия Лондона на военное подавление конфликта в Северной Ирландии во имя сохранения там империалистического господства остается прежней. Об этом свидетельствует заявление М. Тэтчер после ее переговоров в Дублине в декабре 1980 г. с занимавшим тогда пост ирландского премьера Ч. Хохи о «неотъемлемом праве» Великобритании на управление Ольстером, а также продолжение жесткого курса в отношении томящихся в североирландских застенках борцов за гражданские права, отказ от предоставления им статуса политических заключенных. Напряженное положение усугубляет позиция ольстерских экстремистов, выступающих против разделения власти с католиками, также как и против любых шагов, способных привести в будущем к объединению Ирландии. Совершенно очевидно, что предлагаемая Лондоном политика «с позиции силы» не может обеспечить подлинного решения североирландского вопроса. Не задаваясь целью исследовать современный североирландский кризис, явившийся результатом взаимодействия целого ряда сложных социально-экономических и политических явлений, подчеркнем главное: в основе трагических событий наших дней лежит раскол Ирландии, раскол ирландского народа. И лишь на пути

его преодоления следует искать выход из затянувшегося кризиса.

Именно это считают своей главной задачей ирландские коммунисты, представители единственной политической партии, на деле воплощающей единство ирландского народа. Ирландские коммунисты последовательно выступают за справедливое, демократическое решение североирландской проблемы. Об этом свидетельствуют документы Коммунистической партии Ирландии. Ирландские коммунисты считают, что главной причиной нерешенности национальных и социальных проблем, стоящих перед ирландскими трудящимися, является сохранение господства британского империализма в стране. В манифесте состоявшегося в 1970 г. объединительного съезда КПИ подчеркивалось, в частности, что правящие классы Великобритании, хотя и осуществили раздел Ирландии, всегда рассматривали ее в качестве единого объекта эксплуатации и что этот раздел всегда расценивался ими как средство сохранения контроля над всей Ирландией. В документе показано, что годы империалистического господства привели к последствиям, общим для всей Ирландии. И в Северной Ирландии, и в Ирландской Республике высок уровень безработицы. Для обеих частей страны характерны высокий уровень эмиграции молодежи, уязвимость экономики для проникновения и господства иностранных монополий, растущий экспорт иностранного капитала, с одной стороны, и широкое привлечение иностранных капиталовложений — с другой, малонаселенность слаборазвитых районов, разорение мелких фермеров и владельцев небольших предприятий крупными монополиями, англо-американское наступление на ирландскую национальную культуру. С обострением общего кризиса капитализма эти общие черты в положении обеих частей Ирландии становятся все более очевидными [12].

В этих условиях особое значение приобретает призыв ирландских коммунистов к дальнейшему укреплению единства рабочего и демократического движения обеих частей Ирландии. Это положение, выдвинутое в объединительном манифесте, получило плодотворное развитие на XVI съезде КПИ в 1975 г.

Значительной вехой в истории борьбы ирландских коммунистов за единую, независимую Ирландию стал XVII съезд КПИ, состоявшийся в феврале 1979 г. в Белфасте. Съезд выдвинул широкую программу достижения анти-

империалистического единства и подлинной независимости страны на основе единства рабочего класса и всех трудящихся Ирландии, включая мелких фермеров и предпринимателей, ремесленников и прогрессивную интеллигенцию. «Это единство,— говорится в передовой статье органа КПИ газеты «Юнити»,— должно быть завоевано в общей борьбе против любых проявлений империалистического господства, от борьбы против безработицы, за повышение заработной платы до борьбы с репрессиями. Для нас путь к единству лежит через единство народа, уничтожение сектантского раскола, борьбу за демократию. Это единственный путь к прогрессу для народа Ирландии, для протестанта и католика, на Севере и на Юге страны» [13].

Рассмотрев положение в Северной Ирландии, съезд потребовал покончить с грубым вмешательством английского империализма в ирландские дела, прекратить вопиющие нарушения прав человека в Северной Ирландии, положить конец пыткам и насилию со стороны полиции и британской армии, объявить вне закона дискриминацию по политическим и религиозным признакам. Коммунистическая партия Ирландии считает необходимым покончить с «прямым правлением» Лондона и провести выборы в Североирландскую ассамблею по системе пропорционального представительства, чтобы не допустить возврата к юнионистскому правлению. Британские войска должны быть отведены в казармы с последующим выводом их из провинции, а британское правительство должно оставить за ирландским народом — как на Севере, так и на Юге — право самому решить вопрос о будущем устройстве страны. Выполнение этих требований будет способствовать созданию в Ирландии единого независимого демократического государства. Завоевание трудящимися политической власти станет главной предпосылкой для глубоких социальных преобразований ирландского общества.

Ирландские коммунисты являются наследниками бессмертных идей Джеймса Коннолли, выступавшего за соединение в Ирландии борьбы за национальную независимость с борьбой за социализм. Именно в этом контексте надо рассматривать поддержку ирландскими коммунистами демократических требований народа Северной Ирландии, их борьбу за преодоление раскола в рабочем движении, за обеспечение единства рабочего класса, его руко-

водящей роли в борьбе за демократию, в защиту гражданских прав. «КПИ, признавая, что британский империализм несет ответственность за нынешний кризис в Северной Ирландии... призывает рабочее движение и демократические силы Британии и Ирландии к объединению на основе программы требований о создании демократических условий в Северной Ирландии и о провозглашении Британией своего намерения не осуществлять впредь никакого политического и военного вмешательства в дела Ирландии»,— говорится в «Политической резолюции XVII съезда КПИ» [14]. Только на основе единства рабочего класса, всех демократических сил, интернациональной солидарности ирландских и английских трудящихся может быть найдено подлинное решение ирландской проблемы. Предложенная коммунистами программа вооружает ирландский народ четким ориентиром в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 45.

Глава 1

[1] *Пеа Л. де.* Расколотый Ольстер. М., 1974, с. 26.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 422.
[3] Там же, т. 16, с. 494.
[4] *Коннолли Д.* Рабочий класс в истории Ирландии. М., 1969, с. 219.
[5] *O'Brien M., O'Brien C. C.* A Concise History of Ireland. Norwich, 1972, p. 68.
[6] *Carlton C.* Bigotry and Blood: Documents on the Ulster Troubles. Chicago, 1977, p. 34.
[7] Ibid., p. 37.
[8] Belfast: Origin and Growth of an Industrial City / Ed. J. C. Beckett, R. E. Glasscock. L., 1967, p. 34.
[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 12.
[10] Цит. по кн.: *Коннолли Д.* Указ. соч., с. 110.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 14.
[12] *Lecky H. W.* History of Ireland in the Eighteenth Century. L., 1913, vol. III, p. 37.
[13] *Пеа Л. де.* Указ. соч., с. 48.
[14] *Henry R. M.* The Evolution of Sinn Fein. Dublin, 1920, p. 264.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 12.
[16] Belfast: Origin and Growth of an Industrial City, p. 88—89.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 717.
[18] Belfast: Origin and Growth of an Industrial City, p. 111.
[19] *Green E. R.* The Lagan Valley, 1800—1850: A Local History of the Industrial Revolution. L., 1949, p. 32.
[20] Цит. по кн.: Ulster as it is: A Review of the Development of the Catholic-Protestant Political Conflict in Belfast between Catholic Emancipation and the Home-Rule Bill. Belfast, 1973, p. 41.
[21] *Boyd A.* Holy War in Belfast. Tralee, 1970, p. 4.
[22] *Wallace M.* Nothern Ireland: 50 Years of Self Government. Newton: Abbot Press, 1972, p. 39.

Глава 2

[1] Statist, 1920, 5 May, p. 906; 3 Apr., p. 638.
[2] The Ireland of today. L., 1913, p. 20.
[3] *Riordan E.* Modern Irish Trade and Industry. L., 1920, p. 114.
[4] Economist, 1920, 21 Febr., p. 442 (прил.).
[5] Statist, 1920, 6 Mar., p. 458.

[6] Economist, 1921, 24 Dec., p. 1109; Statist, 1921, 12 Mar., p. 445.
[7] *Riordan E.* Op. cit., p. 244—245.
[8] Cost of Living of the Working Classes Great Britain: Board of Trade. L., 1908, p. XXXIX.
[9] Ibid., p. 566—568.
[10] *Коннолли Д.* Указ. соч., с. 263.
[11] Даже в наши дни в Северной Ирландии 50% населения проживает в сельской местности, а до заключения унии, в 1800 г., сельские жители составляли 90% ольстерского населения. См.: Ulster since 1800: Social Survey. L., 1958, p. 230.
[12] *Hooker E.* Readjustment of Agricultural Tenure in Ireland. Chapel Hill, 1938, p. 219.
[13] Statist, 1921, 26 Febr., p. 347.
[14] Ibid.
[15] Agricultural Statistics of Ireland, 1851—1926. Dublin, 1928, p. 142.
[16] Высчитано на основании данных, приведенных в кн.: Agricultural Statistics of Ireland, p. 146.
[17] Ibid., p. 160.
[18] Ibid.
[19] *Riordan E.* Op. cit., p. 67.
[20] Statist, 1919, 29 Mar., p. 551.
[21] *Riordan E.* Op. cit., p. 197.
[22] Ibid., p. 114.
[23] Ibid., p. 63, 115.
[24] Irish Opinion: The Voice of Labour, 1918, 2 May, p. 25—27.
[25] Economist, 1920, 21 Febr., p. 442 (прил.); 1921, 19 Febr., p. 405 (прил.).
[26] Statist, 1920, 6 Mar., p. 458; Economist, 1920, 31 Jan., p. 188.
[27] Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг. М., 1937, ч. 1, с. 348—349, 356—357.
[28] *Riordan E.* Op. cit., p. 119.
[29] Economist, 1922, 14 Jan., p. 44—45.
[30] Ibid.
[31] Statist, 1920, 6 Mar., p. 458.
[32] Economist, 1921, 19 Febr., p. 394; 1922, 18 Febr., p. 329.
[33] Statist, 1921, 9 Apr., p. 361 (прил.).
[34] Irish Labour Party and Trade Union Congress: Official Report of the Annual 27th Congress. Dublin, 1921, p. 83.
[35] Economist, 1922, 18 Febr., p. 340 (прил.).
[36] Ibid.
[37] Manchester Guardian, 1920, 23 Dec., p. 7.
[38] *Gallagher F.* The Indivisible Island: The History of Partition of Ireland. L., 1957, p. 279.
[39] *Ervine J.* Craigavon: Ulsterman. L., 1949, p. 440.
[40] *Clarkson D.* Labour and Nationalism in Ireland. N. Y., 1925, p. 383.
[41] Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1980 и начало 1981 г. М., 1981, с. 142.
[42] *Burns E.* British Imperialism in Ireland. Dublin, 1931, p. 35.
[43] Census of Ireland, 1911: Province of Ulster. L., 1912, vol. 27—37, p. VI—VII.
[44] Ibid., vol. 27/28, p. VII.
[45] Ibid., vol. 37, p. 14; vol. 29, p. 15.
[46] Cost of Living of the Working Classes: Report of an Enquiry by the Board of Trade into Working Class Rents, Housing and Rential Prices. L., 1908, p. 567—569.

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 107.
[48] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 38, col. 103.
[49] Ibid.
[50] Leaders and Men of the Easter Rising: Dublin 1916, L., 1967, p. 84.
[51] *Strauss E.* Irish Nationalism and British Democracy. L., 1951, p. 233.
[52] Цит. по кн.: *Gallagher F.* Op. cit., p. 65.
[53] Irish Historical Studies, 1961, N 47, p. 203.
[54] Manchester Quardian, 1921, 25 Aug., p. 8.
[55] A Handbook for Rebels / Compl. T. Johnson. Dublin, 1918, p. 15.
[56] The Irish Peasant: A Sociological Study. L.; N. Y., 1892, p. 117—118.
[57] Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 38, col. 633.
[58] *Коннолли Д.* Указ. соч., с. 256.
[59] *Clarkson D.* Op. cit., p. 374.
[60] *Buckland P.* Ulster Unionism and the Origins of Northern Ireland, 1886—1922. Dublin; New York, 1973, p. 51.
[61] *Stewart A. T. Q.* The Ulster Crisis. L., 1967, p. 21.
[62] Ibid., p. 22.
[63] Irish Historical Studies, 1961, N 47, p. 207.
[64] *Stewart A. T. Q.* Op. cit., p. 32.
[65] Ibid., p. 62.
[66] Ibid., p. 56.
[67] *Buckland P.* Op. cit., p. 85.
[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 74.

Глава 3

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 233—234.
[2] Там же, т. 22, с. 341—342.
[3] *MacArdle D.* The Irish Republic. L., 1968, p. 245—247.
[4] The Annual Register for 1919. L., 1920, p. 122.
[5] Manchester Guardian, 1920, 22 Apr., p. 7; 24 Jun., p. 7.
[6] Ibid., 30 Jun., p. 7.
[7] *Ervine J.* Craigavon: Ulsterman. L., 1949, p. 399; Manchester Guardian, 1920, 12 Oct., p. 9.
[8] *Strauss E.* Op. cit., p. 233; *Clarkson D.* Op. cit., p. 348.
[9] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 163.
[10] Цит. по кн.: *Clarkson D.* Op. cit., p. 219.
[11] *Bowley A.* Prices and Wages in the United Kingdom, 1914—1920. Oxford, 1921, p. 106.
[12] Statist, 1921, 15 Jan., p. 91.
[13] Daily Gerald, 1919, 9 Apr., p. 6.
[14] *Greaves D.* Liam Mellows and the Irish Revolution. L., 1971, p. 172.
[15] *Clarkson D.* Op. cit., p. 364.
[16] Watchward of Labour, 1920, 14 Febr., p. 3; 3 Apr., p. 3.
[17] Statist, 1919, 8 Febr., p. 231.
[18] Manchester Guardian, 1920, 3 May, p. 8; 24 Jun., p. 8.
[19] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 132, col. 765.
[20] Цит. по кн.: *MacArdle D.* Op. cit., p. 370.
[21] Manchester Guardian, 1920, 29 Jul., p. 7.
[22] Цит. по кн.: *Taylor R.* Assasination: The Death of H. Wilson and the Tragedy of Ireland. L., 1961, p. 115.
[23] Manchester Guardian, 1922, 20 May.
[24] *Hugh M.* Ireland in Insurrection. L., 1921, p. 171.

[25] *Coogan T. P.* Ireland since the Rising. L., 1966, p. 31; *Taylor R.* Op. cit., p. 115.
[26] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 133, col. 1493.
[27] Irish Labour Party..., p. 34.
[28] Ibid., p. 78.
[29] Great Britain: Labour Party Conference. L., 1920, p. 165—166.
[30] Irish Labour Party..., p. 140—143.
[31] Workers' Republic, 1921, 17 Dec., p. 1, 5.
[32] Ibid., 1922, 14 Oct., p. 1.
[33] *Коннолли Дж.* Указ. соч., с. 23.
[34] Workers' Republic, 1921, 26 Nov., p. 2.
[35] Ibid., 17 Dec., p. 1; 14 Dec., p. 1.
[36] Ibid., 31 Dec., p. 2.
[37] Цит. по кн.: *George W.* My Brother and I. L., 1958, p. 254.
[38] Ibid.
[39] В письме к Карсону он писал, что «Ольстер никогда не объединится с остальной Ирландией» (*Greaves D.* The Irish Case against Partition. L., 1958, p. 9).
[40] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 91, col. 459.
[41] *Lloyd George D.* War Memoirs. L., 1933, vol. 5, p. 2671.
[42] The Parliamentary Debates: House of Lords, vol. 29, col. 733, 735.
[43] The Annual Register for 1918. L., 1919, p. 161.
[44] History. L., 1971, vol. 56, N 187, p. 213.
[45] Manchester Guardian, 1920, 31 Jul.
[46] *Колпаков А. Д.* Ирландия — остров мятежный. М., 1965, с. 49.
[47] Manchester Guardian, 1920, 23 Jul.; 13 Jul.
[48] Цит. по кн.: The Irish Struggle, 1916—1926. L., 1966, p. 149; Times, 1920, 17 Oct.
[49] Manchester Guardian, 1920, 11 Oct.; 19 Nov.
[50] Ibid., 31 Jul.
[51] *Wilson H.* His Life and Diaries. L., 1927, p. 283.
[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.
[53] Там же, т. 25, с. 259.
[54] *Судейкин А. Г.* Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976, с. 53.
[55] Report of the Labour Commission to Ireland. L., 1920, p. 99.
[56] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 127, col. 1122—1123.
[57] Ibid., vol. 123, col. 1173—1175.
[58] Manchester Guardian, 1920, 21 Apr.
[59] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 110, col. 2017.
[60] Spectator, 1920, 13 Mar., p. 337.
[61] Manchester Guardian, 1920, 24 Nov.
[62] Ibid., 28 Apr.; The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 134, col. 1439.
[63] Цит. по кн.: *Mansergh N.* The Government of Northern Ireland. L., 1936, p. 112.
[64] The Annual Register for 1920. L., 1921, p. 20.
[65] Watchward of Labour, 1920, 13 Mar.
[66] The Parliamentary Debates: House of Commons, vol. 127, col. 981.
[67] Manchester Guardian, 1920, 31 Dec.
[68] Цит. по кн.: *Mansergh N.* Op. cit., p. 115.
[69] Manchester Guardian, 1921, 5 Apr.
[70] *Gallagher F.* Op. cit., p. 235.
[71] Manchester Guardian, 1921, 18 May.

[72] Ibid., 25 May.
[73] *MacArdle D.* Op. cit., p. 427—428.
[74] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 376.

Вместо заключения

[1] Nusight, Dublin, 1969, September, p. 30.
[2] *Wiener R.* The Rape and Plunder of the Shankill in Belfast: people and planning. Belfast, 1976, p. 14.
[3] *Busteed M. A.* Northern Ireland. Problem Regions of Europe. L., 1974, p. 11.
[4] Ibid.
[5] *Busteed M. A.* Op. cit., p. 8.
[6] *Devlin B.* The Price of My Soul. L., 1969, p. 53.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 423.
[8] *Пеа Л. де.* Указ. соч., с. 131.
[9] *Гривз Д.* Ирландский кризис. М., 1974, с. 101—102.
[10] Disturbances in Northern Ireland: Report of the Commission Appointed by the Governor of Northern Ireland. Belfast, 1969, p. 55—66, 91.
[11] Проблемы мира и социализма, 1973, № 9, с. 60.
[12] Политическое самообразование, 1980, № 4, с. 63.
[13] Unity, Belfast, 1979, vol. 18, N 9, p. 6.
[14] О национальном вопросе в капиталистических странах. Прага, 1981, с. 103.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адамсон У. 126
Асквит Г. 69, 74, 108, 110, 113—115, 121, 122, 135

Бальфур А. 62
Барбур Дж. 24
Барбур У. 24
Бейтс Д. 85, 142
Биркенхед, лорд 109, 119
Бойкотт 60
Бонар Лоу 67
Бонар Лоу Э. 67, 73, 109, 110, 112, 115, 123, 128, 130
Боуман А. 90
Брежнев Л. И. 4, 159
Бристоу, семья 41
Брук Б., лорд Брукборо 141, 148, 149

Вебб С. 125
Вильгельм III Оранский 14, 33, 72, 85, 99, 139
Вильсон В. 117, 132
Вильсон Г. 118, 123
Вильсон С. 109
Вольф Дж. 25, 28

Галлахер Дж. 27
Гамильтон Дж. 8
Гендерсон А. 125, 126
Генрих Плантагенет 7
Георг V 71, 143, 145
Гладстон У. Ю. 10, 60—62, 68, 69, 107
Гоу Х. 74
Грегори А. 63
Гренвиль, лорд 21
Гривз Д. 151, 163
Гримшоу, семья 24
Гринвуд Х. 118, 120, 135, 143
Гриффитс А. 77, 143, 144
Галлахер Ф. 138, 150—162

Де Валера И. 77, 144
Девитт М. 4, 60
Девлин Б. 147, 162
Девлин Дж. 59, 79, 137, 141
Джонсон Т. 97
Джоуэтт Ф. У. 126
Диллон Дж. 135
Донегол, лорд 17

Елизавета, королева 7, 8

Камерон 126, 152
Карл I 9
Карсон 143
Карсон Э. 62, 64, 66, 67, 70, 72—74, 85, 95, 99, 102, 111, 116, 131—134, 140, 142, 162
Кемпбеллы, семья 25
Керзон, лорд 113
Киплинг Дж. Р. 73
Колпаков А. Д. 162
Конноли Дж. 4, 11, 42, 66, 76, 88, 90, 91, 96, 97, 103, 105, 153, 157—162
Корри Дж. 68

Крейг Дж., лорд Крейгэвон 63, 70, 95, 131, 132, 134, 140, 142, 148, 149
Крейг Ч. 142
Кромвель О. 10—12
Кук 22
Кук Г. 30, 32, 34
Кэмберленд 33
Кэмпбелл Д. 97
Кэролэн М. 82
Кэррон О. 155

Лалор Дж. 4, 35
Ланн 126
Ларкин Д. 90, 91, 153
Лейк 21, 22
Ленин В. И. 59, 74—76, 89, 108, 124, 144, 161—163
Лидделы, семья 25
Ллойд Джордж Д. 110—115, 117, 119, 122, 127—131, 134, 144, 162
Лонг У. 73, 109
Лондондерри, лорд 67, 108, 141, 142
Лэнсдаун, лорд 67, 108, 112, 114
Лэнсдауны, семья 11

Макдональд Р. 65
Макреди Дж. 80, 118
Максвелл 76
Максуини Т. 155
Мальборо 68, 73
Маркс К. 19, 20, 23, 24, 36, 147, 159, 163
Маунтджой 7
Милнер, лорд 113
Митчел Дж. 4, 35
Митчеллы, семья 28
Монтгомери Г. 32
Монтгомери Х. 8

Нокс Дж. 9
Нокс 21
Ноксы, семья 41

О'Доннел, граф Тирконнелл 7
О'Доннован Росса 155
О'Коннел Д. 29, 30
О'Нейл, граф Тайрон 7
О'Нейл Т. 148

Парнелл Ч. С. 4, 59, 60
Пеа Л., де 159, 163
Петти У. 11
Пиль Р. 33
Пимы, семья 24
Пирри, лорд 141
Пирс П. 4, 76
Питт У., младший 22
Поллок Х. М. Д. 142

Редмонд Дж. 54, 69, 78, 111
Рейли Д. 35
Ритчи 18
Ритчи, семья 24
Ричардсон Дж. 72
Ричардсоны, семья 24

Селборн, лорд 112
Сесил Р. 124
Скотт 135
Стрит 121
Стюарт Дж. 153
Стюарты 8, 9, 13
Судейкин А. Г. 126, 162
Сэндс Р. 155

Талбот Р. 12, 13
Тернеры, семья 41
Тиллет Б. 125
Тон У. Т. 4, 20—22
Тэтчер М. 155

Уокер Дж. 13
Уокер У. 90
Уоллесы, семья 24
Уэстморленд 21

Фаррелл У. 27

Фергюсоны, семья 41
Фитцгиббон, лорд 68
Фицджеральд Э., лорд 22
Фолкнер В. 148
Фрэзеры, семья 25
Фултоны, семья 25

Ханна Х. 14
Харланд Э. 25, 28
Хохи Ч. 155
Хью М. 121, 160

Чемберлен Дж. 61, 62
Чемберлен О. 67, 116, 117, 135
Черчилль Р. 68
Черчилль У. 117, 120, 122, 127, 135
Чичестер-Кларк Дж. 148

Шинуэлл Э. 125

Эварт У., герцог Эберкорн 68, 69, 141
Эмери Л. 109, 116
Эммет Р. 4
Энгельс Ф. 10, 159, 163
Эндрюс Дж. М. 53, 142, 148

Яков I 8, 9
Яков II 12, 13, 33
Янг, семья 28

Beckett J. C. 158
Boyd A. 158
Bowley A. 160
Buckland P. 160
Burns E. 159
Busteed M. A. 162
Carlton C. 158
Clarkson D. 159, 160
Coogan T. P. 161
Ervine I. 159, 160
George W. 161
Glasscock R. E. 158
Greaves D. 160, 161
Green E. R. 158
Henry R. M. 158
Hooker E. 159
Johnson T. 160
Lecky H. W. 158
MacArdle D. 160, 163
Mansergh N. 161
O'Brien C. C. 158
O'Brien M. 158
Riordan E. 158, 159
Stewart A. T. Q. 160
Strauss E. 160
Taylor R. 160, 161
Wallace M. 158
Wiener R. 162
Wilson H. 161

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Немного истории 7
Начало колонизации Ольстера 7

«Английский гарнизон» 22

Глава 2. Оплот английского господства 37
Экономический придаток метрополии . . . 37
Юнионизм против гомруля 55

Глава 3. Ирландская революция и Ольстер 75
Политическая борьба 75
Позиция рабочего класса 88
Британская реакция переходит в наступление 106
Раздел Ирландии 128

Вместо заключения 145
Решен ли ольстерский вопрос? 145

Примечания 159

Указатель имен 164

Елена Юрьевна Голякова
ОЛЬСТЕР: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **О. Б. Константинова**
Художник **В. П. Хлебников**
Художественный редактор **Н. Фильчагина**
Технический редактор **Е. Н. Евгянова**
Корректоры **Л. И. Карасева, Б. И. Рывин**

ИБ № 15437

Сдано в набор 05.11.81
Подписано к печати 22.01.82
Т-03219. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,03 Усл. кр. отт. 9,33
Уч.-изд. л. 9,7
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 1057
Цена 60 коп.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул 90

2-я типография издательства «Наука» 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

РАХШМИР П. Ю.
Происхождение фашизма. 10 л.
(История и современность).
35 к.

Прошло более полувека с тех пор, как на политической сцене капиталистического мира появились фашисты. Где коренятся истоки фашизма? Какие факторы обусловили его возникновение? Каким образом он набрал силу? На эти вопросы и отвечает предлагаемая вниманию читателя книга. В ней рассказывается о предыстории фашизма и его становлении, вскрывается ответственность монополистической реакции за ту зловещую роль, которую, он сыграл в истории европейских народов, объясняются причины возрождения неофашистских тенденций в наши дни.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 МОСКВА В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 **ЛЕНИНГРАД** П-110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга-почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга-почтой».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·НАУКА·